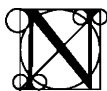

ШАЙКА ИДИОТОВ

Сочинение

М. ВЕЛЛЕР

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6
В27

Серия «Книги Михаила Веллера»

*Оформление обложки Александра Кудрявцева,
студия «FOLD & SPINE»*

Веллер, Михаил.

**В27 Шайка идиотов / Михаил Веллер. — Москва :
Издательство АСТ, 2020. — 288 с. — (Книги Михаила
Веллера).**

ISBN 978-5-17-134593-8

Новая книга Михаила Веллера — о романтике и многообразии жизни в Советском Союзе, где собственные приключения и смены профессий автора соединены с анализом коммунистической мечты и наступившего мирового пожара.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

© М. Веллер, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Он ворвался в дом, попукивая и отбивая чечетку, то есть на своем языке предупреждая людей о страшной опасности, грозившей им всем. И хозяин дома взял клюшку для гольфа и вышиб ему мозги.

*Курт Воннегут,
«Завтрак для чемпионов».*

Первое личное предисловие

КАК Я БЫЛ ПРОЛЕТАРИЕМ

Совсем молоденьким парнишкой впервые переступил он порог проходной. Такими фразами начинали когда-то мы, молодые и циничные советские газетчики, обязательные материалы о рабочих-передовиках. И хохотали над продуктом собственной пропаганды — штампами, ставшими издевкой.

Итак, сегодня я о себе.

Мой славный трудовой путь, длинный и извилистый, как полет шмеля в лабиринте, начался в шестнадцать лет... шестнадцать было мне, скользкий путь, готовок увяз... короче: я его начал, и он начался. После девятого класса. Летом.

Делать было нечего, и друг Леша Карпович нашел гениальное занятие. Мужское, денежное, интересное и смешное. Водитель электрокара. В УПП слепых. УПП — это учебно-производственное предприятие, если кто не знал. Они делали всякие железные крючки, задвижки и уголки, и складывали в ящики. А мы эти ящики ставили на площадку кара (он вообще-то мужского рода, но всем нравилось произносить в женском) и отвозили на склад. А нашим работягам развозили заготовки.

Там и одному карщику делать было нечего. А зарплата маленькая, и не найти даже одного. И вот директор этой артели «Анютины глазки», как тут же прозвал

ее веселый Леша, взял нас двоих на одну зарплату: как несовершеннолетних, учениками, на половину рабочего дня и за половину зарплаты. Учениками мы были один день: сделали по паре кругов на этой электротележке и расписались в ведомости, что прошли двухнедельный курс обучения, плюс подпись за технику безопасности. После чего были уже водителями внутривозового транспорта на электрическом ходу, в таком духе. Да, а за цинизм отзывов о коллективе вы рабочих подростков не презирайте: пролетарский юмор вообще прост и прям.

Наш пол-ставочный рабочий день продолжался четыре часа у каждого, и мы проводили на работе все восемь часов вместе, от полного не фиг делать. Разъезжали по большому прохладному сараю, регулируя двумя ручками скорость и направление и огибая углы. Бегали слепым за бутылкой и выпивали с ними портвейн.

Это приятное чувство в шестнадцать лет. Нет, портвейн тоже, но я имею в виду — быть рабочим человеком. Трудящимся. Полноправным. Это придает самоуважения и весомости.

Через месяц мы получили по сорок рублей. Собственных, заработанных. Это по половине взрослой зарплаты. Вообще выходило по сорок пять, но десятку директор взял себе, и сказать ему юные пролетарии, конечно, ничего не посмели.

Второй раз... Второй раз мне как пролетарию было уже двадцать три года. Я успел кончить школу и университет, побывать пионервожатым, воспитателем и учителем. Повредить себе нервную систему и утомиться безденежьем. Пришел в отдел кадров ЖБК — комбината железобетонных конструкций — и сказал, что по объявлению хочу в бетонщики. Людей не хватает, оформили тут же.

Огромный высокий ангар. С высокой стены — несколько суставчатых рукавов подачи бетона. Под ними — вибростолы, при каждом — маленький подъемный кран с кнопочным регулятором на проводе. На каждый стол с краном — бригада шесть человек. Не спрашивайте, почему шесть. А так.

На стол краном опускается чугунная фигурная ванна — метра три на два. В круглые технологические отверстия по сторонам вставляются металлические цилиндры — закладные. Сверху подводится рукав и дозированно валится туда бетон. После чего — ванна с бетоном закрывается, при помощи крана же, поддоном, и они стягиваются струбцинами. Врубается вибратор стола, и все оглушительно грохочет и трясется — это и есть вредность, за которую дается молоко. Пять минут все глухие и курят.

Ну а потом мостовой кран поднимает всю конструкцию и везет вдоль рельс в дальний конец цеха, а ты идешь туда, развинчиваешь струбцины, вынимаешь закладные и несешь все обратно к столу. Бетонная конструкция сохнет на поддоне, кран тащит ванну обратно, цикл повторяется.

Зачем, говорите, это описание? А, не любите пролетариат, не интересуетесь? Короче: бухали на рабочем месте чуть не ежедневно. После смены — душ, и в половине четвертого свободен до завтра. Мыслей — ноль, ответственности — ноль. Двести рублей в месяц. Вдвое больше учительской ставки. А научить можно шимпанзе за час.

Слушайте, я вам всю свою пролетарскую биографию не буду подробно излагать: и мне длинно, и вам надоест. Вот еще рабочая точка на жизненном пути:

Слесарь-сборщик на заводе металлоконструкций. Тоже двести в месяц выходило, тоже в половине седьмого через проходную, тоже в половине четвертого выходишь свободный на улицу.

Зимой, в глухой ночи, до семи часов все сидят осовело на табуретках, спят и курят. Просыпаются. В семь включают станки и начинается шевеление. В одиннадцать будет обед, а потом еще успеют сыграть в карты.

Здесь не пьют. Здесь сверлильные станки, электрозубило, гильотина, много чего. Первые дни месяца валяют дурака: начальство не чешется обеспечить работу и материалы. В конце месяца авралят, упираются до вечера, выходят по выходным: план, зарплата, премия. Но. Никто

не переламывается. По большому счету всем все до фонаря. Однако рабочая этика присутствует: работать надо, как следует работать. Есть такое понимание.

Не знаю, стоит ли добавлять к героическому списку работу на фабрике музыкальных инструментов, где я не делал почти ничего. Ну, так вышло. Но зарплату получал.

...Я почему отобрал именно эти примеры? Потому что это было именно организованное плановое производство, большой рабочий коллектив, и трудились там представители именно рабочего класса, беспримесные. Мы выполняли план и получали зарплаты в рамках тарифной сетки. За нас думал фюрер. Чего делать, сколько делать, когда делать — тебе все скажут. Обеспечат материалами и инструментом. А не обеспечат — хрен ты его где возьмешь. Ори бригадиру и мастеру, чтоб обеспечил. А лучше — сиди ровно, все будет как будет. Плохо работаешь — не выгонят, хорошо работаешь — много не приплатят: здесь бригада, цех, завод, фонд заработной платы, план — и все со всем увязано. Или не увязано.

Этот рабочий класс был владельцем, хозяином всей страны — в том числе своего завода. В чем это выражалось? Вот в вышесказанном. Но:

От нас ничего не зависело! Мы, хозяева социалистической собственности — никак не могли влиять на свою собственность. Мы знать не знали, кем и как тот план составлен, кто нас обеспечивает сырьем и куда идет продукция. И даже мыслей не было, как преобразовать завод, чтоб делал он чего надо и сколько надо. Мы чего? — мы работяги. Нам сказали — мы делаем.

Промышленный пролетариат, в рядах которого я имел честь состоять — люди разные, как и везде. В основном — нормальные хорошие ребята. Но одно роднит безусловно: они и в мыслях не имеют рулить производством. Их организационные способности близки к нулю. Они заполняют клеточки созданной для них структуры. Безынициативны, простите. Именно уровень мышления, образования, изобретательности... но простите, не далеко ли мы забежали вперед.

Второе личное предисловие

КАК Я БЫЛ СОЦИАЛИСТОМ

В юбилейный год 50-летия Великого Октября — Всесоюзный Студенческий Строительный Отряд имени этого события разъехался летом по стройкам страны. Кто как, а мы были комсомольцы, студенты, коммунизм был будущим планеты, и нам был нужен смысл именно нашей жизни. Мы тосковали по Интербригадам Республиканской Испании. Нам звучал Окуджава: «Я все равно паду на той, на той единственной, Гражданской, и комиссары в пыльных шлемах склонятся молча надо мной».

Кино дайте! Колонна в светло-серой форме африканско-военного типа шагала по всему Невскому до Московского вокзала, эшелоны под посадкой, трое суток через бесконечную степь и пустыню, горячий ветер в открытые двери тамбуров, гитары и бесконечная радость больших и нужных дел. Коснуться романтики и себя испытать.

И стоял наш отряд гуманитаров Ленинградского университета на Мангышлаке. И строили мы железную дорогу и ПГС — «промышленные и гражданские сооружения», была такая аббревиатура. Жили в палатках, вкалывали по десять часов в сутки, иногда по двенадцать, а температура была в пустыне сорок пять днем.

А бригады были: филологи, историки, философы и еще географов с биологопочвенниками нам сунули. У каждой бригады — своя палатка, свой бригадир, свой

объект, свой фронт работ. Кухня, столовая, трехразовое питание, штаб: командир-комиссар-завхоз-врач.

А деньги мы делили так: бригадная коммуна. Все в общий котел бригады. И делим поровну. Но — общим собранием проголосовали за коэффициент: более нуждающимся, у кого в семье доход низкий, родители помочь не могут — коэффициент 1,2. А девочкам — трое у нас было из 20 — коэффициент 0,8. Причем: нашим троим, помнится, особо нуждающимся мы предложили добавить сами, и девочки попросили себе уменьшить тоже сами.

Вкальывали от пуза. Надрывались как могли. И каждый норовил встать на тяжелую работу, а не легкую. Такие были отношения.

А уж наряды на работу вырывал наш бугор. Вечером на планерке всегда стояла пря. Бригадир торговались, командир с мастером следили за справедливостью дележки фронта работ.

И вот через месяц пожаловал районный комиссар. Дармоед. Молодой номенклатурщик. Мы вкальываем для страны — а он осуществляет идеологическую болтологию. В столовой нашей фанерной — общее собрание отряда. И он, уверенный тридцатилетний функционер: сбрить бороды и установить отрядную коммуна — деньги на все 100 человек поровну. Про бороды ему ответили, что в Уставе ССО бритья нет. Сухой закон, дисциплина — есть. А бритья — нет. Не фиг. А про отрядную коммуна — этого тоже в Уставе нет. И мы не желаем. Одни работают так, другие эдак: не фиг. Бригадную коммуна мы установили сами, никто не велел, это справедливо, а отрядная — нет! Не хотим! Как работаем — так и получим! Иначе только переругаемся, и будет казаться, что ты здесь работаешь, а они там в тенечке курят.

Комиссар долго кряхтел и уговаривал. С тем и уехал. А мы остались с чувством своей правоты и справедливости. Наряды закрывались на бригаду. С кем вместе пашешь — с тем и получаешь.

Аналогичная история через год произошла в следующем стройотряде, на Таймыре. Ну, там нас уже недолго

уговаривали.

И чего им надо было? Но получили, значит, такое указание: больше уравниловки — больше коммунистической сознательности.

Позднее в бригаде грузчиков на станции Московская-Товарная тоже все получали поровну, хотя первую неделю я думал, что сдохну: а из круга с погрузкой-разгрузкой ведь не выйдешь, пыхтишь со всеми ровно.

И когда работали мы своей бригадой под Кандалакшей, на Белом море, в смысле в лесу под сопками. Валили лес, вели просеку, били канаву — дорогу строили. Девять рыл плюс повариха. Одного выбрали, поставили бугром: вырывать работу, закрывать наряды. Пахали по полной, ели от пуза. Деньги поровну, бугру — коэффициент 1,2. Никаких споров.

Лето моей любви — алтайские скотогоны! С мая по сентябрь, пять месяцев. Семь гонщиков, семь коней, две тысячи барана, триста голов сарлыка — из Монголии и по всему Уймону, до Бийска. Да ожидание, да на подхват. Зарплата равная и ничтожная, заработок складывается из премий: за сохранность, за приход в срок, за плановый привес, за сверхплановый привес. Рабочих часов и дней наших ненормированных бухгалтерия потом в конторе начисляет всей бригаде поровну, и заработок — поровну. Иное не мыслилось.

А на валке леса выписывали деньги не поровну. Вальщику — больше, помощнику — меньше, сучкорубам — еще меньше. Но мы, во-первых, менялись, а во-вторых гнали давай-давай. И вырывали себе хорошие аккорды. Так что договорились — опять же, поровну. Так оно веселей дело шло, чтоб ребятам в охотку работать было. Ну, тракторист на трелевщике был на своей зарплате, он отдельно, он все вывозить успевал и еще ждал нас.

Самая гордая запись в моих трудовых книжках — «бригадный стрелок». Наполеоновский егерь, бля! Это промысловая охота на Севере, в низовьях Пясины. Отстрел дикого северного оленя. (Давно то было.) Нас на Рассохе, так точка называлась, стояло девять человек,

один старший, и повариха. Двое — «мотористы» — на своих дюралках с «Вихрями». Двое — «стрелки» — с двустволками. Оленя бьют на переправе, табун плывет медленно и беспомощен, а полый волос держит тушу на воде. Стреляют почти в упор, патроны давали с дробью, все равно кучно и наповал. А потом на берегу вся бригада свежует до изнеможения ряды туш и готовит мясо к вывозу вертолетом. Тяжелая работа и неприятная, в общем. Да, так тоже получали поровну. Полный пай поварихи — закон, а старший скромняга был, от своего коэффициента отказался.

Была еще разгрузка бригадой сейнеров на Камчатке в пугину, были еще подобные работы, но суть одна. Ты вкалываешь рядом с камрадами на совесть, и вы получаете поровну. Отношения нормальные. Ленивого, хилого или хитрого выгонят в первый день.

...У нас чего не было? Никакой собственности на средства производства. Даже инструменты были конторы, от которой работали. Вот только на охоте лодки и ружья свои. Вроде, пролетарии.

Но у нас чего было? Во-первых, сдельщина. Сколько поработаешь — столько заработаешь. Это вдохновляет. Стимулирует и повышает рабочий настрой.

А еще у нас была инициатива и придумки. Мы сами распределялись по ролям и должностям, сами устанавливали себе рабочий день и неделю, сами кормились. Сами отбивали лопаты и делали к ним длинные ручки, сами показывали в мастерской, какие варить лапы к ломам, сами мастерили настилы и вешала для туш на охоте, и многое другое.

Бригадный подряд, артельная коммуна — дело хорошее, правильное и для человеческой нормальной психологии естественное. При условии! Что в команде нет конфликтных людей, и что все хотят и могут хорошо и честно работать. И ты берешь на себя ответственность: можно хорошо поработать и заработать — а можно пролететь в ноль и в минус, это от вас самих зависит, а еще от случая иногда. Это не всем подходит.

«Ячейковый социализм» вот на таком артельном уровне — эффективен, хорош. Но. Купить технику и оборудование и создать кооперативное предприятие, кооперативную строительную фирму или заводик — это советская власть запрещала. Это противоречит догме социализма — собственность на средства производства должна быть общенародная, государственная.

(Кстати. Газеты и комсомольские вожди старательно противопоставляли стройотряды — шабашником. Одни — за социалистический труд согласно коммунистическим принципам, а другие — рвачи, отрывка капитализма. Хотя по сути, по делу — разницы не было никакой. Одни с помпой — другие без помпы. Одних дурили — а вторые обманывать себя не позволяли. Разве что — одни могли по молодости и идеализму рвать жилы за маленький заработок, а другие — шалишь, без хороших денег работы не будет. Ну, и шабашники работали гораздо эффективнее, конечно.

Шабашники за время работ давали 300–700% плана. Семикратная производительность. Квалифицированно и добросовестно. Местное начальство экстренно латало ими дыры в своих строительных планах. Местные работы их ненавидели. Почему местные сами так не работали и не зарабатывали? А, план, привычка, расслабуха, хватку утерjali, да и начальство жаба душит платить собственным работягам больше, чем себе.

Госплановый работник против сдельщика никогда не сдюжит, показала жизнь. «Большой социализм» в конкретном масштабе против «артельного социализма» не тянет.)

Дальше вы знаете. Перестройка. Социализм загибался без личной инициативы, заинтересованности и свободы. Разрешили кооперативы. И социализм загнулся, но уже по другой причине — экономической провальности и неконкурентоспособности.

И оболваненный социалистической доктриной «мозг нации» с такой же убежденностью, но с обратным знаком, объявил капитализм со свободным рынком панацеей от всех бед. Капитализм без берегов, бля! Ну и утонули.

Личное предисловие третье

**КАК Я БЫЛ СОВСЛУЖАЩИМ
ИНТЕЛЛИГЕНТОМ**

Как начнешь писать предисловия — потом не остановишься.

Здесь все совсем просто. Насчет интеллигентных-то профессий. И наиболее знакомо читающему человеку. Книгочею, то есть, и грамотею.

Итак. Где я был и что я видел. Кто еще помнит такую книжку?

Пионервожатый.

Воспитатель.

Учитель.

Корректор.

Младший научный сотрудник музея.

Корреспондент многотиражной газеты.

Завотделом культуры той же газеты (она была большая).

Журналист республиканской газеты.

Завотделом литературного журнала.

И скажу я вам, по всему по этому, следующее:

Учитель — это очень тяжелая работа. Огромные нагрузки, причем в основном психические. Сорок пять минут урока все твое внимание — в полном напряге. Не считая подготовки, тетрадей, планов, классного руко-

водства и разных мелочей. Может, я излишне напрягался. Но в школе вообще тяжело работать, если честно и добросовестно. Тридцать-сорок человек перед тобой, все разные, они все вот сейчас взрослеют и формируются, они люди со всеми своими мыслями и чувствами, очень подвижные и ранимые, а могут быть очень жестокими, и они же дети. Это отдельный разговор.

Корректор — очень муторная и утомительная работа. Вот где не расслабишься. Через пару часов глаз замыливается и перестаешь соображать. Недаром практически все корректоры — женщины. Они гораздо способнее к мелкой кропотливой работе: внимательнее, терпеливее, расторопнее.

Остальные мои «культурные» работы — не бей лежащего. Языком молотить — не уголек колотить. Можно опоздать, уйти раньше, отлучиться, болтать с коллегами и пить кофе. Начинаешь понимать классовое чувство пролетария к интеллигенту: белоручка, болтун, чистоплюй, бездельник. Чего-нибудь слегка поделал между прочим — и дальше курит.

Профессия журналиста придает человеку наглость, часто ему вообще не свойственную. Он не сам по себе — за ним его газета (журнал, радио, ТВ). Он — податель славы: с кем беседует — того и прославит. Или ославит, наоборот. Перед ним начинают заискивать, хотят хорошо выглядеть. Журналист может задавать «неудобные» вопросы. От него может пахнуть неприятностями: оболъет помоями в прессе. Это частности, это отнюдь не всегда, но: профессия журналиста сразу придает тебе значительности. Ну хоть: ты можешь разговаривать на равных с большим человеком, который по жизни тебя вообще не заметит.

Ну и, конечно, тут уже нужно сколько-то головы и как-то подвешенный язык. Вовсе тупой журналистом быть не может, даже самого низкого уровня. Хотя идиотов полно.

Короче: любой интеллигент может быть средним работягой. Но даже хороший работяга отнюдь не всегда

может быть среднеприличным учителем, научным сотрудником или журналистом. Ребята, тут налицо человеческая дифференциация по качеству. Какому? А главному. Которое сделало человека человеком. По качеству мозга.

Вот поэтому были бригады профессоров-шабашников и доцентов-лесорубов. Которые за два летних месяца — отпуск плюс за свой счет — зарабатывали столько, сколько за год своей интеллигентской деятельности. И классно работали! Было бы здоровье.

И тут — вопрос, который много лет советской жизни не давал мне покоя:

Рабочий класс — передовой. Главный. Кстати, и оплачивается неплохо. Сознательный рабочий должен работать над собой, учиться, овладевать знаниями. И вот:

Рабочий получает двести и учится в институте на вечернем отделении. Он очень передовой. Вот он получает диплом и становится инженером на том же заводе. И что?! Во-первых, он больше не передовой рабочий класс-гегемон, а межклассовая прослойка — советская интеллигенция. Во-вторых, он получает уже не двести как рабочий, а сто тридцать как инженер. Да ни хера себе ваши пряники! Он что — учился, как быть бедным? С него что — удерживают налог на образованность?

Другой пример: «скорая» едет на вызов. В салоне: врач, ставка — сто рублей, медсестра — семьдесят рублей, водитель, который довозит их до места — двести рублей, за классность. Больше их обоих. Он доехал и курит, они, квалифицированные медики, откачивают больного. Это как?! А вот так. Дальше понимаете: если водитель с перепугу выучится на врача — не видать ему спокойной жизни и своей зарплаты.

А чего тогда шли учиться, рвались в вузы, получали дипломы? — Престиж. Перспектива. Социальный уровень и статус. Самоуважение и отношение окружающих. Людей до конца демагогией не обманешь: в работяги пойти любой может, и никогда не поздно.

И еще: природный инстинкт, вселенский вообще и социальный в частности: ты должен делать в жизни

самое большое, на что способен. Потребность в реализации своих способностей, кроме прочего, вела и гнала школьных выпускников в учителя, инженеры, врачи и научные сотрудники. Единицы становились светилами и академиками, но и каждый десятый достигал высокой степени квалификации, положения и заработка.

Были советские интеллигенты такими же наемными государственными служащими, как и все прочие сословия. Плановая работа и тарифная сетка.

Советские песни про рабочий класс, колхозное крестьянство и интеллигенцию — в социальном смысле пустое вранье, демагогия. Государству принадлежало все, и государство решало и определяло все. Только государство могло принять тебя на работу и указывало: чего делать и сколько получишь. Ежели марксизм определяет классы по отношению к собственности на средства производства — один был класс: наемные работники государства.

Это очень важно. Это принципиально.

...Чем опасно вранье? И что это вообще такое?

Вранье — это заведомая подача неверной информации адресату — для получения от адресата нужной реакции. Скажем, чтобы адресат мало ел, много работал и верил руководству.

Но. Информация имеет свойство распространяться и самоумножаться вследствие динамики материальных процессов. Эффект мультипликации, умножения. Ошибка в одном знаке на начальном этапе вычислений — дает ошибку в десять знаков в итоге, аналогия понятна? Так это даже не аналогия — это простейшая математическая модель реальности.

По мере времени — все в СССР официально ввали друг другу все больше и больше. Одну ложь — необходимо было компенсировать другой, большей ложью. Над Госпланом издевались в анекдотах еще 1960-х годов. К 1980 административно-командная система окостенела — лживый вал отчетов снизу порождал абсурдный вал указаний сверху. Инстинкт самосохранения

системы обусловил саботаж верховных указаний много-ступенчатой исполнительской пирамидой. Экономика перестала функционировать — а определяющая ее политика уже не могла принимать адекватные решения: все было пронизано ложью и демагогией. Делали много ненужного — и с трудом делали мало нужного, причем некачественного.

Лгала творческая интеллигенция, журналисты и писатели, художники и композиторы, нашпиговывая свои произведения марксизмом-ленинизмом и генеральной линией партии. Лгала партноменклатура со всех трибун о наших небывалых успехах и невиданном счастье.

Политбюро брежневских старцев — это портрет склероза головного мозга Советского Союза.

Именно интеллигенция — от членов высшей партноменклатуры и до студенчества, образованной молодежи, квалифицированных технарей и гуманитаров — снесла СССР. Вот чем кончается намеренная и целенаправленная ложь, вы понимаете? Что весь порядок вещей (не будем употреблять слова типа «аттрактор», уважая широкие слои) — стремится привести информацию в соответствие с реальностью. А реальность — в соответствии с информацией. Они не встречаются в пространстве и рушатся, противореча друг другу.

Именно в нашем запущенном случае реальность обрушилась вслед за информацией. Она сама неверную информацию и продуцировала.

Ложь хоронит самого лжеца. Вот как это называется. Отдельный лжец может процветать всю жизнь — окружающая система за свой счет компенсирует и выправляет его зловредную деятельность. Лжец паразитирует на окружающей среде.

Но. Если на лжи стоит государственная идеология. То на ней же встанет и государственная политика, и экономика. А если вдобавок это государство противопоставляет себя другим. То оно само себя разрушает и похоронит раньше или позже.

Ложь — это самоубийство.

Личное предисловие четвертое

КАК Я БЫЛ КАПИТАЛИСТОМ

Как вы могли заметить, я медленно и неуклонно, хотя порой и неожиданными зигзагами, поднимался по ступеням социальной иерархии. И роль спрута-эксплуататора явилась логическим завершением и венцом моей карьеры.

В 1988 году разваливающийся в экономическом параличе Советский Союз разрешил создавать кооперативы. Кооперативы мгновенно приступили к расхищению ничейно-общенародной собственности. Одновременно выяснилось, что воруют не все. Это удивляло и обнадеживало.

Из всех видов предпринимательства меня всю жизнь влекло только одно: самому издавать книги. Причем свои собственные. Мысль ужасная мне душу омрачала всю сознательную жизнь: почему, написав книгу, сдав ее на проверку цензуре, ничего антисоветского, я не могу отнести рукопись в типографию, заплатить и издать. За свои деньги. Которые найду где угодно — это моя проблема. Без издательства с его планами на пять лет вперед и редакторов с их идиотскими советами и поправками. Ну почему нельзя?!

Так вот, закон о кооперативах имел массу ограничений. В частности — запрет на любую издательскую

деятельность. Чтоб к множительной и типографской технике близко частника не подпускать: мало ли что он напечатает!

Человек пятнадцать в Союзе одновременно сообразили, как этот запрет обойти. Ты регистрируешь фирму, акционерку, товарищество: папка с уставом, печатью и банковским счетом покупалась в юридическом кооперативе за гроши; там это поставили на поток. В протокол собрания акционеров впечатывали твою фамилию директором этой шарашкиной конторы, плати и иди.

А шел ты к директору издательства, государственного, советского, и объяснял ему, что принес чистую прибыль без хлопот. Вы заключаете договор подряда на исполнение вспомогательных издательских работ. И перечисляете списком абсолютно все, из чего издательская работа состоит. Но юридический издатель — он, госиздательство. Издательство выдает тебе доверенность на все твои вспомогательные операции. А что оно имеет? Десять процентов чистой прибыли! Пять — на счет издательства, а еще пять — в фонд целевого материального поощрения сотрудников. Сотрудники — это директор, главный бухгалтер и начальник юридического отдела. Обычно так.

Денег издательство не дает тебе ни копейки. Только получает. Но — нужна репутация, тебя должны знать и поверить.

Первая бумага — бесплатно — нашлась прямо в одной типографии. Четыре тонны сэкономленной неучтенки. Ее согласились уступить за двойную цену, при условии что и оплата печати будет по хозрасценкам — 200%. Им это было страшно выгодно.

Так я издал 100 000 «Фермы зверей» Оруэлла — кажется, первым в Союзе. Макет сделал знакомый газетный верстальщик, типографские гранки вычитывала жена, журналист по образованию, слайд для обложки изготовил знакомый же художник. А я всем звонил, отвозил, привозил, подгонял, увязывал и посильно контролировал.

А еще надо было найти книготорговца-оптовика, желательного в Москве. Помогли московские друзья (я тогда жил в Таллине). И надо было с ним договориться: я его за месяц предупреждаю, что и когда пришло, сколько экземпляров и тонн. И какая будет цена.

И заранее договориться с транспортным предприятием, чтобы в нужный день фуры — обычно камазы-восьмитонники — подъехали к складу готовой продукции типографии, а их пропустили и быстро загрузили.

После получения книг в Москве мой контрагент-книготорговец в течение трех дней телеграфом переводил мне всю сумму на банковский счет.

И вот тогда! Я переводил деньги издательству, типографии, транспортникам, рассчитывался за бумагу и налог платил художнику и верстальщику. (Я раздавал пачки купюр из набитого кейса, и по городу шли слухи о моем богатстве.) Плюс директору издательства и директору типографии я относил конверты. О них заранее не заикались, но людям было приятно и полезно, а хорошие деловые отношения необходимо укреплять.

После чего я оставался с суммой, которую в жизни и близко не видел.

Деньги стали иначе выглядеть! Я мог походя, случайно заметив, купить жене дорогую тряпку. Ездил только в СВ. Впервые в жизни мы слетали в Пицунду! Проблема авиабилетов исчезла: проходишь мимо очереди к окошку кассы, бросив насчет своего первого класса, и показываешь девочке вниз за прилавок два пальца: плачу двойной тариф. Случая не было, чтоб билет не нашлся!

Эта система пост-оплаты и работа на доверии была прекрасна. Тебе не нужен стартовый капитал! А за хорошее отношение всегда платишь чуть больше обещанного. И все довольны, и у всех стимул трудиться.

Тебя начинают знать в типографиях и на складах. С тобой хотят иметь дело: он обязателен и хорошо платит. Никого я никогда и близко не подводил. И лишь два человека за все время остались мною недовольны.

Один — фотомонтажник в типографии, которого я трижды заставил переделывать картинку на форзац: ему ясно был написан на конверте со слайдом размер в миллиметрах и процентах увеличения — а этот шизофреник лудил нечто собственное и кричал, что он думал про другой формат. А это расход ценной пленки, это брак цеха цветной печати, улетело полтонны глянцевой форзацной бумаги, дикий скандал с начальником цеха. Все не просто, ребята.

А второй недовольный — полковник, зампотыгил военной базы. Они себе в незапамятные времена выбили фонды на типографскую бумагу, ну просто удалось — так надо же брать: и накопилось ее пятьдесят пять тонн в ролях, рулонах то есть. А что делать — не знают. А рядом деньги ходят! А как пристроиться к деньгам — не знают.

Я взял его бумагу за 50% прибыли от книги. Мы подписали договор — чуть обстоятельнее Варшавского пакта. На этой бумаге я напечатал в Ленинграде первое издание «Приключений майора Звягина». Там было много приключений. С кражей части тиража. С выставлением типографией, славный «Печатный Двор», неправильной цены на обложку. (Потом пришлось нанимать специально склад, бригаду и все 100 000 экземпляров разбандероливать, забивать черной плашкой цену вручную и запаковывать обратно. А это 50 с гаком тонн книг, представьте железнодорожный вагон под крышу забит!) Расчет был налом, конечно, я прибавил за срочность и хорошее отношение, люди были довольны.

Тираж был сдан за шестьсот тысяч, двадцать процентов торговец удержал себе, после расчетов со всеми исполнителями нам с подполковником осталось тысяча триста пятьдесят. И тут он стал скулить и ныть, как пленный: мало ему пополам, дай больше. За что?! Ну, ведь бумага моя. Где бы ты ее продал за три тысячи тонна?! У тебя навар три конца! Эта тварь не желала вникать, что я просыпался ночью в поезде — и не понимал, в какую сторону еду. Бумагу туда, книги сюда, машины

отсюда, макет там, обложечная бумага здесь, корректура уже, слайд на обложку еще не, за цветной печатью проследить, за контрольными оттисками проследить, потом уже ничего не докажешь... И только когда деньги на твоём счету в банке — можно перевести дух.

Предпринимателем быть не просто и не легко, господа голодранцы.

Несколько раз за три года моей издательской деятельности подруливали желающие тоже стать издателями. То работяги из типографии, то торговец сникерсами. Чуют же: ходят деньги, а как взять — не знают. Просто же! Но как?

Они не понимали рынок. То есть не разбирались в книгах вообще. Что интересно, кому что надо, что пойдет — не представляли. Ты объясняешь, а он смотрит и не верит: скрываешь секрет, удачливая сволочь.

Один предприимчивый бригадир шабашников потерял все деньги: издал «Катынский расстрел» с фотографиями и еще что-то Колымское. Это было его представление о бестселлерах эпохи, но книги были очень скучные, третьеразрядные, и тиражи встали. Он все у меня допытывался: «Что издать? Я хочу тебя проверить». Не понял, что информация — это капитал. А купить за 10% прибыли готовый макет хита — отказался, жалко, за что? Хотя это был тогда стандартный вариант.

...Может, вам это неинтересно. Но так начинался русский капитализм. Честный, без прихватизации. Издательский бизнес был одним из способов быстро разбогатеть. Книжный рынок глотал любые тиражи всех интересных книг. Страна изголодалась по настоящей литературе — то есть пусть и коммерческой, и пустой развлекаловке, американских детективах и любой фантастике, но и классике истории, философии и беллетристики, которой мы были лишены всю свою советскую жизнь. Бизнес в этом плане был легок и прост: издал — продал.

Вопрос: то, что делал я — мог сделать любой сотрудник типографии, издательства или склада бумаги. Почему они не издавали сами? Ведь денег хотели. Ответ:

мозги не те. Энергия не та. Предприимчивость не та. Желания большого нет, которое все преодолевает.

Что я вкладывал в процесс? Энергию, которая систематизировала разные элементы в единую систему издания книги. Энергию интеллектуальную, эмоциональную и чисто физическую. Я продуцировал информацию и обеспечивал организацию материальных процессов по этой информационной модели. Во всем процессе издания книги заменить можно было любой элемент, любого человека и предприятие — кроме меня. Я мог сказать: издательство «Пароль» — это я. И благодаря мне многие люди имели работу и хороший заработок. А я делался сравнительно богат.

И как только вы вставите меня в план и уравниете мне зарплату — бумага опять будет пропадать, типографии опять будут недогружены, а хороших и нужных книг опять будет не достать.

Интересно: я не имел ни малейшей собственности на средства производства. Но моя информация и сугубо организационная деятельность были тем моим капиталом, без которого колесо не крутилось.

Сугубо теоретически: я мог купить типографию, магазины и бумажную фабрику. А мог арендовать их. А мог эпизодически размещать на них заказы. Степень «эксплуатации», она же «облагодетельствования» всех работников, от этого не менялась. Все равно я бы получал намного больше. Но если бы я пролетел — без заработка остались бы все работники. Понимаете, о чем я говорю, да?

...Я понимал, что через несколько лет все осматрятся, сообразят, и прибыли разделятся между бумажниками, типографщиками и торговцами. Выживать будут отдельные издательства, мощные или маленькие любительско-целевые.

А потом деньги съела гайдаровская инфляция, и я уже ничем не отвлекался от писания книг.

БИТВА ЛОЖКИ С ЛОПАТОЙ

БОЕВАЯ ПТИЦА ЦВЕТА УЛЬТРАМАРИН

Литература! Художественность! Беллетристика — прекрасное письмо! Чтобы чувства потряслись человеческими драмами, чтоб сладко щемило сердце от проникновенных картин бытия, чтоб глаз не мог насытиться красками, а ухо — звуками. Чтоб пела душа сладкозвучной арфой, рассыпалась клавишами фортепиано и грохотала грозным боевым барабаном: слушайте музыку всемирного построения счастья.

А чтоб помочь им вспоминать, пришлось топтать их и пинать, по спинам их гуляли дубинки и ремни; к ним возвращалась память, но — они не вспомнили одно: где спрятано оружие не вспомнили они.

Счастье всех эпох ломится в наши окна и вышибает двери. Свобода сносит все преграды, пролетарии теряют свои цепи, евреи свою национальность, негры свой цвет, а гомосексуалисты все мыслимые и немыслимые сексуальные ориентации: все равны. А если Бог создал людей неравными — мы упраздняем такого Бога. Незаменимых у нас нет.

Равенство! Могучий асфальтовый каток равенства с палкой-копалкой, рыхлящей путь впереди. Копалка выдергивает наверх всех, кто ниже общего уровня — и следом каток закатывает заподлицо, в плац, в асфальт! — всех, кто торчит выше прочих. Гении и лидеры

не нужны нам, народу, и ликующая толпа до горизонта празднует освобождение от неравенства.

Ну и, конечно, братство. Что может быть прекраснее, чем бандит и нищий в объятиях приезжего террориста, отдающиеся братской любви. И слезы умиления на глазах у трех богатырей.

Вы видите эти лазурные небеса с жемчужными тучками? Зелень шелестящей листвы? Разноцветные блузки, знамена всех цветов радуги, сияющие глаза и белоснежные зубы? Причем не отдельно от лиц, а все вместе, в комплекте, как удостоверение... э-э... ну, молодости, здоровья, оптимизма и уверенности в завтрашнем дне. Да. Именно в завтрашнем. А над головами их парит и трепещет птица счастья завтрашнего дня.

Любой дурак может написать, что Маша любит Колю, а Коля любит Васю, а Вася любит Россию. А вот ты покажи, как омовенец читает нетленный шедевр Булгакова: нога хрясь! — и пополам! Крупно: нога, крупно: «Мастер и Маргарита», крупно: судья — «сам себе сломал, да еще себя и высек».

Нюхни, чем пахнет обезглавленная статуя Колумба, Адмирала Моря-Океана: как тяжкий бронзовый истукан рушится с пьедестала, вминаясь в асфальт, как раскалывается мраморный памятник, рушась на цементную площадь, как потом, парфюмом, травкой и восторгом пахнут разгоряченные молодые тела социалистов.

Крупным планом, пожалуйста: камера панорамирует по недоуменным лицам. Лидеры коммунизма вздрогнули, воинствующие атеисты неожиданно и неумело перекрестились — и вот они уже олигархи, акулы капитализма, угнетатели. А народ, от Москвы до самых до окраин, проходит как хозяин мимо всего своего народного добра и получает роль в знаменитом романе «Принц и нищий». Одежда народа, запах народа... нет? простите, это запах бомжей? черт, а еще вчера они тоже были народ.

Но это позавчерашняя газета. А вот свежий номерок, завтрашний, еще краской пахнет. Неужели: беломраморные виллы, голубые бассейны, преданная охрана, а за

периметрами хозяйских поселков — нищий вымирающий плебс всех стран, никому не нужный и кормящийся подачками? Вот — литература! Вот — изобразительный ряд! Художественный прием, который ни разу не художественный. Улыбчивые лица злодеев — крупно! Серые облики простолюдинов — общий план!

Литература — это когда тебе нечем кормить семью, а босс ездит на «майбахе», и ты мечтаешь о гранатомете, и подробно воображаешь, как взрывается комом огня черная лакированная коробка. Это когда ты смотришь в телевизоре, а хоть и в компьютере, Багамские острова, зная, что никогда там не будешь. Литература — это когда богатство, слава, здоровье и красота достались не тебе — и ты идешь на оружейный сайт.

Ростов — город контрастов: вчера шел дождь, а сегодня зарезали. Контрасты — это: простой деревенский парень получил бесплатное образование и стал академиком — а его сосед, тоже простой деревенский парень, сгинул в концлагере на Колыме.

Литература — это о человеке: его мысли и чувства, его счастье и страдания, надежды и планы. Былое и думы. Взгляд в будущее. Это постижение: почему несправедливость? Почему за добро не воздают по заслугам? Ты хороший, работающий и добрый — где обещанное счастье, отданное подонку?

Все восстания и надежды мира, все победы и поражения, все попытки постичь смысл жизни и дать счастье, каждому, бесплатно, и пусть никто не уйдет обиженным! — и каждая черточка на каждом лице, каждая складка одежды, каждый звук голоса и шорох кустов, звяканье гильзы и звон бутылки, стук дубины и вздох любви — все это и есть литература.

И с древнейших времен излюбленнейшая ее тема — человек, вступивший в борьбу с роком за обладание счастьем.

Не раз и не десять эта борьба приводила к взрыву, сметавшему все вокруг и рушившему народы и царства. И гордо реял буревестник, безмозглая, в сущности, пти-

ца, пока ему не подрезали крылья и не съедали вследствие бескормицы.

Вы чувствуете поднявшийся ветер? Вы слышите крики толпы? Вы видите крушение устоев?

В общем, здесь пара слов о том, что с нами происходит — и произойдет в ближайшем будущем. И каков шанс этого избежать и выжить.

НЕТ В ЖИЗНИ СЧАСТЬЯ

Эту татуировку любой старик в России видел не раз. На плече или на груди, или на ином каком месте — синие буквы на белой или смугловатой коже. Баня, берег речки, снятая рубаха. И буквы эти означали битую-тертую судьбу, скорую готовность к драке и усмешливый стоицизм одиночки, не верящего в подарки и умеющего не отдать свое.

Почему же его, проклятого, нет? В смысле обещанного счастья?

Вот мужчины нашего рода охотились на кабана, а он прорвался и распорол мне ногу — а хромой теперь не охотник и не воин. Спасибо, что есть мне место у огня, и в сытный год покормят; а в голодный — убьют, или бросят в переходе на новую стоянку.

А вот сияют под солнцем ослепительные храмы и уходящие в небо пирамиды, слаженными ударами весел гребцы гонят по Нилу корабль, в тени под навесом сидит знатный писец, раб наливает ему ячменное пиво для утоления жажды — а мы, рабы, в палящем зное отбиваем глыбы в каменоломне.

А вот наступило светлое будущее всего человечества — благодатный феодализм. Гордые рыцари ломают копья на турнирах, и прекрасные дамы слушают песни трубадуров. И слуги ведут в замок сеньору на первую ночь мою принаряженную невесту, перед тем как жить ей голодную жизнь в соломенной хижине бедняка.

Но справедливое равенство ремесленников и торговцев смело феодалов, прогрохотали городские — буржу-

азные — революции, и капитализм уравнивал в возможностях всех. И так эти возможности удивительно распределились, что у хозяина огромный дом, конюшня и сотня слуг, а мои дети откатывают вагонетки в шахтах, потому что мне их на свой заработок не прокормить...

Тысячелетиями копилась праведная злоба униженных и оскорбленных! И самые непокорные убегали в горы и леса, пели песни о свободе и резали глотки господам. И безымянные пахари слагали легенды о благородных мстителях.

...Итак, вы вспомнили основы школьного учебника истории. Там еще много подробностей. Как крепостные кормилицы выпаивали грудным молоком хозяйских щенков. Как бесправных солдат прогоняли сквозь тысячный строй шпицрутенов и забивали насмерть. Как вешали детей за кражу поросенка и сжигали соседей за неправильную молитву.

Вот карикатура: пузатый капиталист во фраке, цилиндре и полосатых штанах. А вот живопись: Париж, бульвар, за столиком кафе рантье-бездельник пьет аперитивы, и тенистый каштан шелестит над его головой — а на тротуаре голодный Гаврош просит хлеба. Гравюра: голодные лионские ткачи топят фабриканта.

А вот и Эжен наш Де Ла Круа! Крестовский то есть, из старого дворянства, зря ему фамилию в одно слово слепили. Свобода уже среди нас, она на баррикаде, грудь ее обнажена и открыта и выстрелам, и выкармливанью народа живительным соком свободы, и эстетике, наконец!

Присмотритесь внимательней: за ней много теней, туманных силуэтов, далеких фигур!.. Вот Спартак с коротким фракийским мечом во главе гладиаторских легионов, вот Робин Гуд с луком, не дававшим промаха, вот Маздак со своими распределителями всего добра поровну, а вон там Гильом Каль, потрясая копьём, ведет толпу разъяренных крестьян на штурм замка.

Дальше, смотрите дальше, сощурьтесь, если плохо разбираете! Вот ряды крестов вдоль дороги, а вот висе-

лицы, вон те маленькие фигурки — это палачи похаживают на плахах, разминая плечи перед работой.

А здесь, в левом дальнем углу — невольничьи рынки: Александрия, Багдад, Рим... без счета мелких и разных.

В общем, вы все уже поняли. Жизнь вечно была поганая. То есть кому хороша, а кому не очень. Одни сладко жрали, классно пили, наслаждались сексом с лучшими партнерами, выражаясь сегодняшним суконным языком полицейского протокола и рецепта слабительного, и проживали в прекрасных дворцах. Другие пахали по-черному, не смели даже приблизиться к господину, питались отбросами и умирали в нищете. И — странно! — но им это не нравилось. И сильно не нравилось.

Они думали не менее десяти тысяч лет. С тех пор, как произошла неолитическая революция — но это была еще не та революция, о которой мечталось пламенным сердцам и холодным головам, не говоря о чистых руках — неолитическую революцию чистыми руками не сделаешь. Землю пахать надо.

Они стали пахать землю, сеять и жать — и вместе с семенами посеяли каждый свои возможности, после чего вместе с урожаем пожали неравенство. Появились богатые и бедные, сильные стали отбирать у слабых, образовалось государство, и остальные десять тысяч лет люди мечтали, чтоб это государство было справедливым — а еще лучше, чтоб его не было вовсе. И тогда будет счастье на базе всеобщего равенства, причем равенства в процветании и добротe.

Через десять тысяч лет они додумались до социализма. С чем можете их и поздравить.

ПОБЕДНЫЕ ГРАБЛИ СОЦИАЛИЗМА

Карл Маркс испытывал такую личную неприязнь к капиталистам, прямо кушать не мог. Простите старую шутку, да ведь и Маркс немолод. Его расчисленная и аргументированная ненависть к капитализму подстегивалась искренним чувством: они присваивали труд наемных рабочих, а он жил в бедности, и все присылаемые Энгельсом деньги мгновенно расходились на что угодно, только не на домашнее хозяйство. Этих крепких хозяйчиков просто надо удавить!

Терзаемый безжалостной рукой безденежья Маркс пророчил в светлом будущем отмену денег вообще. Все будут братья, и работать будут исключительно из потребности трудиться и любви к коллективу. Без денег. Все плоды трудов своих сложат в общую кучу, из которой каждый возьмет себе что потребно. Без излишеств. Но сначала — о, сначала! — надо все отобрать у всех и поделить поровну! Конечно, буржуи будут сопротивляться. И пролетарская диктатура — первый этап рабочего государства, а после второго этапа оно само отомрет и наступит коммунизм! — сначала пролетарская диктатура беспощадно подавит сопротивление буржуазии и отберет у нее все, поскольку это все сделано рабочим классом.

Но сейчас мы не будем вдаваться в построения социалистических теорий; еще наступит время. А окинем вдохновенным взором его сияющие вершины и кратко-

кратко вспомним необыкновенные достижения. Смеяться не надо.

Итак — исторический 1917 год! Социалистическая революция, о необходимости которой так долго говорили большевики, свершилась! М-да, а теперь дискотека...

Запретили все партии, кроме собственной. Закрыли все газеты, кроме своих. Экспроприировали все вклады. Национализировали все банки. Объявили свою монополию на все виды внутренней и международной торговли. Учредили карательное ведомство для подавления любого сопротивления своего народа. Запретили владение оружием. Закрыли церкви, репрессировали священников. И — венец! — отменили частную собственность на средства производства. Все наше, народное, государственное!

Разруха и голод наступили в считанные месяцы. Предприятия встали. Крестьяне не отдавали свой хлеб задаром. Наводили ужас карательные экспедиции. Представителей буржуазии — вплоть до учителей и машинисток — сгоняли в группы трудовой повинности, брали в заложники и расстреливали, увольняли с работ и выселяли из городов. Крестьян согнали в «колхозы» и превратили в государственных крепостных. Народ реально обнищал! Но страна ковала горы оружия, через двадцать лет танков и самолетов в СССР было больше, чем в развитых западных странах, вместе взятых!

Про концлагеря, Колыму и Соловки, Дубровлаг и Норильск, 680 тысяч расстрелянных за один только 1937 год и миллионы эков — и так всем понятно.

В 1941 году, начало страшной войны — за 6 первых месяцев из состава Красной Армии сдались в плен 3,8 миллиона человек, а еще 1 миллион исчез: разбежался по лесам, разбрелся по деревням, без вести пропал. Еще 1 миллион во время войны служил в вермахте: воевал против СССР в боевых и вспомогательных частях; и это не считая полицаяв!

Еще в 1960 году в советских газетах печатались сводки и таблицы: как мы приблизились к уровню производства 1913 года и превзошли его!

...Нет смысла повторять горестную историю: как не пускали граждан за границу и жили за железным занавесом; как всего не хватало; как гордились оружием и летали в космос, пока не кончились заделы и наработки трофейных проектов, немецких инженеров и коллективов сталинского времени. Но главное: пикнуть не смели! слова сказать против генерального курса Партии не смели! и знали, что и дети с внуками так жить будут!

Ну, потом все рухнуло. Всем этот цирк за колючей проволокой надоел.

Главное — что? Производительность труда в 5–7 раз ниже, чем у капиталистов. Плановое хозяйство заставляет производить то, что никому не нужно, и хренового качества. И всем на все плевать: а не твое, а все равно ничего не изменишь.

Социалистическая Монголия: те же скотоводы-кочевники, только сдавать план по мясу и шерсти государству, все не твое, плюс госбезопасность. И населения — 700 000 человек на 1,5 миллиона кв. км — 1 человек на 2 квадратных километра то есть был до войны.

Социалистический Китай! 30 миллионов человек умерли от голода, миллионы были уничтожены и репрессированы во время «культурной революции». И был страной третьего мира — пока не ввел элементы рынка и частной собственности на средства производства. То есть: экономическая модель Китая — корпоративное государство типа, близкого к фашистскому (не клеймо, но определение): государство планирует и рулит, но частники также инвестируют и производят, в том числе и главное — на крупных промышленных объектах.

Ортодоксально-социалистическая Северная Корея. Нищая, тоталитарная, голодная и фанатичная. Существует только за счет Китая: она та булавка, которой Китай покалывает в зад «мировое сообщество».

Социалистический Вьетнам. Жесточайшими военными методами объединил страну и за десять лет привел ее к ужасающей нищете. Тогда разрешил приватизацию предприятий, провел рыночные реформы, экономика

стала смешанной под общим контролем Партии, и уровень жизни резко поднялся.

Куба! Процветающая Куба! Богатейшая была страна Западного полушария после США и Канады. А вот и социализм: нищета, диктатура коммунистической партии, расстрелы, милитаризация. Из 11-миллионного (в 1959 г было 6,9 млн) населения Кубы 2 миллиона сбежало после социалистической революции.

В Чили социалист и друг СССР доктор Альенде начал проводить социалистические реформы — и мгновенно начались перебои в снабжении, политические убийства и репрессии против недовольных.

Про Венесуэлу упоминать? Каких-то 20 лет социалистических реформ — и из богатой еще недавно страны с ее нефтяными месторождениями, где исчезла еда и лекарства, сбежало 4,5 миллиона человека — 15% населения!

Европа! Европа! Восточная Европа! Польша, Чехословакия, Румыния, Венгрия, Болгария, а также Германская Демократическая (Социалистическая) Республика. Как только разжал когти и испустил дух великий Советский Союз — его «надежные партнеры», проклинавшие плановое хозяйство и коммунистическую идеологию, мгновенно снесли поганый социализм, устроили радостные демонстрации с объятиями — и приступили к строительству демократий со свободой слова и предпринимательства.

...Господи, сколько слов. Можно бы вместо них оставить чистые страницы. Но ведь не все знают, не все верят...

Вопрос — this is the question! — чего им еще непонятно?!

НИГДЕ социализм не дал свободы — только закабаление в тоталитарном строе, тоталитарная идеология, преследование инакомыслящих, никакой свободы слова.

НИГДЕ не дал экономического процветания — только бедность, распределение дефицита и развал экономики.

НИГДЕ не руководствовался гуманизмом, толерантностью и любовью к человеку — тюрьмы, лагеря, расстрелы, ссылки, запреты на поездки за границу.

НИГДЕ не развивал культуру — запрет книг и кинофильмов, музыки и пьес, все только по предписаниям и под контролем единственной правящей Партии.

НИГДЕ не способствовал расцвету и развитию науки — даже Китай поднимает свою науку на ворованных открытиях и технологиях (как раньше воровал все, что можно, на Западе Советский Союз со своими гипертрофированными разведслужбами).

Хотели как лучше. Вышло как всегда.

...А теперь нюхни оружейную смазку на автомате конвоира, сощурься на блеск бескрайнего снежного наста Колымы, глотни водочки, из нефти перегнанной, другой для тебя нет, послушай лай пограничных овчарок и песню из телевизора — о том, что нигде люди не счастливы так, как в мире социализма.

И спроси себя: борцы за социализм на современном Западе, зажавшемся и распухшем от толерантности и изобилия — они с ума не сошли? Белены не объелись? Может, их марсиане наняли, чтоб Землю от людей освободить?

Мы не сможем понять логику непрофессионалов, сказал Мюллер. А может, они хитрые профессионалы, хмыкнул седой сыщик.

Сейчас мы вскроем логику этих профессионалов. Да, она хитра. Слоеная логика, крученная, но очень внятная и жесткая. То, что в результате этих профессионалов повесят старшие товарищи по борьбе, не должно нас волновать.

ХОД ИСТОРИИ

Гигантский крот Истории роет свой ход, свой нескончаемый коридор, свой извилистый и прихотливый тоннель цивилизации — под землей. И работа его скрыта от людских глаз и тем самым обычно от людского мозга. По легкой дрожи почвы под ногами, по дальнему гулу и глухим глубинным сотрясениям пытаются люди угадать его направление. Лишь иногда разверзнется пропасть, исчезнет в бездне цивилизация, новые камни выдавятся наверх движением тектонических плит — и в неузнаваемо измененном пейзаже веками налаживают разоренные народы новую жизнь. И поминают предшественников, поглощенных Временем, и поют славу над старыми могилами.

Вот какой красивый зачин я вам спел. А теперь сели за парты и раскрыли учебники. Глава первая: «Как жили наши предки». А жили предки долго, и было их до хрена.

1. Первобытно-общинный строй. (Все названия — условные: обозначения упрощены и обобщены. Не на симпозиуме по истории социологии и философии истории, чай.) Родовая община. Все родственники, потомки одной пары, хотя иногда прихватывали жен из общин, с которыми сталкивались — или эти соперничающие группы побеждали и съедали, или женщин посылно похищали при случае.

Полное соподчинение и единообразие жизни этих людей. На охоту — все дружно на охоту (едва ли десяток мужчин наберется). На войну — все на войну. Отдых — все отдыхаем. Есть еда — все садимся жрать. Одинаковые дубины и копья, одинаковая одежда из шкур, одинаковое меню — жареная оленина и коренья, собранные женщинами. Вождь рулит — он самый харизматичный, здоровый и сметливый одновременно. Огонь поддерживаем, детей растим, свою территорию защищаем — лес-поле кормят, там живность и растения для пропитания, нам нужно 10–15 квадратных километров на человека, чтоб дичью пропитаться.

Свободы тут — никакой. Как все поступают — так и ты заодно со всеми.

Но свободного времени много. Поохотился удачно — и несколько дней ешь и отдыхаешь, у огня или на солнышке греешься, спишь вволю.

Род разрастается в племя.

2. Рабовладельческий строй. Для этого сначала надо было одомашнить и начать пасти скот — это надежнее и сытнее охоты, всегда есть запас пищи. А когда есть запас пищи — высвобождается время для ремесел и размышлений. Жизнь-то налаживается!

А потом — Великая Неолитическая Революция. То есть: от палки-копалки — к примитивной сохе: грянул научно-технический прогресс! Можно разрыхлить землю, посеять зерна — и собрать много колосьев, много зерна! Сделать запасы хоть на семь лет — зерно, если в сухом и темном укрытии, можно хранить долго. И молоть, и кушать в голодные, неурожайные то есть, засушливые или дождливые годы.

Племена объединялись временам в союзы племен. Кого вынесет на фарватер эволюции — союзы племен превратятся в народы.

Пахать стали страшно. Как пахарь горб ломает — так еще никакой охотник-собиратель изо дня в день не трудился. Времени и возможностей для отдыха стало меньше. Но всегда кусок хлеба будет — а охотники вымереть

могут, если животных мор скосил или они мигрировали подальше в ненастный год.

И вот тут в головы пахарей пришла гениальная мысль. Пленных, захваченных в стычках и битвах, можно больше не есть. Конечно, белковая пища прекрасна и полезна. Но! Если заставить пленного трудиться в поле — он может произвести хлеба куда больше, чем мяса с его собственного тела.

Польза здесь всесторонняя! Во-первых, пленный остался жив. Во-вторых, он делает полезную племени работу. В-третьих, он высвобождает людям племени время для думанья, разных поделок и изобретений. Свободный человек ест хлеб, выращенный рабом — а сам придумывает геометрию, философию, боевой строй фаланги и буквенное письмо.

Раб создает прибавочный продукт, которым кормят-ся те, кто создают и двигают цивилизацию.

На этом прибавочном продукте стоит основание первых государств. Ибо: нужны профессиональные воины, нужны администраторы и правящая группа, а также нужны умельцы по работе с металлом и мудрецы, которые много понимают: знают, советуют, предсказывают.

Рабу плохо? А в кастрюле ему было бы лучше? Но — плохо, конечно.

Зато! — рабов много, и вместе они работают так много, и производят так много, что при свободном труде «каждый для себя» столько бы всего наработано не было. На хрена строить пирамиду и вычислять уровень каналов, если можно после работы, которая прокормит семью, отдохнуть в тени, попивая пальмовое вино и закусывая ячменной лепешкой? Еще и спеть можно!

Рабовладельческое государство — оно обеспечивает такую общую производительность, которая больше, БОЛЬШЕ труда свободных людей. Раб жестоко эксплуатируется. Зато: Парфенон, железное оружие, театр, науки и так далее. А раб — кормит, камень добывает, дороги и стены строит, скот пасет.

Но свободы — форум хау. Рабу — фи́га свободы: рабство. Но свободные люди — могут поспать, а могут пойти на агору, а могут затеять поход на соседей, а могут придумать катапульту. И гордятся греки своей свободой. Но ведь и персы, полностью зависимые от царя, в пределах этой своей зависимости вполне свободны: хочешь спать ложись, а хочешь песни пой.

Итоги. Рабы попали в полное рабство. Свободные граждане обрели свободы несравненно больше, чем раньше. Общество расслоилось, стало сложнее и неоднородным. Общественное производство выросло. Наука, техника и искусство — расцвели чрезвычайно! И мощь, общая мощь народа в государстве, выросла неизмеримо.

Кратко. Общество усложнилось. Общая производительность выросла. Появились свободные люди. Мощь и культура резко поднялись.

Раб — это живая машина дотехнического прогресса. Жестоко относительно свободы. Гуманно относительно убийства и каннибализма. Но прогрессивно.

3. «Да здравствует феодализм — светлое будущее всего человечества!» Несут такой плакат рабы на демонстрации в Древнем Риме. Бытовал такой анекдот в советские времена, при господстве марксистско-ленинской фразеологии.

Все рабовладельческие государства в конце концов рухнули. Не слыхали? Да... Отчего?

Философски говоря, к тому времени восьмидесяти луидорам Людовика XIII, как и всему на свете когда-нибудь, пришел конец. Пришел конец и этим государствам. Система исчерпала свой системный ресурс.

Проще? Человек ценит и способен драться только за то, что ему досталось дорогой ценой. «Чудесами богата память их, но скуден морской доход. И то, что досталось ценою зубов — за ту же цену идет.» Сладок лишь трудный хлеб, славна лишь трудная победа, гордость приносит лишь высота и недоступность покоренной вершины. Тот, кто с честью прошел жестокую школу — уверен

в своем моральном праве быть жестоким к другим, если они враги.

Не третье, так девятое поколение рабовладельцев, которые потребляли уже рафинированную культуру плодов рабства — перестали быть суровыми хозяевами и жестокими воинами, которые заплатили цену крови за то, чем владеют. Человек не готов ставить жизнь на кон, убивать и умирать — за то, что досталось ему без всякого труда, автоматически, по наследству, в порядке вещей. Это все равно что умирать за то, что трава зеленая, а солнце греет. Природа — она природа и есть, к природе материального достатка и социального статуса это тоже относится.

Зверь живет в борьбе всю жизнь. Конкуренты его вида постоянно норовят отобрать у него участок охоты, пищу, самку, жизнь. Большинство гибнет в этой борьбе, выживают сильнейшие, кто победил, стоя насмерть за себя и свою жизнь, а свой участок и самка — это и есть жизнь и продолжение рода.

Культура делает человека мудрым и знающим, она же делает его тонко чувствующим и добрым — но она же делает его нерешительным, мягким и слабым. Изощренный ум, наполненный информацией на все случаи жизни, мгновенно находит сотни аргументов, чтобы не драться, не убивать врагов-захватчиков, не рисковать своей жизнью. И люди это всегда знали — попросту и без затей. — В мире и сытости потомки воинов делаются расслабленными, изнеженными, ленивыми и трусливыми, им дорог их покой и комфорт, и настоящим бойцам уже нетрудно перерезать им глотки и завладеть их добром и женщинами.

В чем дело еще? А в том, что человек, как любая природная система, запрограммирован на получение максимального желаемого результата с минимальными личными затратами энергии. Если можно не драться насмерть, не менять весь образ жизни, а мирно договориться, заключить сделку, заплатить, оказать услугу — обеспечить себе комфорт с минимальным риском

и трудами, — то цивилизованный человек всегда предпочтет мирный и безопасный путь. Пусть унижение, материальные потери, снижение статуса — но как можно спокойнее и легче сохранить свое положение насколько возможно.

Доблестные воины и трудолюбивые хозяева сменяются изнеженными и боязливыми потребителями. С этого момента они обречены.

Хозяева перекладывают на рабов все больше обязанностей, рабы становятся администраторами, выкупаются из рабства, становятся банкирами и торговцами, подкупают чиновников, сосут все соки из проклятой метрополии, где их презирают как людей второго сорта — а хозяева делаются все никчемнее и слабее.

Держава расплзается на куски — каждый сильный и храбрый хочет отделить свое владение и править в нем самовластно.

И тогда приходят варвары. Которых двести лет назад стерли бы в порошок, а они и дерзнуть не смели замахнуться на великую державу, только огрызались, когда их приводили к покорности коронные войска. Варвары грабят богатства и режут вырожденцев, как баранов, а те платят любой выкуп и молят о жизни.

Рабы освобождены и расходятся. Огромные латифундии, каменоломни и стройки, виллы и бани — пустеют: они приводились в жизнь и движение только рабами. Исчезают науки и ремесла, нет больше ни медицины, ни грамоты, ни наук и искусств, нет даже военного строя — толпа на толпу воюют вооруженные яростные варвары.

Свободы стало больше — рабства нет! Но производства стало меньше! А с ним исчезла культура и воцарились века дикости, немытости, неграмотности.

Но! Монастыри, трубадуры в замках, заморские мастера оружейного ремесла, книги иных стран в дальних походах — и через ТЫСЯЧУ лет цивилизация поднимается. В чем-то она не достигает античного уровня: нет отапливаемых под полом вилл, нет цемента, нет искус-

ной выделки тканей и секретов развитой медицины. А в чем-то превосходит: живопись, философия, научные прорывы, огнестрельное оружие.

Так что при феодализме — свободы больше. И труд отдельного свободного крестьянина производительнее подневольного труда раба. Но дурная организация, скверные орудия и личное потребление — ведут к скудости хозяйства и малости производимого продукта.

Первое: производство на душу населения — резко ниже по качеству и количеству. Какое изобилие?.. Немытого рыцаря в проношенных штанах с римским богачом не сравнишь.

Однако второе: характер социальных отношений между работниками и господами был таков, что у феодализма была огромная перспектива развития. Мощный системный ресурс. Научные знания и технологии нарабатывались и копились, производство росло — и когда каравеллы с пушками в бортах пошли через океаны, когда мануфактуры стали производить километры качественного сукна и полотна, когда мушкет стал великим уравнителем сил между могучим рыцарем и хилым простолюдином — тогда преимущества феодализма стали явными.

Предположим, мы сейчас не будем касаться вопроса крепостных и рабства при феодализме. Предположим, мы упрощаем модель до принципиальной: тебя уже никто не может продать и купить, распять на кресте по своему произволу и отыметь во все места по своей прихоти. Даже у мужика, у простолюдина, уже есть какие-то гражданские права. Право на собственность. На долю произведенного продукта. На семью по своему усмотрению. На жизнь, в конце концов. И даже на свободный проезд по дороге: великий европейский закон: «Большая дорога принадлежит всем».

...Итак. Свободы для всех, в среднем, стало больше. Производства материального и информационного стало меньше. Но со временем производство достигло уровня, который рабовладение дать не могло. Вот.

4. Чем ближе к нашему времени — тем яснее и понятнее. Есть такая иллюзия.

«Век шествует путем своим железным». Это уже про капитализм.

Научно-технический прогресс обусловил промышленную революцию. Машинные производства обеспечили высокую производительность труда — и нуждались в рабочих. Не рабов — значит наемных, платных. Возникли капиталисты — владельцы средств производства, заводов и фабрик. И возник пролетариат — бывшие крестьяне, которых или сгоняли с земли юридическими и экономическими способами, или делали их труд убыточным вследствие импорта дешевого продовольствия из-за рубежа.

Капиталист — свободен. Он не рыцарь, не вассал, сословных обязанностей ни перед кем у него нет. Хочет — продал свое производство, хочет — подарил, бросил, проиграл в карты. Хочет — руководит сам, хочет — нанял управляющего и уехал в Монте-Карло.

И пролетарий свободен. Хочешь — работай, ешь, не хочешь — не работай, не ешь. Хочешь — уйди в бродяги (если за это уже не вешают), хочешь — попробуй стать торговцем, хочешь — отправляйся за тридевять земель искать счастья. А то в армию запишись. Конечно, костлява рука голода. А вы что хотели — чтоб вам дармовая жратва обеспечивала свободу капризов? Выбор у тебя богатый, ты не раб и не мужик на земле, привязанный долгом и оброком к сеньору.

Но, конечно, свобода капиталиста пошире свободы пролетария.

(Граждане. Здоровый, сильный, красивый и умный — куда свободнее слабого, противного и глупого. Диапазон возможностей у них разный — от природы, по жизни. Диапазон свободы вообще-то всегда индивидуален.)

А пролетарий выполняет свою норму дневной работы, иначе мало заработает или вообще выгонят. Но относительно свободен.

5. Следствий тут несколько.

Во-первых, общество стало еще сложнее, многоэтажнее, степени неравенства умножились. Крестьяне с землей и арендаторы с оброком. Свободные ремесленники. Городской пролетариат. И появились наемные работники, те же пролетарии, на обширных централизованных сельхозугодьях. А также: учителя, врачи, журналисты, университетская профессура, писатели и композиторы, художники и изобретатели. Государственные чиновники и производственные менеджеры. Капиталисты и министры, крупные землевладельцы и полицейские, армия и флот. Огромная многосложная пирамида, на вершине которой неограниченная наследственная власть — сменилась выборной, сменяемой и ограниченной.

Во-вторых: внимание! Земледелец пахал тяжелее охотника. Раб — тяжелее свободного работника, который не загонял себя вусмерть ради лишней прибыли. Свободный крестьянин феодализма — пахал тяжелее раба: тот по возможности отлынивает, а этот пашет от души на себя, но сначала-то надо сеньору отдать его долю, а уж потом семью кормить и одежду купить! Пролетарий горбатился тяжелее крестьянина: по десять, двенадцать, четырнадцать часов круглый год, в предельном темпе, а будешь медлить — выкинут за ворота, там очередь безработных, а тебе только с голоду дохнуть. Свобода, конечно, но жить охота.

В-третьих. В первобытнообщинном строе карьеру сделать было трудно. Вождь — самый здоровый и умный: почетно, но опасно. Затем появились шаманы — но шаман сам отберет мальчика из всех и будет его учить и воспитывать.

При рабовладении социальные лифты тоже вверх-вниз не сновали. Только принадлежа от рождения к сословию чиновников (писцов) или жрецов, можно было продвинуться в этой области. Или в армии. Но чаще — высокие должности наследовались.

Феодализм в принципе позволял пробиться в рыцари — на первых порах, пока иерархия не окостенела.

Здоровый, храбрый, спас в бою знатного господина — он может тебя возвысить, даже представить королю. Но с формированием сословий — потолки между ними были непробиваемые.

Однако. Торговцы, менялы, ремесленники, ювелиры, врачи и живописцы, архитекторы и изобретатели — имели шанс обратить на себя внимание, завоевать авторитет, сколотить капитал, приблизиться к сильным мира сего и даже обрести определенное влияние. А за ценную услугу, иногда же просто за очень большие деньги — король или герцог мог возвести богатого, талантливого и полезного простолюдина в дворянство.

А вот в 1789 году! В Зале для игры в мяч! Чем является Третье сословие? Ничем. Чем оно хочет стать? Всем! Где тут гильотина для королей?

Вот тогда — вот тогда! — капитализм вступил из ранней стадии в стадию капитализма очень даже развитого: и общество это правильно назвать Обществом Свободного Предпринимательства.

Юридически — полное равноправие. Сословных перегородок не существует. Сирота и племянник сапожника становится премьер-министром Великобритании. Вчерашний крестьянин приходит в город, начинает торговать дешевыми конфетами с лотка — и становится богатейшим фабрикантом. Нищий бродяга становится великим художником. Семья еврейских менял превращается не просто в богатейших банкиров Европы, но покупает себе дворянство. Сын приходского священника становится прославленным в веках адмиралом Королевского Флота. Ну и так далее.

Мир опоясывают железные дороги. Свечи сменяются газовыми рожками, а они — электричеством. Пароходы, воздушные шары, ванны и ватерклозет, отлаженная почта во все концы мира. Медицинское обслуживание доступно уже любому! — хотя до совершенства еще далеко. Но всеобщее образование вступило в свои права! Боже! Телеграф, телефон, автомобиль!

Но жизнь пролетариев хуже, чем древнеегипетских

рабов: по крайней мере, те дышали свежим воздухом и могли не слишком надрываться, пока надсмотрщик далеко. Жалкие клетушки в кирпичных сотах, прокопченных фабричным дымом, изношенная засаленная одежда, скудная еда, вечный недосып и переутомление. Они низкорослы, хилы и бледны. Десятилетние дети — откатывают вагонетки в шахтах, изнемогают на фабриках, потому что заработка взрослых не хватает на еду. Доля бездомного бродяги видится пролетарию счастьем! Перечитайте Джека Лондона: «Люди бездны» и великий рассказ «Отступник».

6. И вот тогда, в середине XIX века, из чрева капитализма показал свою грезовскую головку нарождающийся социализм — и ощерил железные зубки. То есть исподволь он существовал давно. Но сейчас оформился как научная теория, как учение о будущем, которое неизбежно.

Чем все опыты по его построению кончились — мы уже знаем. А вот с чего они начинались? Чтобы понять — надо охватить весь процесс во времени и в деталях.

ДОЛГИЙ ПОЛЕТ МЕЧТЫ

Когда людям жилось хорошо? Никогда. Первобытные люди гибли на охоте, мерли от голода, выбивались соседями, и проводили свой краткий век в скудости и постоянных опасностях. В рабовладельческом обществе рабы надрывались и страдали, а свободные люди воевали и от зависти травили более удачливых сограждан. Феодализм был дикостью — болезни, неграмотность, суеверия и скудость жизни даже у знатной элиты. Капитализм угнетал пролетариат, разорял крестьян и терзал души образованного сословия, а богачи боялись, что чернь отберет их богатства. Кому суп жидок, кому жемчуг мелок, кому веревка горло давит.

А когда люди мечтали жить хорошо? То есть в справедливости, общем изобилии, мире и любви? Вот всегда и мечтали.

Что из этого следует?

Что на самых ранних этапах развития цивилизации, о которых мы можем судить по дошедшим памятникам или записям этнографов, люди полагали, что раньше, в прошлом, было счастливое время изобилия и покоя.

1. Мифический Золотой Век у каждого народа назывался по-своему, но культурные отличия были неприципиальны. Или боги обеспечивали всех в изобилии добычей, климат был прекрасный, а врагов не было вообще. Или боги создали людей титанами и снабдили всем необходимым. Или великий царь, первый из всех царей,

создал совершенную державу, где подданные были сыты и счастливы. Или первые люди жили в Раю и блаженствовали в покое на полном обеспечении.

А потом или царь умер, или народ разгневал богов, или злой дух поссорил людей с верховным благодетелем — но только люди по собственной вине и несовершенству лишились милости Верховного Владыки (у которого без счета имен). И стали страдать, ссориться, творить зло и добывать хлеб свой в поте лица своего.

И чем дальше удалялись мы от благословенного Золотого Века — тем хуже были и люди, и жизнь, и порядки.

(Интересная мысль, господа: в этом миропредставлении заключены как социальный аспект Второго Начала Термодинамики, которая в теории была предкам неизвестна — так и основы Теории Креационизма. Божественного Творения: естественно, Бог создал Землю и людей совершенными, как совершенны все его творения, а дальше они стали портиться сами: творения отделились и отдалялись от Творца.)

То была печальная мысль: чем дальше — тем будет хуже. А если взглянуть с другой стороны — естественно: Идеал недостижим, но мы его себе представляем — откуда представляем? а он когда-то существовал...

2. Но человеку свойственно надеяться, и еще человеку свойственна наглость. И с древнейших времен наиболее продвинутые люди подошли к проблеме Золотого Века по-деловому и оптимистически, с активной жизненной позиции. Эти радетели и мыслители понимали, что корень зол таится в самом устройстве общества. А оно взаимосвязано с устройством души человека, в смысле с системой ценностей и смыслов личности, как сказали бы сегодня.

А значит. Устройство общества необходимо изменить. А человека перевоспитать. И тогда? И тогда будет хорошо. Справедливость, счастье и изобилие.

Идеи абсолютной свободы, равенства и безвластия проповедовал еще Диоген в Древней Греции. Пифагор

полагал, что у друзей все должно быть общее: земля, хозяйство, жены, дети. Это Аристофану принадлежит впервые сформулированная мысль: «Все собственники — воры!»

А веком раньше в Китае смущал и просвещал умы Лао Цзы с его даосским учением: не делай ничего, ничем не управляй, не вмешивайся — и тогда все проявит свою благую внутреннюю сущность, и все будет хорошо: без власти, приказа и обязанности; свобода себе и другим как высшее благо и истина. Мо Цзы был конкретнее: необходима общность имущества, жен и детей.

(Вы чувствуете, что разность культур и рас, тысячи километров расстояния — не препятствие для принципиального направления мыслей?)

То есть. Мы имеем отрицание государства вообще — как необходимое условие счастливой и правильной жизни. Дальше больше. Если Диогена и Лао Цзы часто записывают в предтечи анархизма, то:

3. Платон — родоначальник научного социализма. В своем самом знаменитом, наверное, диалоге «Государство» (360 г до н.э.) он подошел к вопросу с другой стороны. Вместо отмены государства ради анархической свободы он предложил детальную модель государства идеального.

Кастовая система: философы правят, воины защищают, крестьяне и ремесленники работают. Евгеника: лучшие женятся на лучших и продолжают род, а худшие на худших, и их потомства уничтожается. Больных не лечат: обреченный умереть умрет, способный жить выживет. Все имущество общее. Для детей есть социальные лифты по итогам экзаменов. Детей воинов воспитывает государство; воины едят вместе. Женщины могут выполнять мужские работы.

3-а. Справедливость Платон понимает как порядок в обществе, при котором каждый приносит максимум пользы всем, делая то, к чему наиболее способен, и получает столько же благ, как прочие в его страте. В результате каждый человек и все общество в целом живет

максимально комфортно, обеспеченно и безопасно. (Этому понятию справедливости в начале уже XIX века будет соответствовать этика Джереми Бентама: справедливо то, что приносит максимум счастья и минимум горя максимальному количеству людей.)

4. Через две тысячи лет появится «Утопия» Томаса Мора (1516 г). Главное: частная собственность есть источник зла и должна быть упразднена; распределение благ производится по потребностям; демократическое выборное правление; трудятся все, причем род деятельности можно время от времени менять. Гуманизм, миролюбие, справедливость. Притом все носят одинаковую одежду, а для поездки за пределы города берут выездную визу, в смысле разрешение от начальства. Вполне социалистическая модель!

5. Век спустя был опубликован «Город Солнца» Томмазо Кампанеллы (1623 г). Частная собственность упразднена. Семья упразднена. Поэтому нет преступлений — краж, грабежей и изнасилований. Все трудятся, но не более 4-х часов в день, остальное время — для гармоничного развития. Государство регулирует деторождение и воспитывает детей, забирая от родителей. Так воспитывается новый человек — человек совершенного и гуманного общества! Женщины не только трудятся наравне с мужчинами, но и изучают военное дело; эмансипация и равенство. Смертная казнь — только для злых нарушителей! Правит каста мудрых жрецов, а на исполнительном уровне — лучшие из специалистов по профессиям. Демократия — только в форме общих собраний без права решать государственные вопросы. Разумеется, все счастливы. Считать эту модель коммунистической или социалистической — вопрос терминологических нюансов.

Искра не гасла, и пламя свободы и справедливости регулярно возгоралось!

6. В 1649 г Джерард Уинстенли опубликовал «Новый закон справедливости», а в 1652 — «Закон свободы». Бесклассовое общество. Частной собственности нет,

денег нет, купли-продажи нет, работы по найму нет. Монарха устранить, лордов устранить, земля общая, вместе работать и вместе есть. Тюрем и казней нет, власти нет, каждый живет по собственному разумению. Именно Уинстенли впервые создал коммуну земледельцев, хотя этот первый в истории коммунистический эксперимент просуществовал лишь год. Пожалуй, правильнее всего назвать его учение анархокоммунизмом.

7. А еще через сто лет (милые были у них интервалы) великий Жан-Жак Руссо пишет свой эпохальный «Общественный договор», а также «Рассуждение о происхождении неравенства между людьми». Первое главное: источником власти и права и сувереном в государстве является народ. Нация как субъект государственности и права. Монархи, дворянство, элита — это узурпаторы власти. Второе главное вытекает из первого: все принципиальные вопросы решает сообща народ. Третье главное: частная собственность и вообще цивилизация есть моральное зло и портит человека, от природы добродетельного «благородного дикаря». Четвертое главное: чтобы сдерживать пороки цивилизованного человека и развивать его добродетели, необходимо правильное воспитание — только это может и должно изменить мир к лучшему. Через 15 лет после смерти Руссо во Франции разразится кровавый революционный террор — «именем народа».

8. И в том же 1793 знаменательном году Уильям Годвин, отец будущей прославленной создательницы «Франкенштейна» Мэри Шелли, представил миру трактат «Исследование о политической справедливости». Государство действует в интересах 2% богатых, 98% бедных обделены и угнетены, счастья и справедливости нет, и устроено все нерационально. Частную собственность отменить, государство упразднить, жить свободно без гнета властей, в дружбе, сотрудничестве и самостоятельных договоренностях. Анархисты считают Годвина своим родоначальником, но не все коммунисты с ними согласны.

9. А вот идеи Пьера Прудона, выпустившего в 1840 г огушительную брошюру «Что есть собственность» и более всего известного радикальной формулой «Собственность есть кража», в конце XX века обрели новую силу и новое дыхание. Когда западные левые, от президента США Обамы до лидера британских лейбористов Корбина учат, что «если вы создали бизнес — это не ваша заслуга — это заслуга всего общества, которое создало все знания и товары, которыми вы пользовались, так что вы обязаны обществу, и ваш бизнес так же принадлежит любому члену общества, как и вам, по сути вещей» — это, между прочим, чистенький анархизм Прудона. Хотя наши левые современники считают себя социалистами.

10. ЧЕМ ОТЛИЧАЮТСЯ АНАРХИЗМ, СОЦИАЛИЗМ И КОММУНИЗМ? Ибо в борьбе за свержение капиталистического строя и буржуазной морали они смыкаются так дружелюбно и тесно, что аж боками трутся.

Анархизм и коммунизм — в дальней перспективе одно и то же. Государства нет, частной собственности нет, власти нет. Все делается свободно и добровольно, сообща. Отличия носят частный и технический характер; спорят о деталях и подробностях. Вообще подвидов и разновидностей анархизма и коммунизма много, но нам важно проследить главный принцип. В теоретиках и практиках этих учений все равно согласия нет.

(Главный их спор: анархисты считают, что можно отменить государство, власть и собственность сразу, сейчас, без волокиты — а коммунисты утверждают, что сначала необходимо пройти через стадию социалистического государства: задавить буржуев, воспитать по-коммунистически народ и создать материальную базу коммунизма — ну, чтоб сразу добра было уже более или менее достаточно. Анархисты доказывают: только в процессе безвластного общежития, в атмосфере свободы и равенства, доверия друг к другу — новый человек и может появиться! На берегу плавать не учатся! Нелегко искать самую короткую дорогу к счастью, ребята...)

Социализм же — все-таки предполагает государство — как институт планирования, контроля и распределения. Все народное, общественное, от имени народа чиновники и функционеры управляют. Все, кто может, работают, все получают от государства содержание, блага и должности предоставляют с учетом расовых и национальных квот и привилегий «обделенным исторически». Сегодня — вот такова господствующая модель. Которая по мере развития общества и личностей должна видоизмениться в коммунизм.

11. А в XIX веке начался современный социализм как вполне научная теория, учение и идеология (отметьте разницу этих понятий). Ну и примыкающий к нему и вытекающий из него коммунизм, объявивший себя также вполне научным.

Тут мы погружаемся в море имен, направлений и споров, изученных специалистами вдоль и поперек и до сих пор не утихающих. Поэтому — только о главном. А главный здесь Карл наш Маркс.

При материальной и информационной поддержке Энгельса он установил, что: а) капиталист грабит рабочих; б) труд рабочих — источник всех благ, товаров и услуг; в) рабочие и без капиталиста отлично проживут, если заберут его производство себе; г) и тогда настанет равенство, справедливость, счастье и изобилие; д) а работать все будут лучше и производительнее, потому что на себя и потому что каждый по уму и в охотку, найдя себе свободно любимое дело. Н-но — сначала капиталисты будут сопротивляться отбиранию их производств, и их придется сломить. А главный класс, революционный — это пролетариат.

Строго говоря, нового Маркс выдумал и изобрел только одно. А именно: промышленная революция к тому времени создала целый класс наемных работников, которые могли предоставить рынку только один товар — себя самих как рабочую силу. На сцену истории вышел пролетариат. И он был объединен на огромных фабриках и заводах. То есть: трудовые коллективы квалифици-

рованных и равных работников, не имеющих никакой собственности, уже есть! И осталось только отобрать заводы и фабрики, а также дворцы и все личные ценности — у капиталистов, которые ограбили пролетариев и присвоили себе продукты их труда, — и сделать общественной собственностью пролетариев! Им даже с места сдвинуться не придется — и производство готово, и трудовой коллектив на нем готов. И социализм в масштабах отдельного государства, а там и всего мира, — готов!

Социалистическая революция как последний этап социальной и научно-технической эволюции, которая к этому последнему этапу уже подошла вплотную!

Знаменитый, чудовищно громоздкий и перегруженный бессмысленными невнятными подробностями «Капитал», объявленный чудом экономической мысли, оказался нужен только для одного: придать извечной мечте «все отобрать и поделить поровну» видимость глубокой научности.

...То было время сенсационного появления и оглушительной славы теории эволюции. Маркс попал в мейнстрим необыкновенно точно. Социальная эволюция как наука и часть общей эволюции. А революция — это частность, способ, инструмент. Успех последовал, как ударная волна из эпицентра взрыва.

...Дальнейшая «история теории» социализма нам сейчас уже не так интересна. Она разветвилась, как грибница. И неожиданной формы грибы полезли в неожиданных местах. Об этой флоре и фауне — чуть позже.

ВОСКРЕШЕНИЯ УПРЯМОГО ФЕНИКСА

Главное в профессии мечтателя — остаться в живых, когда его мечта сбудется. Это мало кому удалось.

1. Первобытная община, которую иногда считают исходной коммунистической ячейкой общества, была по сути общиной семейной, родовой. И исчезла по мере развития цивилизации с переходом человечества к оседлому образу жизни и земледелию.

2. Иногда древнейшие государства Месопотамии и Египта рассматривают как «отчасти социалистические». Все имели равные наделы, земля была общая, работники на государственных стройках получали равное обеспечение и питание и т.д. Врать нехорошо. Земля принадлежала храмам и царям (или фараонам). Верховная власть могла дать надел, отобрать надел, увеличить или снизить налог, передать другому лицу землю вместе с людьми. Скорее это было равенство царских или храмовых крепостных. Все централизовано и регламентировано — но это еще не социализм, панимаш. В концлагере тоже равенство и отсутствие частной собственности. Хотя малый шанс попасть в социальный лифт был. (О рабах мы сейчас не говорим.)

3. Элементы общинного коммунизма то и дело проявлялись позднее, когда тоталитарная централизация ослабла и несколько либерализировалась. Такие общины всегда носили характер религиозной секты или воинско-

го братства. Ессеи в Израиле. Первые христианские общины. Ряд монашеских орденов — как католических в Европе, так и суфийских на Востоке. Военный коммунизм в древних походах «осложнялся» правом на трофеи в личной собственности. Все это были более или менее замкнутые мужские коллективы, ведущие единообразную жизнь. Их объединяла или религия, или война, на что и был ориентирован весь быт. Полноценного самообеспечения и полноценного воспроизводства они дать не могли. Прекращали свое существование по мере выполнения военной задачи или в результате социальной эмиссии (надоело, кто умер, кто ушел). Существовать долго могли только за счет подпитки от государственного общества: монастырская десятина и т.п.

3. Платон вынашивал идеи своего «Государства» всю жизнь, и всю жизнь мечтал воздействовать на граждан так, чтобы осознав и обретя добродетель они и были способны идеальное государство создать и процветать в нем.

Он прибыл на Сицилию и приступил к беседам со знаменитым тираном Дионисием, прошедшим, как говорится, жестокую жизненную школу. Был шанс повлиять на создание справедливого и счастливого государства на Сицилии. Но взаимопонимания не случилось. Вместо комплиментов своей храбрости и справедливости Дионисий слышал много неприятного о себе. Что законы несовершенны, он никому не доверяет, страх вызывает даже бритва брадоброя, а самый счастливый человек не он, а нищий и умерщвленный по приговору суда Сократ.

Менее всего тираны расположены слушать правду о себе. Платона было приказано убить, но в результате большого везения его всего лишь продали в рабство. Боги определенно покровительствовали великому философу, потому что из рабства он был мгновенно выкуплен — то ли друзьями, то ли богатым поклонником.

Первая известная нам попытка создать идеальное государство сошла с рук его создателю в общем безболезненно. Так повезло отнюдь не всем.

4. В конце V века великое государство Сасанидов, простиравшееся от Индии до Египта и от Кавказа до Аравии, потрясли небывалые события. Зороастрийский жрец Маздак организовал и возглавил такое демократическое движение крестьян, ремесленников, торговцев, городской бедноты и мелкой знати, что сам шахиншах Кавад I приблизил его к себе и сделал верховным жрецом империи. Шахиншах имел в виду использовать харизматичного и влиятельного духовного лидера и через него народные массы — в борьбе против крупной знати, угрожавшей полноте царской власти.

Но выпущенный на волю джинн народовластия послал хозяина подальше. Маздак провел реформу зороастризма, напомнив о губительности богатства. Убедил шахиншаха отворить амбары и раздать хлеб народу. Назначил на ключевые посты своих сторонников. Организовал экспроприацию и обобществление крупных владений, а затем и раздачу имущества всем поровну. Упразднил гаремы, а женщин раздал неимущим холостым мужчинам. Затем институт брака был вовсе отменен, а женщины поступили в общественное (мужское) пользование на началах справедливого и равного распределения.

К 500-му году нашей эры на территории нынешних Ирана, Ирака, Армении с Грузией и частично Пакистана с Афганистаном — установился социализм! Реформами Маздака были довольны не все. С ними поступали как положено: объявляли сторонниками зла и репрессировали. Терроризм насаждаемого добра далеко превзошел былые страдания от побежденного зла.

Сорок лет социалистических пертурбаций завершились восстановлением статус-кво. Диктатура социалистов-маздакитов крепко испугала остатки высшей знати и не вызвала восторга армии. Элита объединилась с силовиками. Маздака с группой актива пригласили к царскому дворцу под предлогом религиозного диспута. Арестовали и закопали в землю вверх ногами. В знак того, что они хотели поменять в мире верх и низ местами — пусть это и получат.

5. Катары, последователи одной из ересей христианства на юге Германии и Франции в XII—XIII веках, обычно придерживались общности имущества.

Табориты, боевое крыло чешских антикатолических реформаторов XV века, в своих организациях часто объединяли общие средства и распределяли поровну. А также нередко склонялись к общности жен и детей; что не у всех встречало понимание.

Аналогичные воззрения преобладали у анабаптистов XVI века в Центральной Европе.

Все эти ереси, выступавшие с активными и практическими протестами, требовали и намеревались изменить существующий порядок. А именно: свергнуть власть королей и епископов, отменить частную собственность и семью — и установить всеобщее равенство: на труд, на имущество, на женщин и детей.

6. Но сакраментальный лозунг «отнять и поделить» своего воплощения в чистой, так сказать, форме достигает у людей вольных, по собственному желанию объединившихся в общины равных — и противопоставив себя государству, закону и морали.

Разбойники. Пираты. Казаки.

Вольное мужское сообщество равноправных партнеров без власти над собой. Прекрасная модель социализма, а лучше — анархокоммунизма. Сами решаем, сами грабим, сами делим, сами проживаем. Недаром во времена всех бунтов, восстаний и революций — разбойнички всех мастей оказывались на передовой линии свержения и разграбления господствующего класса. Разбойник революционеру — первейший друг, товарищ и брат. (Ну, а после удачи революции — тут кто кого сумеет прирезать первый. Интересы расходятся, да и властью делиться нельзя.)

Но. После выявления ясного родства между социализмом и религиозной сектой. Полезно понять родственность социалистической организации и разбойничьей банды.

Чем полезно рассмотрение банды? Обнажением

социальной конструкции и идеологической подоплеки. Равноправие, общность имущества, честное равное распределение, отсутствие властного принуждения и подчинения, личная инициатива каждого, оптимальное применение своим способностям, коллегиальное принятие решений — еще не гарантия от перерезания глоток, изнасилований и грабежа тех, кому не посчастливилось вступить в эту банду. Не дай бог попасться таким «социалистам» на большой дороге.

...И вдруг лезут детали: небритые разбойники в лесу одеты в пестрое тряпье и с кривыми кинжалами, заткнутыми за кушаки; пираты в черном, на головах цветные косынки, трясут кортиками и пистолетами на фоне паруса и морской волны; а казаки носят штаны с широким красным лампасом, буйный чуб вьется из-под фуражки, тонконогий конь играет, а мелькающая узкая шашка в руке так и горит серебром. Вообще книжки должны быть с картинками. Чтоб у читателя мозг не пересыхал, а глаз радовался.

7. Новое время развеяло идеалистический дурман продавцов опиума для народа... я не слишком витиевато выражаюсь?... то есть самые практичные из людей нового времени, английские капиталисты, поставили дело социализма на конкретную основу. Дело было так:

На рубеже XIX века тридцатилетний Роберт Оуэн женился на богатой невесте, дочери владельца текстильной фабрики под Глазго, и стал данной фабрики управляющим и совладельцем. Обуреваемый идеями и планами, он приступил к реформе производства, дабы упомянутое производство оптимизировать, усовершенствовать и поднять.

Оуэн сократил рабочий день с 14–16 часов до 10 часов 45 минут. Воспретил детский труд, а для детей устроил школу. Прикупил жилья для рабочих и обставлял его порой на собственные деньги. Постоянно совершенствовал процесс производства так, чтобы никто не надрывался, но каждый работал по силам без расслабления, и рабочие места были удобны.

Результат поразил всех. Выработка подпрыгнула. Прибыль владельцев резко увеличилась. А рабочие стали гораздо меньше уставать — но гораздо больше получать. За опытом повалили интересующиеся, вплоть до императора России Николая I.

Далее Оуэн пришел к идее главенства воспитания и образования работников, к идее преимуществ кооперативов без капиталистов-нанимателей, ну и — к отрицанию капитализма и необходимости заменить его гуманным и высокопроизводительным социализмом. Господствующий класс капиталистов его не приветствовал.

Воспитание может все, труд — это благо, совместный свободный труд дает счастье и любовь к ближнему. И это необходимо внедрить! И долой все религии, тот самый опиум для народа.

Роберт Оуэн, вся судьба которого есть материал для великого социально-психологического романа, фантастически сочетал в своих устремлениях безграничный полет мечты, рациональное теоретическое обоснование и детальный практицизм. В число его пайщиков вошел великий философ Джереми Бентам, в комитет по материальному обеспечению проекта — великий экономист Давид Рикардо!

И в 1825 году Роберт Оуэн затевает грандиознейшее предприятие по практическому воплощению социализма, переходящего в коммунизм, в жизнь! В Америке, штат Индиана, он покупает участок в 80 квадратных километров (!) с жилыми и хозяйственными фермерскими постройками за 150 000 тогдашних долларов! (Прежние хозяева, германские иммигранты, съехали в Пенсильванию.) Завозит туда около 800 добровольцев. И они начинают сообща трудиться на земле и хозяйствовать. Каждый готов на любую работу, постоянный обмен родом деятельности, чтоб никому не было обидно и все трудились поровну. Работники должны заниматься самообразованием и сочетать физический труд с умственным. Коммуна называлась «Новая Гармония».

Через год, получив на первоначальном энтузиазме хорошие результаты, Оуэн перевел свою колонию на коммунистические рельсы. Специализация труда отменяется: все делают то, что сегодня нужно для общей пользы. Вся хозяйственная собственность — общая, люди владеют только личной мелочевкой. Утреннее распределение на работу, общие трапезы. А также пытаются обобществить семейные отношения в одну большую, общую, братскую семью. Ну разве не мечта? разве не прелесть?

Еще через год самые умные и образованные выходят из «Н. Гармонии» и образуют собственную общину. Этот кооператив интеллектуалов протянет лет двадцать!..

А оставшееся большинство восплачет недоверием и ревностью к трудящимся собратям, все начнут выяснять отношения, обвинять друг друга в несправедливом распределении работ и нерадивом их исполнении, и разругаются вдрызг.

...Через четыре года прекрасная «Гармония» развалилась. Оуэн потерял почти все свое состояние, вернулся в Англию и скромно доживал свой век. Все дело в том, что воспитанные проклятым капитализмом люди не успели проникнуться коммунистическим самосознанием и психологией трудового братства, полагал он. Надо было воспитать заранее. А где воспитать, если кругом был капитализм?..

8. Необходимо добавить, что:

К тому времени Анри Сен-Симон уже умер, и его идея экономической эволюции была широко известна: сначала рабовладение, затем крепостничество, за ним свободное наемничество. Следующей и последней стадией должна стать «общественная работа», то есть социализм. Социализм гуманнее, выгоднее и прогрессивнее: он неизбежен.

Но вполне жив был Огюст Конт, его ученик, как раз приступивший к издания своего шеститомного «Курса позитивной философии». По Конту, социология — «социальная физика» — устанавливает законы общественного развития. «Социальная динамика» базируется на

представлении о прогрессе умственного развития человечества. Существуют законы развития общества и прогрессивной смены его эволюционных стадий. Человек рассматривается в контексте всей истории Человечества и вообще всей истории Земли.

Короче. Согласно современной науке, приход коммунизма объективен и неизбежен! Хотя не все ученые считали так.

9. Мы опять забыли о деталях... Фаланстер я себе представлял в школе так:

Очень длинный и в меру широкий одноэтажный низкий дом. Стены и двускатная почти плоская крыша из аккуратно пригнанных узких досок, коричневатосерых от времени и непогод. Частый ряд окон и через равные промежутки пять-шесть дверей на обе стороны. Время от времени из них выходят или входят внутрь маленькие человечки в коричневых сюртуках и высоких черных шляпах типа мятых цилиндров. На плечо вскинуты лопаты. А кругом — пустота вроде прерии или большого поля, окруженного степью.

А внутри там у них типа семейного общежития с большой кухней. Дружно, трудолюбиво и скучновато.

Итак, позвольте представить вашему вниманию гениального французского ровесника Оуэна — Франсуа Мари Шарля Фурье. То вообще был великий век гениев! К теориям двух вышеупомянутых Фурье присоединил Абсолютный Дух Гегеля и Мировую Волю Шопенгауэра. И получилась чудесная теория об единстве изначального движения всего сущего:

- движение материи, законы которого открыты Ньютоном;
- движение мельчайших частиц природы, атомов;
- движение органическое образует формы, цвет и детали организмов;
- движение страстей и инстинктов;
- движение осевое социальное, действующее в общественных организмах (скажем — в социальных системах).

Вот такая базовая основа всех форм и видов природы.

Человек движим страстями, и задача общества — их правильно распознать, учесть и направить к общему благу. Людское сообщество надо правильно подбирать, сочетать и приставлять к тому делу, которому предрасположен каждый. М-да. Трудность в том, что кропотливый Фурье классифицировал 810 (восемьсот десять) типов характеров в зависимости от инстинктов и влечений в разных комбинациях. Для них нелегко найти 810 разных занятий.

Поэтому? Надо соединять людей в фаланги тысячи по полторы-две каждая. Дети, старики, женщины — и 810 работников на все руки и мозги. Живут вместе в роскошном здании, библиотека, фонтан, сад. Кругом — поля и мастерские для работы. Все рады! Любят друг друга, выбирают себе любимую работу и производительно трудятся. (Фурье жил бедно, никогда не улыбался, поливал свои цветы в горшочках и кормил уличных кошек...)

Друзья и меценаты купили 5 кв. км земли недалеко от Парижа и приступили к постройке общего дворца, жилища и хозяйственных служб. Деньги кончились, проект рухнул; Фурье сильно переживал.

Но идея фаланстера влекли энтузиастов; уже после смерти Фурье раз сорок затевали их устройство, и во Франции и в Америке; и все равно — начинали ругаться и разбегались года через два-три! Хотя несколько продержались лет до двенадцати даже. Дружеская кооперация, сытость, свободный секс в общем сожительстве, кстати, приветствовался! И все равно недовольны и бегут... Хамье народ.

Как социалиста не корми, а он все равно на свободу хочет. Ну, когда социализма отпробует.

Горе в том, что нет у Господа для философов-социалистов подходящего народа! Вот с какой-то социальной червоточинкой этот хомо сапиенс. И гадит своим несовершенством прекрасную идею.

...В 1847 году в далекой России прекрасный свободолюбец Петрашевский выстроил своим мужикам фаланстер. Они его сожгли сразу.

10. О, сколько нам открытий чудных, и опыт, сын ошибок трудных... дальше незачем цитировать. Что там осталось из преамбул и проб? О:

Парижская Коммуна. О боже. Войну Пруссии, конечно, проиграли. Но Париж уже перестроен Османом. Проложены Большие Бульвары. Синеватый бульжник мостовых, ажурные решетки балконов, и сплошь французские лица.

То была первая попытка установления демократии с элементами социализма в масштабах огромного города. А в программной перспективе — по всей Франции. Неоякобинцы, социалисты, анархисты. Представители интеллигенции, торговли и скорее ремесленников, чем пролетариата — парикмахеры, булочники, ювелиры и прочая. То есть: буржуазно-демократическая революция с опорой на вооруженную силу Национальной гвардии.

Планировали: кооперации, самоуправление, бесплатное образование, выборность и отчетность перед народом.

Коммунары объявили себя властью и призвали Францию следовать за собой. Правительство, севшее в Версале, было против. Армия осталась ему верна. В начавшемся конфликте коммунары брали в заложники представителей «враждебных сословий» и расстреливали «три за одного», если захватывали и казнили революционеров, ну или подозревали злой умысел врагов.

Ну, потом стала кончатся еда и боеприпасы... Враги победили.

...Строго говоря, ни попыткой социализма, ни тем более примером диктатуры пролетариата это не было. Хотя уже появившиеся марксисты страшно хотели объявить Парижскую коммуны «первым в мире выступлением социалистической революции».

...Через тридцать лет начнется эпоха настоящих социалистических революций. Анархисты и социалисты всех видов и мастей возьмут в руки оружие и полезут на баррикады. Учение Маркса победит!

И вспомнят сказанные о нем слова великого Бисмарка: «С этим бухгалтером Европа еще наплачется».

МАРКС

Не станем касаться аргумента *ad hominem*, злословя над тем обстоятельством, что Маркс не умел даже прокормить семью, жил на средства друга-капиталиста Энгельса, эксплуатировавшего своих рабочих, но и присылаемые деньги непрактичный Маркс пускал неизвестно на что, вечно сидя в бедности и долгах. И вот с этими экономическими способностями он взялся за создание мировой экономической теории.

Не будем в стомиллионный раз повторять всем известное: что все опыты построения социалистического общества по Марксу проваливались неукоснительно и с треском. И если принимать во внимание тезис-слоган марксизма «Практика — критерий истины», то марксизм сам себя отрицает. Парадокс издевательский и жестокий.

Оставим в покое тот принципиальный приговор, который марксизм вынес себе справедливым замечанием: «Новая общественно-экономическая формация является более прогрессивной по сравнению со старой, если дает более высокую производительность труда». Чего не дал социализм, того и не дал. Бывает. Жизнь вообще полна разочарований.

И не будем глумиться над прекрасными силлогизмами типа «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно». Ну, насколько верно, настолько и всесильно.

Проигравшая собачьи бега гончая разводит лапами и говорит хозяину: «Ну не могу я быстрее!..»

Пролетариев сегодня не трогаем! Маркс, такое впечатление, полагал, что социальный статус становится биологическим подвидом, генетической национальной особенностью, ну чем-то в таком роде. От него уже не избавишься, к этой касте ты принадлежишь навсегда. А если ты стал певцом? Офицером? Торговцем? А инженером, начальником цеха, директором? Вот перестреляли всех, кроме пролетариев, и воспитали из пролетариев своих генералов, ученых и администраторов. Они еще пролетарии — или уже нет? Ах, происхождения пролетарского? Когда Адам пахал, а Ева пряла — кто был первым джентльменом? Все мы из самых пролетарских корней — из нищих обезьян без всякой собственности!.. бабушку твою на пальме...

...Вы знаете, от пророка не требуется ни ума большого, ни безупречной логики. От пророка требуется — кинуть в массы идею, которой массы жаждут. А для того идею надо попроще сформулировать и похлеще выразить. А уж аргументов массы себе сами изыщут и наформулируют — подходящих по уровню ума и желаемой направленности. Чего человек хочет — то будет утверждать со всей страстью, притягивая доказательства за уши и любые органы, и никакая логика ему не указ. Желание делает ложь правдой — была бы страсть погорячее.

А когда ложь перестала сходить за правду, новые левые придумали моральный и информационный релятивизм, относительность истины и равноправие нарративов вместо объективного рассказа.

...Но мы берем сегодня только один тезис. Главный, основополагающий, стержневой в учении Маркса: ось его мировоззрения. Что есть История? —

«История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов».

В первобытнообщинном обществе разделения на классы не было. Но этот период часто считают «доисторическим». Почему «до-»? Потому что письменности не

было, судить о происходившем очень трудно; да и какая, собственно, разница. Условились. Примитивное было общество.

Историю в гуманитарном, цивилизационном, социальном смысле мы отсчитываем от начала государств. Во-первых, возникают усовершенствованные орудия и приемы труда. Во-вторых, вследствие этого вырастает производительность труда и возможность отчуждения прибавочного продукта при сохранении жизни работника. В-третьих, вследствие первого и второго усложняется иерархия общества и появляются классы эксплуатируемых и эксплуататоров, рабов и рабовладельцев то есть. В-четвертых, прибавочный продукт идет не только на роскошь для правящего класса, но также на возникновение и развитие науки и техники, не говоря о ремеслах и тем более воинском искусстве. В-пятых — города и грандиозные постройки, частично сохранившиеся до нашего времени и возведенные теми, кто ел выращенный рабами хлеб: есть что изучать и о чем судить! Ну и в-шестых — письменность: о, что-то можно расшифровать, прочесть и узнать.

Но суть истории этого периода по Марксу — борьба рабов с рабовладельцами. Рабы хотят свободы себе и смерти рабовладельцам, а их добро поделить: чего ж еще? Или улучшить свою долю хоть насколько возможно. Рабовладельцы хотят, чтоб в идеале рабы много работали и мало ели, увеличивая прибыль хозяев. Так и жили.

Потом придумали и наделали новые орудия труда, более производительные. И это изменило производственные отношения. Рабовладельческий строй устарел и рухнул. Освободил место следующему, более прогрессивному.

И возник феодализм. Крепостные и феодалы вели классовую борьбу друг с другом. Тысячу лет и больше. Пока не изобрели машины и устройства, резко повысившие производительность труда. Появилась буржуазия — и рухнул феодализм, который как система отношений ее сковывал.

Тогда установил свое господство капитализм. И капиталисты стали бороться с пролетариатом. Они платили нищим и беззащитным рабочим так мало, чтоб рабсила только не умерла и могла работать дальше. А рабочие, пролетарии всех стран, боролись за свои права: получать больше и работать меньше. Плюс участвовать в управлении государством — которое им враждебно, ибо создано капиталистами для защиты их интересов.

И вот когда бедные и бесправные трудяги-пролетарии свергнут дармоедов-эксплуататоров капиталистов со всеми своими буржуазными прихвостнями, они сами станут сообща владеть капиталом, то есть собственностью на средства производства. И наступит коммунизм — высшая стадия развития, венец социальной истории.

...Простите, что пересказал кратко первую часть знаменитейшего из сочинений XIX века — «Коммунистического манифеста». Но люди ведь с возрастом не всегда умнеют, забывчивость обычна, а сегодня «Манифест» читали далеко не все.

Мужчина, вы с чем конкретно не согласны? — как спросил, икнув, один похмельный вице-премьер перечислявшего недостатки министра...

Что делали с побежденным врагом до начала Истории? Убивали и ели. Во-первых, врагу жить незачем, он завтра тебя убьет, не отпускать же. Во-вторых, белковая пища ценна и не так часта.

Если бы пленному предложили на выбор — рабство или смерть? — что бы он выбрал, как вы думаете?

Так что во-первых рабство гуманно. Во-вторых рабство разумно — не тратить же на него свой хлеб? — пусть работает и приносит пользу. В-третьих, рабство полезно и прогрессивно: раб создает прибавочный продукт. Мало ест, много работает. Раб есть необходимый и важнейший элемент государства: его трудом не только выращивается хлеб, который станут есть ученые и художники, создавая великую культуру. И не только армия, охраняющая (и расширяющая) государство. Его трудом

роются каналы и прокладываются дороги, строятся дворцы и храмы, стены и виадуки.

А теперь представим, что древнеегипетские рабы победили: перерезали всех рабовладельцев от надсмотрщика до фараона, поделили все добро и зажили вольной жизнью. Где пирамиды? Где храмы? Где древняя астрономия и геометрия? На хрен надо. На свое пропитание поработал — и в тень пальмы: есть ячменную лепешку и пить ячменное пиво.

Жестокая рабовладельческая система забирала себе энергию рабов и направляла ее на создание и рост цивилизации. А раб? — получал жизнь и кусок хлеба. Жестко. Несправедливо. Но иного пути развития у человечества не было.

Раб и рабовладелец — это единство и борьба противоположностей, составляющие суть и основу движения и развития цивилизации. Имманентное внутреннее противоречие системы. Диалектика. Элементарная причем. Да?

С тем же успехом можно сказать, что раб и рабовладелец сотрудничают на условиях, диктуемых уровнем социально-экономического развития эпохи. Что только наличие обоих элементов сделало возможным наше существование сегодня.

А альтернатива? Вечная первобытная община? Человек иначе устроен, избыток его внутренней энергии и есть причина усложнения и усиления общества.

Самоусложнение однородной социальной массы до социальной системы с увеличением разности потенциалов противоположных элементов — дало синергетический эффект. Рабовладельческая система в большой группе — сильнее и потентнее однородной группы той же численности. Так сведенные в фалангу восемь тысяч гоплитов сильнее восьмидесятитысячной толпы разрозненных бойцов — слаженная боевая система раздавит аморфную массу.

Система всегда сильнее суммы сил составляющих ее элементов по отдельности. И имеет новое качество, ко-

того не имели элементы по отдельности. Людей, разделившихся на рабов и рабовладельцев, это тоже касается.

А борьба и сотрудничество — это две стороны одной медали, двуединство, имманентное противоречие системы. (Повторение способствует пониманию даже простых вещей.)

Противоречие — неотъемлемо от сущности любого предмета и процесса. Человек хочет жить — но отдает жизнь ради спасения семьи. Хочет спать — но сидит ночь над счетами, спасая свою маленькую фирму. Хочет отдохнуть — но работает, иначе не проживешь. Желудок хочет наполниться пищей — а печень хочет жить спокойно — а мозг хочет думать о вечном — а гениталии хотят секса — но они могут только сосуществовать вместе. Жажда славы и наживы гонит Френсиса Дрейка вокруг света, пока не умрет. И так далее.

А теперь — Гибель Империи! Рекомендую цикл картин Томаса Коула. Рабовладельческий строй перестал соответствовать появившимся орудиям труда и технологиям, производственные отношения перестали соответствовать производительным силам, и в результате один антагонистический класс победил другой и произошла революционная смена формации; или же оба класса уничтожили друг друга и погибли вместе со страной (так согласно классике).

Мы мало знаем о гибели Шумера и Египетских Царств, о кикладиках и Мinoйской цивилизации. Но покорение Александром Македонским Великой Персии и ее последующее разрушение историки представляют себе уже неплохо. И описан-переописан Древний Рим: африканские провинции и крупные землевладельцы завалили Рим хлебом и превратили свободных крестьян, основу старого Рима, в люмпенов, нахлебников и паразитов. Рабство обогатило богачей и разорило и уничтожило простых свободных граждан. А далее: государственное иждивенчество плебса, падение рождаемости, всеобщий пофигизм и развращенность, этническая замена

латинян варварами, и Западная Римская империя рухнула — не как в школьном учебнике, но раскрошившись и обветшав, обваливалась внутрь себя двести лет, пока не распалась. Рабы не побеждали хозяев, но создали огромное богатство. И это богатство сделало ненужными доблести и завоевания, все выродилось в карьеры ради денег и почестей: римляне рвали в клочья собственную империю. Несколько варварских нашествий лишь немного ускорило падение.

Рим как политическая и социально-экономическая система выработал своей ресурс. Больше было нечего хотеть, нечего благоустраивать, нечего завоевывать: повелители мира. Жил тысячу лет — и перспектива кончилась.

А система существует только в динамике. Государство — в равновесии центробежных и центростремительных сил. И когда центростремительные — хватательно-удерживающие силы ослабевают, потому что уже все схвачено и аж вываливается из полных рук — начинают преобладать центробежные силы развала.

Любая социальная система проходит свой фазовый цикл существования: зарождение — подъем — плато — пик — спад — крах. Хоть это рабовладение, хоть феодализм, хоть что.

А на смену Риму пришли долгие века дикости. Средневековье. И не было там никаких новых орудий и знаний. Военная демократия германских и кельтских племен была так примитивна, и запросы ее были так низки, что рабам там было особенно и делать нечего. Земли до фи́га. Тебя определяет твой воинский статус. Поголовная неграмотность, учет в хозяйстве вести невозможно толком, какая латифундия с рабами? Ну, слуги. Ну, крестьянин платит налог рыцарю. Или арендует у него землю. Крепостной строй воцарился надолго, но по сравнению с античностью это было примитивное разгильдяйство с большими вольностями.

Исчезла медицина, живопись и архитектура, воинское искусство и прокладка дорог, гигиена и науки. Что

вы. «Новая формация». Ага. Аж население Европы вчетверо сократилось.

Через тысячу лет начался подъем, названный Возрождением! А вы: «Борьба рабов с рабовладельцами, и погибли вместе». От землетрясения тоже гибнут все вместе, но не от борьбы, знаете.

Маркс не углублялся в отношения феодалов и крепостных, и мы не будем. Система феодального соподчинения была довольно сложной. Факт тот, что очень зависимые от феодалов крестьяне вынуждены были работать на них 2—5 дней в неделю и отдавать им большую часть продукции; да еще церковная десятина. И были массовые восстания и жестокие битвы со многими жертвами иногда. Но при этом! На крестьянском хлебе-мясине работали ремесленники, и учили людей грамоте монахи, и начинали открываться университеты, и возводились величественные соборы, и защищали страну войска. А Роджер Бэкон возвращал философии ее смысл, а про Леонардо да Винчи все сами знают.

А наука все быстрее двигала технический прогресс, и промышленная революция прошла по Европе, и набирала силу буржуазия, пока не заявила в 1789 году устами аббата Сийеса: «Что такое третье сословие? Все. Чем оно было в этом режиме до сих пор? Ничем». Хотя сначала буржуазия пришла к власти в Нидерландах, потом в Америке, и наконец Французская Революция переустроила всю Европу.

Пролетариат жил при Марксе ужасно. Можно перечитать хоть Диккенса, хоть Джека Лондона (он уже — о рубеже XX века). Изматывающая работа, нищенские условия и некуда податься. Десятилетние дети в шахтах и на фабриках.

Элементарная совесть приличных людей многим не позволяла спокойно мириться с таким положением. Ну нельзя же так: мы моемся в ваннах, сытно едим и хорошо одеваемся, не переламываясь в своих умственных занятиях, — а они горбатятся по 16 часов в день и живут в трущобах.

Да, при этом — строились железные дороги, прокладывались телеграфные линии, печатались газеты и плыли через океан пароходы. Рывок технического прогресса в XIX веке был колоссальный.

И завелись рантье. Бульвардье. Расцвела опера, театры полнились, на выставки модных художников ломились толпы, а моды света менялись каждый сезон. И все это — с капитала промышленников. Кстати, еще и финансистов. Но в основании-то — труд пролетариата прежде всего!

Вот тогда вечная идея, столь же благородная, сколь глупая и губительная — отобрать и поделить все поровну — обрела научные черты. Опять: все зло от собственности. В частности: от частной собственности на средства производства. Господствующий класс, как всегда, эксплуатирует. А угнетаемый, как всегда, с ним посильно борется и мечтает свергнуть.

Простите за цитату:

«В таком случае у меня есть не меньше основания предполагать, что я и один могу справиться с вашим делом». Великолепный Остап Бендер.

И еще раз простите — за негуманитарную лексику:

Система тем (эволюционно совершеннее) потентнее и ее энергосодержимость тем больше, чем выше уровень ее устойчивой неравновесности.

(Для понятности: слой кирпичей на земле — и двухсотметровый небоскреб, сложенный из них. Скидать их на землю просто. Построить из них такое здание со множеством помещений очень трудно, само не построится, — а если падет, грохота и сотрясения будет много.)

Чем сложнее техника, чем больше научных дисциплин, чем более развиты медицина, образование, металлургия и нефтедобыча и т.д. — тем сложнее социальная структура, необходимая для функционирования всех этих отраслей. А сложная социальная структура — это система со сложной иерархией. А сложная иерархия сама по себе исключает социальное равенство: начальник всегда главнее подчиненного, плановик — исполнителя.

Они могут и должны быть равноправны де-юре, но де-факто — у них разный уровень полномочий и возможностей.

Коммунизм — это плоская, двухмерная социальная структура. Все равны и управляют всем сообща.

Дьявол в деталях. Маркс был гений стратегического уровня. На уровень практический он не опускался. А дальше — «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги: а по ним ходить».

Итак, всем владеют все пролетарии. Общеплановая собственность. Вот комбинат — 30 000 работников. Вопросы снабжения надо скоординировать со всем процессом. Вопросы сбыта скоординировать. Вопросы финансовые увязать с ними. Юридическая сторона — мы руководствуемся законом. А транспорт? А жилье для работников? А дороги?

Итак. 30 000 работяг собираются на площади, обсуждают круг проблем, намечают кандидатуры, голосуют, выбирают уполномоченных из своей среды. Отделы снабжения и сбыта, бухгалтерия, транспортный и так далее. Для их координации выбирается дирекция.

Вот уже специализация и иерархия. Директор и начальник планового отдела — уже не пролетарии. Служащие. Участвуют в процессе своим умственным трудом. И по факту руководят. Каждому — необходимо много помнить и знать, владеть узкой специализацией. Она зарабатывается, его любым пролетарием не заменишь.

От лица всего пролетарского коллектива комбинатом распоряжается узкая группа доверенных менеджеров во главе с директором. Они не владельцы. Но правящий класс.

То есть. Структура производства возможна только аналогичная капиталистической. Но зарплата одинаковая, и снять тебя рабочее собрание всегда может.

Идеальных и нестигаемых людей нет. Человек изначально грешен. Это всегда знали священники и психологи. На одного чистого и святого — десять нормальных и два мерзавца.

Закон природы не обманешь. Человеку свойственно честолюбие, тщеславие и стремление к самоутверждению. Человек старается занять как можно более высокое место в своей иерархии. И чем энергичнее — тем сильнее стремится.

Люди не равны по уму, энергичности и харизме. Наверх выходят прежде всего те, то выделяется этими качествами.

Начинается неравенство должностей, подчеркивающее неравенство врожденных качеств. У многих из нижестоящего большинства включается зависть. Зависть — естественное природное чувство: это стремление к самоутверждению в «минусовой полусфере»: не могу поднять себя выше — опущу других ниже, и буду выше на относительном уровне.

Лентяи и эгоисты есть всегда — они получают возможность работать спустя рукава за ту же зарплату. Люди очень ценят справедливость: хорошие работяги не захотят калывать за бездельников. Конфликты неизбежны.

Ликвидация материального стимула неизбежно снижает производительность труда.

А люди, вкусившие власти, не хотят с ней расставаться. Большинство руководителей постарается остаться на своих должностях всегда.

А поскольку те, кто распоряжается, имеют возможность вознаградить себя больше прочих, то большинство рано или поздно к этому склонится. Комфортные командировки. Пирьы на приемах гостей — надо же «произвести впечатление». Медицинское спецобслуживание: ценные руководящие товарищи должны беречь здоровье ради работы на наше общее благо!

А отношение к общенародной собственности: общее — значит ничье, а немножко и мое: отчего же себе что-то не взять...

И в течение считаных лет! — выстраивается бюрократическая управленческая пирамида, еще более многочисленная и сложная, чем при капиталисте. И расцветает коррупция. И падает производительность.

Капиталист мог выгнать любого, и берег собственные, личные деньги. Когда все хозяева — никого не выгонишь, а общенародных денег, ничьих то есть, не жалко. Прогорим — государство еще даст. И дает!

И! Каким образом?! Боже! Мы построили управленческую структуру, аналогичную капиталистической — только многочисленнее и менее эффективную.

...На деле все пошло иначе.

Капиталисты, сильно напуганные революциями, стали платить пролетариату больше и улучшать условия его жизни.

Забастовки и бунты с их расстрелами полицией возымели эффект: повсеместно создавались профсоюзы, и новые законы защищали права наемных рабочих.

Среди умных капиталистов появлялись «расчетливые гуманисты». Великий Генри Форд создал для своих рабочих условия процветания с сильным социалистическим элементом: самая высокая в мире зарплата, приличное жилье, бесплатные школы и больницы, оплачиваемый отпуск. Труд стал легче, разумнее, рабочий день сократился. Производительность труда на его заводах была высочайшая!

Опыт распространялся, все соки не высасывались, и пролетариат стал зажиточен. И — о подлая человеческая сущность! — он не хотел больше революции.

Как революционный класс — пролетариат исчез!

Он уже получал заметную долю прибавочного продукта.

А где-то работягам стали давать акции их предприятия. А это — соучастие во владении и прибылях. Элементы корпоративного общества.

...Ну, а к 2020-му году стало очевидно, что для коммунизма История не оставила уже времени и пространства. Электронно-кибернетическое производство эпохи глобализации сделало пролетариат вовсе ненужным...

ПОСТМАРКС

Соответствие социальной структуры общества и уровня развития технической и промышленной базы — есть взаимообусловленное единство двух аспектов одного явления, и устанавливается не параллельно даже, но совместно и воедино. Единство производительных сил и производственных отношений — так это называется в марксистской экономике.

И рабовладение, и феодализм, и капитализм — это единство материальной базы и управленческо-координационной структуры с ее социальной иерархией. Как телу и его функциям соответствует мозг определенного размера и формы, управляющий всеми функциями тела — так материально-производственной системе социума соответствует оптимальная координационно-управленческая иерархия, управляющая всем ее функционированием.

Более того: в социальном устройстве системы нерасторжимо связаны все культурные аспекты: одежда, искусство, этика и эстетика, ментальность и быт. Недаром мудрые реформаторы — как Петр I или Кемаль Ататюрк — желая воссоздать у себя в стране развитую экономическую и военную модель Запада, вводили ее воедино с западным типом одежд и развлечений, протоколом общения и всем корпусом обычаев и традиций, ломая старый культурный уклад.

Умный реформатор понимает: научный, промыш-

ленный и военный подъем — есть продукт и следствие всего уклада отношений и ценностей в обществе, плод политической структуры и законов государства — а они неразрывно связаны с самоидентификацией людей и групп, с моралью и свободой — свободой! Научно-промышленный успех — это материализация мировоззрения, системы отношений и ценностей: а в системе взаимосвязано все! Поэтому Петр брил бороды и заставлял курить, а Ататюрк запретил фески и паранджу.

Таким образом. Сохраняя материальную базу капитализма. Сменить на ней «надстройку», а вернее — всю управленческо-координирующую систему — есть элементарная ошибка. Разрушение единства системы и уклада может иметь следствием только разрушение базовой экономической части, на которую пытаются насадить принципиально иной способ управления.

Маркс решительно не обращал внимания на ИНФОРМАЦИОННУЮ составляющую экономики. Капиталистического предприятия в частности. Он полагал возможным и прогрессивным сменить всю информационную систему руководства предприятием и его связей: сменить схему материальных стимулов, схему ответственности, схему реагирования на сигналы и принятия решений, схему партнерских связей и сбыта — и после этого рассчитывал на функционирование материальной базы с прежним и даже большим успехом.

Капиталиста нет без эксплуатируемых пролетариев? Но и пролетарии слонхнут на улице с голоду без капиталиста: его инициативы, изобретательности и руководства, а также без привлеченных им инженеров, изобретателей, техников и ученых, без которых создание и функционирование завода невозможно. Без всего информационного обеспечения — завод есть груды мертвого бесполезного металла и кирпича. А ученый, изобретатель, конструктор и менеджер — по определению не пролетарии: они продают информацию, которую генерирует их мозг. И отделившаяся от создателя информация является самостоятельной ценностью.

Элитой капиталистического процесса является креативный класс. И: пролетарий легко заменяем — а креативный интеллектual нет. Ибо информация первична.

Тот, кто не понимает единства информационной и материальной сущности любой структуры, обречен на провал.

И на пространстве от рабовладения до капитализма Маркс и Энгельс не только понимали, но и утверждали единство социальной системы и ее экономического базиса! А дальше — мечта простирала розовые крылья, снизу выпускались железные когти насилия, и летательная конструкция с треском обрушивалась на камни ровно столько раз, сколько пыталась взлететь.

Коммунизм по Марксу — это процветающий капитализм, только без капиталистов. В идиллическом бесконфликтном обществе братства, любви и гармонического развития. А это как? А все занимаются спортом, пишут стихи, рисуют картины и размышляют о вечном. Идиоты. Никто не хочет съесть конкурента, никого не разбивает инфаркт от рабочих забот, никто не боится безработицы, никто не пашет 18 часов в сутки, жажда стать миллиардером; никого нельзя уволить с работы, и умный не может приказать глупым: делать как я сказал! Никто не учится долгими ночами, чтоб выдержать конкурс и занять лучшее место. Никто не напрягается, потому что незачем.

Вместо управленческой пирамиды во главе с кровно заинтересованным владельцем, который не связан в своих действиях — будет самоуправляемая лепешка равных ответственностей и интересов. То есть. Информационная схема координации и управления принципиально иная.

Ну так к управленческой лепешке — вы получите промышленную лепешку. Чтоб не сказать хуже. Они вам наработают.

Маркс бесхитростно полагал, примитивизируя диалектику социальной эволюции, что когда капитализм создаст очень-очень много богатств и очень-очень высокий уровень развития техники — то это количественное

нарастание машин и приспособлений, совокупно с ростом огромных масс пролетариата на предприятиях — перейдут в качественное изменение строя: капиталисты окажутся уже ненужным меньшинством, пролетарии их уничтожат и вступят в законное владение сказочными богатствами сами. Вернут себе продукты своего же труда. И будут их преумножать, в справедливом и счастливом обществе трудящихся.

Что тут вам сказать...

Во-первых, человек создан не для своего счастья, а как часть и орудие природы, эволюции Вселенной, и его функция во Вселенной — максимально возможно и быстро изменять ее, ускоряя ход энергоэволюции. Поэтому, волею социальных конструкторов предаваясь «своему гармоническому развитию», он деградирует, ищет приложения сил и затевает войны и мятежи, потом впадает в депрессию и перестает размножаться.

Нет, Маркс с Энгельсом — это какой-то Руссо с его благородными дикарями в высокотехнологичном промышленном лесу.

Во-вторых, социальная эволюция, как и любая, генеральной линией развития имеет усложнение форм и повышение энергосодержимости — но никак не упрощение структур с повышением, соответственно, энтропии. «Бесклассовое общество» есть эксцесс социальной энтропии — что возможно только как стадия разрушения и гибели.

А в-третьих, разрушение единства материальной структуры и единой с ней структуры социальной, то есть единой цивилизационной структуры — есть полная невозможность. Типа вставить в голову прыгуна мозг шахматиста: мышцы остались, координация и резкость исчезли, тело прыгать не сможет. Как и тело шахматиста с его двигающей фигуры рукой не сможет играть, получая команды от мозга прыгуна.

...О том, что наступает в XXI веке вместо обещанного коммунизма — мы поговорим в другом месте. Увы — действительность отнюдь не радужна.

ЗАКОН МАЛОЙ ГРУППЫ

Принципиальная и губительная ошибка всех социалистических и коммунистических учений заключается в том, что социальную психологию человека малой группы, так называемой «прямой группы», они механически переносят на человека больших групп, косвенных и неограниченных.

Прямой группой я называю группу от пяти до сорока пяти человек, где все близко знакомы друг с другом и объединены общностью места и действия. Это может быть школьный класс, или рабочая бригада, или армейский взвод (иногда рота), или геологическая партия. Ты знаешь каждого в лицо и по имени, можешь всегда обратиться к нему за помощью или он к тебе, вы все на виду друг друга подолгу ежедневно и т.д. Вы соседи, партнеры, коллеги, вас связывают личные отношения — пусть разная степень дружбы, приятельства, доверия, взаимопомощи. Ты не возьмешь кусок камрада, не присвоишь его вещь, не увильнешь от работы, когда он пашет (армейскую дедовщину мы не берем, там агрессивная традиция тюрьмы).

Вот в такой группе социалистические отношения — и даже коммунистические — часто наблюдаются. Вместе пашем в полную силу, более или менее ровно (слабаков не принимаем), каждый старается как может в своем деле, каждый нужен и на месте; вместе едим, вместе пьем,

вместе живем. Наконец, плоховатые ученики списывают у хороших, сильный защитит слабого от нападения из другого класса-школы-улицы.

Отношения в прямой группе, если характеры совместимы и социопатов нет, доверительные и честные. Совместимость очень важна. Конфликтные в люди в группу не попадают или исключаются. Вообще конфликты иногда неизбежны — но решаются открыто, быстро и по справедливости.

Товарищи психологи давно установили, что человек может здороваться, интересоваться жизнью, поддерживать какие-то личные отношения — не более чем с двадцатью пятью — пятьюдесятью людьми. Быть знаком на «здрасьте» еще с сотней-двумя, из которых выделяет самых ярких, заметных, «высокоранговых». Если людей кругом больше, как, например, в большом городе, — наступает отчуждение от толпы, отторжение излишней информации, которая воспринимается (инстинктивно) как ненужная, излишняя, бессмысленная.

Объем коммуникативных связей человека принципиально ограничен. На личностном, прямом психологическом уровне то есть. Как инстинктивная потребность количественно ограничен. По жизни и работе он может обивать пороги, завязывать знакомства и наводить связи вплоть до президента — но не потому, что ему этого хочется, а потому, что в сложном социальном обществе добыть что-то надо. Такие «рабочие связи» растаивают мгновенно, как только желаемое получено.

В чем тут дело?

В том, что миллионы лет наши предки жили родовой группой, первобытной общиной то есть. И только группой, предельно организованной и скоординированной воедино в социальный организм, в социальную систему, они смогли выжить. Слабые поодиночке — вместе они были сильнее всех: отбивались от хищников, убивали крупную добычу и побеждали врагов.

За миллионы лет иметь прочные связи с ближними стало потребностью и инстинктом. Человека тянет при-

биться к группе и стать ее членом. Его интерес к реальным (или возможным) членам группы бескорыстен и искренен, и симпатия его подсознательна: привет, брат, мы с тобой одной крови — ты и я!

Но. Десять, двадцать, тридцать — это мы, это наша группа. А пятьсот, семьсот, пять тысяч? Э нет. Это чужие. Своих столько не бывает. А чужие — это враги. Конкуренты, соперники, завтра окажутся убийцами.

Любовь к своим и ненависть к чужим — этот двуединый инстинкт нас сформировал: это психологический стержень личности человека группового. Социального.

Погодите, скажете вы. А наш полк? А наша школа? Наш город? Наша страна, наконец? Разве к другим людям — нашим же людям! — мы относимся иначе?

Иначе. Еще как иначе. В другой роте можно спереть запасной магазин или плащ-палатку. В своем городе — набить морды пацанам из другого района: а просто так, не фиг им тут. А уж на пространстве страны перехватить выгодный заказ или ценный товар — это вообще святое. Вор вообще ворует — но только не у своих, за это могут опустить, а могут убить: среди своих он чище алмаза должен быть.

И только в своей группе — совесть, честность, равенство, взаимовыручка, дружелюбность — могут быть нормой и нередко таковой являются. Нет, закон и приличия ты все равно не нарушаешь в большом городе среди незнакомых людей. Но заступаться во всех драках и помогать всем неумехам — за ту же зарплату — проще сразу повеситься.

СОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА РАЦИОНАЛЬНО. В малой группе — во всех отношениях лучше и правильнее пахать в полную силу. Вы — один социальный организм, от работы каждого зависит общий результат — и высокий уровень заработка (воздаяния за вклад) каждого. И социальный статус, твой ранг в команде, степень уважения и самоуважения, твоя значимость то есть, — зависят от того, насколько ты хороший работник и верный товарищ.

А в бескрайней общей системе, где результат твоего личного труда тебе вообще не виден, и ты получаешь столько же, сколько все, и неизвестные тебе возможные лодыри и идиоты получают столько же — личный стимул трудиться хорошо исчезает. А как же с самоутверждением и социальным статусом, которые каждый хочет повысить? Можно стать начальником. А можно цеховым певцом или чемпионом города по метанию гранат. А работает пусть вол, он сильный и тупой.

УРАВНИЛОВКА ПЕРЕНОСИТ ВОЛЮ К САМОУТВЕРЖДЕНИЮ с собственно труда на косвенные сопровождающие атрибуты — стремление к любым привилегиям: начальствование, администрирование, контроль, структурирование, должности развлекателей, санитары и т.д.

ГРУППА ВСЕГДА СТРЕМИТСЯ К САМОСТРУКТУРИЗАЦИИ. К самоусложнению, к созданию внутренней иерархии. Это — общий закон природы:

СИСТЕМА СТРЕМИТСЯ К САМОУСЛОЖНЕНИЮ.

К социальным системам это также относится. Уравняешь в зарплатке — люди начнут утверждаться в других аспектах, перенесут часть своего трудового потенциала на них: начнут подшивать и отглаживать рабочую униформу, или устроят чемпионат цеха по игре в подкидного дурака, или начнут точить ножи и накладывать на клинки хром в гальваническом цехе.

Внимание! — очень важный вывод! — имеющий силу закона:

**ЕСЛИ ВЫ УСТАНОВИТЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЕ
РАВЕНСТВО ДЛЯ БОЛЬШОЙ ГРУППЫ —
НИ В ОДНОЙ ЕЕ МАЛОЙ ГРУППЕ
КАК СЕГМЕНТЕ БОЛЬШОЙ ЭТО РАВЕНСТВО У ВАС
НЕ МОЖЕТ ОСУЩЕСТВИТЬСЯ**

Только под палкой. Но это будет уже не та свобода, не тот труд и не тот результат. Развалят вам работники такой порядок. Он противоречит их внутреннему устройству.

Уравниловка в зарплате больших групп — разрушает рабочую этику даже у богобоязненных трудолюбивых протестантов. (Исключение — период войны, когда нация спаяна патриотизмом и верой в командование.)

...Работал я когда-то в разных бригадах на разных работах и в разных концах Советского нашего Союза необозримого. Бывало, ругались. Бывало, дрались. Но зла долго не держали, остывали быстро: «Ладно, по работе все бывает». И ребята были не ангелы, отнюдь не. А пахали все до упора кто как мог, и получали поровну. И без обид. Но спереть инструмент у соседей или свалить на них невыгодную работу — о, это закон. Промеж своих цени пацанов, а другие — не фиг зевать.

Вот это — в природе человека. Ты не можешь относиться как к честному работающему другу — к тому, о ком вообще не знаешь. Современные технологии так раскидывают стадии производства по всему миру, что один работник может не подозревать о наличии другого. То есть: личностная психологическая необходимость работать хорошо и на совесть исчезает напрочь! Кого ради и чего ради?!

А человек — как и любая природная система — устроен таким образом, что инстинктивно стремится получить максимальный результат при минимальных затратах собственной энергии. (Это разговор отдельный и долгий, про это в других моих книгах: почему человек стремится к действиям, когда ему ничего не требуется.)

Я только вот о чем: в коллективе свыше ста-двухсот человек при коммунистической организации труда и распределения — люди не смогут долго работать добросовестно и в дружелюбном сотрудничестве.

Во-первых, на уровне общения и взаимных симпатий образуются неформальные группы перворанговых работников и более развитых личностей. Что уже создаст атмосферу психологического неравенства, нарушит дух единства, вызовет некоторую зависть остальных.

Во-вторых, всегда найдутся лентяи, которые пытаются работать поменьше и полегче, благо результат один.

Отсутствие сугубо личной заинтересованности добросовестно трудиться.

В-третьих, есть неумехи с руками, растущими не оттуда.

В-четвертых, это начнет раздражать работников хороших и добросовестных: притворы и бестолочи паразитируют на моей старательности, и мне всегда терпеть?

В-пятых, раньше или позже начнут считаться, чья работа легче или тяжелее, чья чище или грязнее.

В-шестых, разные группы, формальные бригады и неформальные кружки, раньше или позже начнут вести счет несправедливостям и испытывать неприязнь друг к другу. А образование таких групп, по личным симпатиям, авторитету и близости умов, неизбежно.

В-седьмых, постепенно и неизбежно разрастается вопрос: мы на деле разной ценности работники, вносим разный вклад, — ну так и получать должны соответственно, а не поровну.

В-восьмых — так чего, пора искать виноватых. Начинается ругань, взаимные обвинения и сведение счетов.

Все! Конец. Коммуна разбежалась.

...Господа — и, конечно, товарищи. Вот имеется какая вещь:

ЧЕЛОВЕК ИМЕЕТ НЕ ТОЛЬКО РЯД СТЕРЕОТИПОВ ПОВЕДЕНИЯ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ СИТУАЦИИ И ОБЩЕСТВА, в которых находится. Но еще! — очень важно:

ЧЕЛОВЕК ИМЕЕТ РЯД ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ ГРУППОВОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ — в зависимости от состава и численности своей группы. А также от рода ее деятельности и своей социальной роли и статуса в ней, степени своей идентификации с прочими членами группы; а также — в зависимости от срока ее существования и срока своего пребывания в ней; и еще — чем эта группа занимается и в чем вообще ее смысл и цель.

То есть:

Неделя трудных несправедливых условий — это одно, а семь лет — это другое. За деньги — одно, бесплатно —

другое. Нас всего трое на выполнении задания — это одно, а десять тысяч — другое. Ты равный со всеми — это одно, на тебе ездят — это другое.

Ну вспомните ради бога элементарную вещь: количество переходит в качество. Диалектика, Гегель, ну слышали же, да?

А что экипажи космонавтов или команды зимовщиков в Антарктиде должны быть психологически совместимы, ибо в замкнутом надолго небольшом коллективе отношения обостряются — ну знаете же, да? И хорошие люди с несовместимыми темпераментами, которые чудно дружат при встрече раз в месяц, могут поубивать друг друга в тесной камере через год — тоже понимаете, да?

Если, предположим, пять парней осталось в живых из всего взвода после года на фронте — да они близки, как родная семья! А если семь родных братьев родили семьдесят двоюродных, а те — триста троюродных, то все эти Рюриковичи начнут резать друг друга за лучший удел и княжество, не испытывая никаких родственных чувств. Так началась междоусобица и распалась Киевская Русь.

Любовь, и связанные с ней забота, верность, самоотверженность — чувство очень избирательное. Нельзя любить семь миллиардов, да хоть бы семь миллионов тоже нельзя. Семья — это тебе не муравейник до горизонта. Вот у муравьев коммунизм — запросто, давно готов.

МАРКСИЗМ КАК ИДЕАЛИЗМ

Это даже удивительно, что марксизм продолжает считаться сугубо материалистической философией. Будучи учением, единым со своей политической и экономической теориями. В то время как марксизм правильнее определить не как синтетическую теорию даже, но — как химеру. То есть механическое совмещение принципиально несовместимых теорий и взглядов.

О «трех составных частях»:

Гегелевская диалектика, созданная в русле немецкой классической философии, есть создание великого философа-идеалиста. Хотя: диалектика, восходящая к Гераклиту, есть именно философия как высшая форма обобщения и абстракции процессов и законов Бытия, и не может быть отнесена ни к материализму, ни к идеализму, строго говоря. Диалектика не занимается выяснением и утверждением того положения, что первична материя или же идея. При желании можно бесконечно спорить, идеи ли диалектики отражают законы объективной материи, или в материи воплощаются первичные в своей сущности идеи, но суть остается одна.

Английская политическая экономика Смита и Рикардо — сугубо материалистична.

Французский утопический коммунизм — вот он исходит именно из идеи. Точнее — из моральных максим, принятых не только как руководство к действию, но

и как объективные законы психологии личностной и социальной. А вот моральная максима и объективная социально-психологическая закономерность — вещи разные.

Главное же в марксизме, что предопределило его беспрецедентно огромное не столько философское, сколько политическое влияние на весь мир — это его предсказательная сила. Марксизм убедительно объяснил и доказал, что смена капитализма социализмом — неизбежна, закономерна, прогрессивна и плодотворна. А далее социализм перерастет в коммунизм.

Но. Неизменное крушение любых попыток строить социализм должны навести на размышления. Раз — частные ошибки и тяжелые условия, два — частные ошибки и тяжелые условия, но после десяти и двадцати попыток и провалов — встает вопрос: может, в консерватории надо чего-нибудь подправить?

Если практика — критерий истины, то теоретически марксизм убедителен, хотя и жесток к «классовым врагам», но прекрасен в намерениях. А практически — несостоятелен, ошибочен и люди от него бегут! Социализм дает меньшую производительность труда, он дает худшее качество продукции, уровень жизни ниже, чем при капитализме. Он ограничивает свободы, запрещает инакомыслие и силой удерживает граждан внутри границ.

Воля ваша, но на протяжении ста лет поставлены десятки опытов создания социализма в разных странах и на разных континентах. Практика подтверждает: теория неверна!

В чем? Мы уже разбирали, в чем, — говоря о Марксе и «ПостМарксе».

Но — еще одна вещь:

В своей «теории научного коммунизма» Маркс-Энгельс утверждают и настаивают на главном своем положении:

Если рабочие сами будут хозяевами всех предприятий, если собственность на средства производства будет только общественной, если все будут работать по своей

возможности, а получать по своему труду, а позднее — по своей потребности, то: в моральном плане настанут счастье и справедливость, а в материальном — высокая производительность труда и товарное изобилие.

И вот тут самое время задать главный вопрос:

С ЧЕГО ВЫ ВЗЯЛИ, ЧТО ОНИ БУДУТ ЛУЧШЕ ЖИТЬ И РАБОТАТЬ?

Как шутили в брежневские времена: «Социализм — это наука или философия? — Философия, бабка. — А-а, вот и я думаю: если бы наука, они бы сначала на собачках попробовали!»

Марксизм не затруднял себя исследованиями социальной психологии. Он сразу поставил на ее место сугубо умозрительную, сконструированную идею: если раб работает плохо, а частично свободный крестьянин лучше; если ремесленник работает на себя лучше, чем рабочий на хозяина; то надо сделать, чтобы все работали на себя. Но не как кустари-одиночки, это невозможно уже и с промышленной точки зрения — а как хозяева всего совместного производства.

Это элементарная, примитивная ошибка — не учесть переход количества в качество. Пардон. Даже неловко об этом говорить. Артель из десяти человек — будет работать именно что на себя — иначе, чем завод из десяти тысяч человек! А уж особенно страна из десяти миллионов. Ты можешь сколько угодно убеждать страну, что теперь все сами всему хозяева, поэтому будем работать честно, сколько можем, творчески, а делить все по справедливости — не выйдет!!

Человек может пахать на совесть и делить добро по совести — со своей группой, кого знает и видит, с кем бок о бок, с кем ворочал камни и ломал хлеб. Это — инстинкт группового выживания, ребята. А делиться с дальними и неизвестными — это противоречит инстинкту. Кое-что дать можно, помочь можно. Но не вровень со своими, с кем пот проливал!

Мораль — это идеал поведения, и как всякий идеал,

не цель для достижения, а указатель направления — куда стремиться.

Рассматривая отношение к собственности как основу отношений между людьми, выводя мораль как следствие из отношений к собственности — Маркс строит чудесную идеалистическую конструкцию. Если мы изменим отношение к собственности (так, как никогда еще не было) — мы тем самым изменим и отношения между людьми (так, как никогда еще не было). А с чего мы это взяли?! А мы экстраполировали предыдущую историю.

То есть. Мы подаем двуединую идею, «базис-надстройку» — конструкцию, возникшую в нашем мозгу — за материализм, то есть реальность. Эта реальность отражает то, чего еще нет и никогда не было. Отражение мечты. Отражение идеи.

Вы можете отражение идеи назвать материализмом? Маркс... Мерлин тоже был на букву «М».

Маркс не рассматривал Историю как увеличение производства материальных благ, рост объема информации, усложнение технологий и усложнение социальных структур. То есть это все учитывалось, но стержнем, путеводной нитью — была классовая борьба. Которая должна была завершиться классовым миром и бесклассовым обществом.

А для этого все будут владеть всем сообща, трудиться по-братски, и делить все по-братски, и общественного добра наживать.

Вот это чистейшей воды идеалистическое допущение и есть смысл марксистской философии.

МАРКСИЗМ КАК ТЕОРИЯ НЕНАВИСТИ

Идеализм прекрасных душ, по закону притягивания противоположностей, или же по закону взаимоперехода противоположностей друг в друга, на практике всегда соседствует с ужаснейшей и разнообразной швалью.

Люди не ангелы. Очень свежая истина. Как и все, что из нее следует. Из нее следует все на свете в человеческом поведении, и от пороков тоже никуда не деться.

А в частности. И среди многого хорошего и прекрасного, чтоб не клеветать на полубожественную природу человека. Люди подвержены недостаткам. Порой переходящим в преступления.

Люди завистливы. Завидуют тем, кто богаче, сильнее, знаменитее. Умнее и обаятельнее. Завидуют удачливым и везучим. Завидуют красивым (о зависти дурнушек к красавицам вообще молчим).

Люди агрессивны. Это тоже в природе, это инстинкт: защититься и отвоевать место под солнцем. А в цивилизации? — придраться и подраться. Нельзя убить обидчика? — можно написать донос, обругать, оклеветать, подкараулить за углом и избить.

А также можно ограбить и обворовать! Потому что я хочу, чтобы его хорошие вещи были у меня! Почему он имеет, а я нет? Это несправедливо! Он родился в богатой семье, ему было легче! Ах, он своим трудом и сво-

им умом добился всего? А разве это справедливо, что он родился умным и трудолюбивым, а меня природа обошла умом и трудолюбием? Я тоже хочу иметь право на все удовольствия! Я ненавижу его за то, что он успешнее и богаче меня, сволочь!

Человека можно ненавидеть уже за то, что фактом своей значительности он заставляет недоброжелателя чувствовать себя мельче и ничтожнее, чем он. А это нестерпимое чувство. Инстинкт заставляет человека стремиться на верхние ступени социальной иерархии — хотя бы в собственных глазах и для группы знакомых.

Энергия человека легко принимает негативный характер: ибо для переделки мира и реализации своих возможностей необходимо преодолевать сопротивление окружающей среды и конкуренцию на теплое место.

Энергия разрушения — это обратная сторона и необходимая ипостась энергии созидания: расчистить место, отвергнуть старый порядок, сокрушить врагов.

Существует жажда разрушения.

Существует так называемая «немотивированная агрессия» — а попросту беспричинная злобность. Вот биохимия у него такая, такие вещества организм вырабатывает и в мозг подает.

Человеку присущ весь комплекс чувств — и положительных, и отрицательных, упрощенно говоря.

А социуму имманентно свойствен набор разных индивидуумов. И если социум велик — то набор этих всяких-разных наличествует в полном диапазоне — от героев и святых до мерзавцев и преступников. Это естественное проявление стремления системы к самоусложнению.

Понятно (я надеюсь), что в каждом человеке присутствуют все качества и стремления — просто в разной пропорции. Обычно общество поощряет хорошие качества, социально позитивные стремления и способности — в плане моральном, интеллектуальном, социальном. Быть честным, трудиться, верно любить, изобретать и открывать, соблюдать законы. А качества негатив-

ные осуждаются и проявления их наказываются. С подлецом никто не хочет иметь дело, вор сажается, убийца вешается, бездельник презирается, над лжецом смеются.

Социум существует только в системе императивов и табу. Это значит что? Очень важно:

Социум подавляет все негативные стремления. Сдерживает и гасит негативную энергию своих членов. Но — ее нельзя погасить! Ее можно только — или перенаправить, или подавить и загнать внутрь.

Злоба, агрессия, жестокость, зависть, тяга к разрушению — или могут быть реализованы на войне и захватнических экспедициях, или разъедают человека изнутри, портят характер, ведут к конфликтам с окружающими, формируют мизантропию.

Игровые соревновательные виды спорта — от всех родов единоборств до коллективных игр как футбол, хоккей, регби — дают определенный выход агрессии. Но это вариант частный и неполный.

А теперь в очередной раз зададим себе вопрос, старый и традиционный: откуда в жестокие времена вдруг берется множество палачей, охранников, карателей и пыточных дел мастеров? Вчера они были учителями, бухгалтерами, обычными рабочими или крестьянами. А завтра, если переживут войну и избегнут наказания — вернуться к мирным профессиям и будут заурядными и уважаемыми членами общества. Как так?

В юные еще годы я сказал себе:

Мы никогда не узнаем, сколько героев погибло в предателях, и сколько предателей погибло в героях.

Жизнь быстро и резко поворачивается к тебе острым углом, развилкой пути, выбором из двух жестоких вариантов — и ты идешь в партизаны или в полицию.

Добро и зло есть в каждом. Иногда жизнь заставляет делать выбор. И то, что оказалось в тебе сильнее в неотвратимый момент выбора, берет верх. Но обычно — вся твоя начинка бултыхается в душе вперемешку, как рагу или крошка. А закон, полиция и отношение окружающих

сдерживает идущие от души, но нечестивые порывы. Поддаться злу может быть опасно и губительно. Сядешь. Жизнь насмарку. На приличную работу не возьмут. Или кореша морду начистят.

И вдруг! Тебе предлагают прекрасный вариант! Можно бить и грабить, унижать и убивать! И будет тебе за это почет и уважение! Тебе объясняют прекрасные вещи: вот те люди — враги, и с ними можно делать что угодно. Ты теперь — полная власть, и любые твои приказы этим тварям — закон! Доброта — это слюнтяйство позорное, а жестокость к врагам — это «революционный гуманизм». Грабеж — это законная «экспроприация экспроприаторов». Образованность и интеллигентность — это гнилость буржуазии. И любой, кто с тобой не согласен — это классовый враг, вражина закоренелый, подлежащий уничтожению — или перевоспитанию, если он не очень опасен, по твоему мнению.

И тогда! О, и тогда!.. Тогда твоя зависть и злоба, агрессия и жестокость — получают законное право на реализацию, и более того — возводятся в доблесть. Непримируем к врагам Рейха. Беззаветный боец за дело Революции. Характер нордический, твердый. Ой стоит Ваня за комиссариков, ой стоит! И ломают кости, и расстреливают тысячами, и грабят подчистую, и приплясывают под стихи гениального и глупого поэта: «Запирайте этажи, нынче будут грабежи!»

Вся рвань и пьян, все люмпены и бездельники, все озлобленные неудачники и мстительные уроды — могли обрести себя в Революции: нас угнетали, мы бедны оттого, что вы богаты — а теперь на нашей улице праздник! Умников выкинем вон, кулаков раскулачим, богатых уничтожим, инженеров уплотним — и чтоб пикнуть никто не смел против наших решений! М-да, а потом они долго «боролись с разрухой», которую сами же устроили.

Накатила Новая Жизнь — и схлынула, пожрав поколения, убив десятки миллионов. И воспитанники коммунистов, гордые наследники Дзержинского, чекисты,

карающий меч Партии, — разворовали останки державы досуха.

Извините. Мы увлеклись и отвлеклись. Мы о нашем времени, о 2020 годе. О сегодняшних коммунистах. Но особенно — о молодых марксистах.

Тридцать лет как рухнул и канул в Лету СССР. Провалился марксизм по всему миру — и в эти провалы стекла кровь десятков и десятков миллионов его жертв. И вдруг! — вылезли наружу, как черви после дождя, «молодые марксисты». Изучатели теоретического наследия и апологеты бездарных и жестоких затей.

Они поливают сегодняшний мир. Это понятно и во многом справедливо. Порядки дерьмовые, особенно в России. Но Запад давно зажрался и погряз в комфорте — им чего?

Они хотят переустройства мира. Это понятно и в принципе благородно (практика вот подкачала).

Но одновременно — интереснейшая вещь! Они ведут идеологическую борьбу за марксизм, социализм и коммунизм. Как? Преимущественно — разоблачая его врагов. А враги, как обычно, все несогласные с гением Маркса и сияющей вершиной СССР. Однако — мелочь пузатая их не интересует. Они находят цели покрупнее.

И вдруг начинается классически красный агитпроп: ложь, подгасовки, оскорбления. Давно умерших людей! Хайек и Оруэлл, Айн Рэнд и Солженицын, Астафьев и Бродский! Они, суки, антикоммунисты, не любили Советский Союз!

И вдруг набрасывают грязь на вентилятор, стараясь достать современников — которые имеют преступную наглость не быть коммунистами!

Вопрос: какой в этом смысл? Как это помогает устройству счастливой жизни? Как помогает свержению авторитаризма Кремля и подъему экономики, как улучшает жизнь людей? (Они элементарные провокаторы: раскалывают все оппозиционное движение и отвлекают мелкими сварам.) Какой на хрен марксизм, когда в России почти совсем уже не осталось пролетариата,

и сами эти «марксисты» ни дня у станка не стояли, напильника и рубанка в руках не держали, и кроме как молоть языком всю жизнь ничего не делали. (Мелкая наркоторговля или рэкет за пролетарский труд не сойдут.)

Но. Декларация приверженности марксизму — дают им моральное право на ненависть, злобу, зависть под маркой обличения, на выпуск негативной энергии.

И тогда оказывается интегеснейшая вещь, батеньки:

Марксизм сегодня — это прибежище завистливого и ничтожного сброда. Это виртуальный реванш неудачников: они ничего не могут добиться как личности, работники, творцы — и обретают себя, подстегнувшись к большому течению: они перестают быть собой — они ощущают себя как бы солдатами великой армии, и через то возникает иллюзия величия собственного.

Это позволяет беззубым садистам мечтать, как хорошо было бы посадить в лагеря инакомыслящих и «анти-советчиков», а то и расстрелять. Как это приятно из уютной безопасности — не встретится реабилитированный, не даст по морде.

Их марксизм — это реванш неудачников в мире грез: зато мы принадлежим к великой исторической силе. Это оправдание подлецов и идиотов: ведь я руководствуюсь великой целью — счастьем и справедливостью для всех трудящихся. А ты с советскими трудящимися много трудился и разговаривал, придурок? То-то они защищали рушащийся СССР!

Марксизм сегодня — это благородная ширма для низменных страстей злобного и тупого плебса. Он легитимизирует грязь со дна их душ: и агрессия, и подлость, и зависть — это же святым чувством движимо, во имя великой цели!

Так что марксизм сегодня — это прекрасное красное знамя как символ прибежища и оправдания для всех погромщиков, бездельников и дураков. Для всех завистников и их ненавистью ко всем, кто выше и значительнее. Индульгенция на агрессию и разрушение. Право на

очернение и ниспровержение инакомыслящих вплоть до запрета любых отклонений от генеральной линии.

Марксизм учит: ограбь, убей и подели награбленное. А все, кто выше уровня пролетариата — враги, жировавшие за твой счет. Давить их беспощадно и командовать людям, как им жить — это добродетель и доблесть. И будет тогда всем счастье, а тебе почет и уважение.

И последняя вещь. Марксизм освобождает от необходимости думать и необходимости иметь совесть. Вам это ничего не напоминает?

МАРКСИЗМ И КОММУНИЗМ: ПОЧЕМУ ЕГО НЕ БУДЕТ

Потому что поезд ушел.

Он и не приходил — но дрожали рельсы, свистел гудок, перестукивались колеса, и в перспективе маячил мираж как вариант будущего: нарастание индустриального производства, рост пролетариата, обобществление производственных мощностей и всей экономики, уничтожение враждебных классов — и наш социализм переходит в коммунизм.

Призрак коммунизма бродил по Европе и в конце концов заблудился в пространстве и времени.

Но. Мы подъехали вперед вместе с нашим полустанком. И то место, где предполагался счастливый коммунистический мираж — уже ясно видно, уже оно рядом. И на месте этом все яснее и неотвратимее рисуется совсем иная постройка.

1. Рождаемость цивилизованного населения стремительно падает, численность его сокращается. И? Требуется все меньше производимого продукта, чтобы прокормить человечество.

2. Производительность труда растет, степень механизации производств все увеличивается. И? Требуется все меньше работников, чтобы прокормить всех едоков. Труд все большей части населения не востребован вообще.

3. Насыщенность производства все усложняющейся техникой постоянно растет. И все быстрее растет новый основной производственный класс — компьютерные операторы и программисты, создатели и наладчики программ, управляющих производственной техникой всех видов. Пролетариат окончательно исчезает на глазах — заменяясь квалифицированными компьютерно-техническими специалистами. Которые — что? Которые продают свои интеллектуальные способности, анализируя поступающую информацию и создавая новый информационный продукт.

4. Пролетариат — продукт индустриального общества. Мир уже вошел в новый производственный этап — общество информационное. С базисом отменяется и надстройка — в частности, профессиональное профилирование рабсилы. Нет пролетариата — нет и марксизма. Отдохните, поезд отменен.

5. Но отменен не только пролетариат. В недалекой перспективе — отменены государственные границы, вместе с государственным суверенитетом и государственной идентичностью, кстати. Глобализация может замедлиться с приходом, может временно отступить — но надвигается неумолимо. А глобализация — это в той или иной форме мировое владычество транснациональных корпораций. И это — абсолютно новая политико-экономическая ситуация на планете. Принципиально новое планетарное экономическое устройство.

(6. Примечание. Сегодняшние социалисты и коммунисты — левые погромщики и ниспровергатели всех мастей — не понимают в силу слабого ума и буйного темперамента, что глобалисты элементарно поощряют и используют их для разрушения сегодняшней государственности — дабы никто в аморфном хаосе разрушенных государств уже не мог сопротивляться их глобальному господству хозяев мира.)

7. Очень важно! При этом устройстве — уровень развития производства позволяет создать для простолюдинов всего мира — дармовой социализм. А вернее — па-

развитический коммунизм. Каждый может иметь пищу, одежду, жилье и развлечения, удовлетворяющие его потребности. Ничего для этого не делая. Для подавляющего большинства — это путь к разврату, безделью, преступности от отсутствия точек приложения энергии; путь к дегенерации и вырождению. Ибо отсутствие социальной цели и перспективы обуславливает падение рождаемости вплоть до ее прекращения, умственную деградацию и вымирание. Это уже происходит — сейчас, на наших глазах, во всех развитых странах Запада; и не только Запада. Таков грядущий удел большинства.

8. А большинство — самые умные, энергичные, жизнелюбивые и честолюбивые — сольются в новую мировую элиту. И вся планета будет к их услугам. И никуда мы не денемся от евгеники, которую сейчас принято из политкорректности называть генной инженерией. Они будут улучшать свою породу и природу. Делаться здоровее, умнее, долговечнее и жизнерадостнее. Вот эта элита, это меньшинство, эти сверхчеловеки новой эпохи — будут жить не при коммунизме, а просто имея все, что пожелают — как живут самые богатые десять тысяч земных людей уже сейчас. Они будут жить работой, наукой, искусством, спортом, бизнесом — ибо их энергичные натуры требуют дела.

9. О периоде киборгизации человечества, о постгуманитарном постчеловечестве, сегодня трудно говорить определенно. Но все движется именно в этом направлении.

10. Всего этого полтора века назад никто не мог знать, не мог и старик Маркс. Еще не было пулемета, подводной лодки и атомной бомбы, автомобиля и самолета, радио и телевидения, о компьютерах мы вообще молчим. А эти изменения — что? — изменили мир качественно. Экскаватор вместо десяти тысяч землекопов. Айфон вместо ста почтальонов и кинооператоров. Автоматические поточные линии вместо тысяч и миллионов пролетариев.

11. Шайка идиотов. Бедные дети.

**ТВОЯ СВОБОДА —
МОЯ ТЮРЬМА**

СВОБОДА

Стремление к свободе — это базовый инстинкт человека. Он может быть откорректирован вплоть до подавления средой и воспитанием. Но его никогда нельзя сбрасывать со счетов.

Человек не есть рациональная экономическая модель. И в своих действиях отнюдь не руководствуется экономической пользой. В конце XX века экономисты с огромным удивлением пришли к этому выводу и стали получать за него Нобелевские премии.

Когда народ нищей полудикой страны отчаянно сражается с завоевателями, не желая становиться сытой и благополучной провинцией великой империи, он много проигрывает экономически. Но веками поет песни о борьбе за свободу.

Стремление к свободе — это стремление материально-энергетической системы занять такое положение, при котором она может выделить максимум свободной энергии.

Строго говоря, стремление к свободе — это одно из следствий Второго Закона термодинамики. (Подробно об этом в книге «Все о жизни».)

Именно поэтому:

Свободный человек стремится к сытости, если голоден.

Сытый же человек стремится к свободе.

Причем! Сытый готов поступиться сытостью ради свободы! Он часто предпочтет быть голодным — но свободным!

Скажут: какая же свобода, если им повелевает необходимость жрать? А хлеб — только у скупого жестокого работодателя?

Ответ: отличается ли раб от наемного нищего пролетария? И если вы ответите, что нет — то раб живет внутри вас.

Пролетарий может перестать работать, он свободен слдохнуть. Раб — нет. Его будут бить и мучать, чтобы заставить работать: он стоит денег, он — орудие труда рабовладельца.

Пролетарий может пробовать сменить хозяина. Наняться в матросы или землекопы. Завербоваться в солдаты. Стать монахом! Уйти в бродяги, просить милостыню. Забраться в леса и горы на подножный корм. Его не поймают, не заклеят, не распнут за побег. Да хоть в разбойники — повеселиться и мстить хозяину, пока не повесят — его праздник!

И! — необыкновенно важно психологически! — пролетарий знает, что эти возможности у него есть.

А свобода уплыть на другой материк, затвориться в каморке и делать открытия, бросить блестящую карьеру ради любви, создать монашеский орден, копить золото как ростовщик или поднять восстание против оккупантов — строго говоря, и делает возможной историю.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ ЯВЛЯЕТ СЕБЯ ЧЕРЕЗ СВОБОДУ ДЕЙСТВИЙ ГЕРОЕВ

Вот по всему по этому трудящийся, при всех прочих равных, на себя будет работать лучше, чем на хозяина. Кем тот хозяин ни будь, капиталист или государство. Свободный труд — это твоя воля и твой риск, твой выигрыш и твоя ответственность. И это — не для всех. Слабый, ленивый, неуверенный в себе — предпочтет работать в упряжке и хлебать из общего корыта. Это надежней, гарантированней.

Свобода отбирает лучших. Сильных, умных, работающих, энергичных, умелых и предприимчивых. Они становятся верхним слоем общества, капитанами, элитой (не путать с политиками). К их уровню тянутся, на них хотят равняться, им подражают и завидуют. Они — задают тон и определяют курс страны.

Свобода, сила и достижения подаются в одном флаконе.

Вывод здесь простой. Чем больше свободы будет у каждого — тем больше и лучше они будут работать, производить. А как только ты начнешь ограничивать их свободу сверх того, что всем будет понятно как справедливое, разумное и необходимое — так они начнут работать хуже, меньше и нерациональнее. Ибо: часть их энергии будет пропадать втуне, а дух их будет подтачиваться сознанием несвободы.

Любые предписания и ограничения свободного труда, идущие сверху, снижают количество и качество производимого продукта.

А потому что свое дело надо любить, тогда хорошо получится. А любовь, как известно, любовь дитя свободы, и принуждения не терпит. А если терпит, тебе же хуже будет.

СОЦИАЛИЗМ И СВОБОДА

Сначала пара слов о свободе. С ней сложнее, чем с социализмом. Масса концепций и определений. Из них марксистское — одно из самых идиотских. «Свобода есть познанная (осознанная) необходимость». И необыкновенно жульнические спекуляции для поддержки этой демагогии. В фашистском концлагере идти в помощники охраны ради продления своей жизни — это свобода, раз иначе убьют? Идти в крематорий покорно, раз все равно не отвертишься — это осознанная необходимость, то есть свобода? Вы как хотите, но эту псевдофилософию, эту софистику даже нельзя принимать всерьез.

Свобода в идеальной степени — это возможность по собственному желанию и произволу исполнять абсолютно любое свое желание, причем безо всяких нежелательных последствий. Только и всего. Понятно, что это невозможно: физически мы ограничены законами природы, а социально — законами своего социума (ибо вне социума и помимо социума человек не существует). Абсолютно свободен может быть лишь Бог.

Вот диапазон нашего выбора в пределах, дозволенных социальными законами — обычно и называется свободой. Если конкретно и без болтологии. И если закрытые государственные границы открываются для свободного выезда — мы говорим о свободе, которой стало больше. А если в аэропорту заставляют проходить сквозь

рамку металлоискателя, разуваться и пропускать багаж через просвечивание — мы говорим об ограничении свободы ради большей безопасности.

Так что в нашем случае свобода — это диапазон выбора образа жизни и действий, который человек может предпочесть и реализовать в своих интересах и для своего блага, никого при этом не ущемляя и даже принося пользу обществу. Не принося вреда, во всяком случае.

А дальше начинается перечень известных всем гражданских свобод. Свобода мысли. Свобода слова и печати. Свобода передвижения и выбора места жительства. Свобода выбора профессии и места работы. А также свобода жениться и не жениться, работать и не работать.

Если я свободен выражать публично любые взгляды, кроме преступных и человеконенавистнических, свободен не работать и уйти в бродяги, свободен уехать из страны, свободен наняться к работодателю или завести собственное дело — это довольно много свободы. А если обязан разделять господствующую государственную идеологию, выражать только официально утвержденные взгляды, не могу стать свободным предпринимателем, и когда мне все осточертеет или просто романтика накатит — не смогу уехать из страны, — вам придется долго навешивать лапшу мне на уши, чтобы убедить, что я свободен.

Вот этим и занимаются марксисты.

Марксисты — это пан-экономисты. Они убеждены и других убеждают, что экономика — это настолько самое главное и определяющее, что только от нее, как от печки, и возможно только танцевать любые танцы на любые мелодии. При таком взгляде — экономика превращается в Крошку Цахеса. Что бы ни происходило — марксизм норовит подбить под это экономическую базу и от нее вести все следствия.

Образом столь же удивительным, сколь гениально простым, из экономики выводится свобода. Если средства производства частные — здесь никакая не свобода, а власть эксплуататорского капитала на самом деле. Он

же присваивает твою прибавочную стоимость (и все-таки я предпочитаю говорить «прибавочный продукт», так по-русски вразумительнее и грамотней). Разве ж ты свободен, если он тебя эксплуатирует, а ты вынужден пахать, потому что семью кормить надо?

А вот если средства производства общественные, и завод принадлежит всему народу, то тебя никто не эксплуатирует, ты сам хозяин наравне со всеми трудящимися, и теперь ты свободен — прежде всего свободен от эксплуатации капиталистом, который присваивал часть твоего труда.

Честно признаюсь: от этой необыкновенно наглой демагогии я прихожу в бешенство. Это издевательство над умственными способностями людей.

Итак — я рабочий при капитализме: тот же 8-часовой рабочий день, зарплата втрое выше, чем при социализме, отпуск, медицинская страховка, квартира или дом, машина. Уволить трудно — профсоюз замучит хозяина. А вот я при социализме: все то же самое, только продукция говеннее и зарплата меньше. Ну? А совета моего не спросит ни капиталист, ни социалистический директор. Так в чем разница?

А в том, что при капитализме я могу быть социалистом, а могу консерватором, а могу демократом. Могу читать Маркса, а могу Хайека. Могу идти на несанкционированный митинг, а могу эмигрировать. Но главное:

Я могу снять гараж, пригласить пару знакомых, взять кредит — и начать выпускать какую-то деталь для автомобиля, скажем, лучше и дешевле, чем завод. И на этом скромно, но поднимусь.

Я без проблем открою булочную, парикмахерскую, магазинчик — и испытаю свою удачу. Большинство прогорает. Но меньшинство поднимается!

Я легко открою свое издательство и буду издавать что хочу. Могу не для денег, а чтоб дать ход талантливым книгам, лишь бы концы с концами свести.

Слушайте. Вот при социализме я работаю на заводе. Завод дает фиговое качество продукции, и то с перебоями.

И я вижу, не я один причем, что и как надо реорганизовать.

Вариант капиталистический. Я нахожу деньги где угодно: выпускаю акции, нахожу партнера, беру кредит и закладываю все. В соседнем городе, где земля и жизнь дешевле, строю похожий заводик. И он выпускает лучшую продукцию и в большем количестве. И мои наемные работяги получают вдвое больше, чем на том заводе. Так можно?

Нельзя!!! Плевать на твое качество, количество и зарплату!!! У тебя частная собственность на средство производства — завод! И ты эксплуататор!

Но ведь мои рабочие живут лучше? И людям от хорошей продукции лучше?

Не надо нам такого лучше!!! Ты классовый враг!!!

Вот вам вся свобода и вся экономика.

Социализм организует плановую экономику: все здесь наше, общее, народное, и мы решаем, чего сколько сделаем. Не для наживы, а для людей, их блага.

А для доведения плана до низовых исполнителей нужен огромный бюрократический аппарат. Он диктует производителям, чего и сколько производить. Социалистическая бюрократия — реальный хозяин страны: она решает, приказывает и распределяет. И после этого — производитель на своем месте уже лишен свободы полностью: не в его воле менять приказ бюрократии!

И начинается господство Его Величества Плана. И гонят фиговые товары, но чтобы: заданный ассортимент в заданном количестве в заданный срок. Иначе директора завода снимут! И назначат другого! И он будет выполнять план!

То есть: при социализме производитель НЕ СВОБОДЕН производить хорошую продукцию — ибо он связан инструкциями и приказами. А что-то изменить в одном отдельном месте очень-очень сложно — потому что в гигантской плановой системе государства все увязано. И гонят план к первому числу месяца и квартала, и все знали: если утюг или мотоцикл собраны в последних

числах квартала — покупать нельзя: развалится, халтура, на живую нитку. Смотрели техпаспорт для этого.

...Кроме всего прочего, социализм — это идеология. И очень нетерпимая. Из этого следует многое:

Цензура! На книги и газеты, радио и телевидение.

Запрет «чуждых идеологий» и «чуждых взглядов».

Строгий отбор на важные работы не по способностям, а по анкетам: правильные взгляды, правильное происхождение, правильная биография, правильная национальность, кстати.

В результате: большинство оболванено — но креативное интеллектуальное большинство, которое и определяет курс страны, грязнет в двоемыслии, фальшивой преданности на словах и лжи как образе речи. Ибо правда становится недопустима! Хотя все ее знают. Как знали в брежневском СССР: что вожди в маразме, производство в жопе, уровень жизни куда ниже западного, и никто уже не верит ни в какие дурацкие лозунги. И матерные частушки про коммунизм и КПСС.

...Так что когда страной владеет и правит бюрократия, исповедуется тоталитарная идеология и план рулит экономикой — со свободами можно попрощаться. Я не могу сказать что хочу, издать что хочу, открыть дело, какое хочу. Я не могу даже работать как хочу. В колхозе — инструкции райкома партии: отсеяться в срок! Убрать в срок! Какой срок?.. а погоды-то?.. Есть план, товарищи, он утвержден сверху, мы обязаны выполнить! И гробили и семенной фонд, и урожай; артель «напрасный труд».

Вы вообще знаете, что ПОЛОВИНУ сельхозпродуктов в брежневском СССР давали подсобные участки колхозников? На которых производительность труда и соответственно урожайность была в разы и разы выше? Почему? Потому что по своему уму работали и на себя, а не по идиотским приказам и на дядю.

Важнейшая ошибка плановой системы социализма — это отдача производственной информации на аутсорсинг. Отрыв информационного обеспечения произ-

водства от непосредственного процесса производства. Это лишение производителя собственной операционной информационной системы. То есть: разрушение обратной связи производитель—потребитель.

Это все равно, что боксер на ринге для каждого удара и защиты ждет команды тренера: «Закрой печень правым локтем! Джеб левой! В клинч! Да выйди ты из угла!!!» Избитый боксер стоял столбом, бил невпопад и давно в нокауте. Так боксеров на многих рингах — до фи́га, и они получают указания от объединенного тренерского совета! Где еще посоветоваться надо.

Так что главное горе, неисправимое, губительное — это лишение свободы производителя. Это отсутствие свободы информации, адекватной конкретному производству. Вот тебе и вся «общественная собственность». Думать надо, а не догмы твердить с упорством попугая.

А отсутствие свободы предпринимательства, самостоятельности производителя, быстрого и адекватного реагирования на запросы потребителя — дополняется отсутствием свобод культуры, мысли и так далее. Ну, и закроем границы, потому что бегут, суки несознательные, в растленный мир капиталистической эксплуатации. Колючая проволока, шестиметровая контрольно-следовая полоса, пограничная зона — и старшина Карацупа с верной овчаркой Индус. Посмертно собаку из политкорректности переименовали в Ингуса.

ПРЕИМУЩЕСТВА СОЦИАЛИЗМА

Только не надо утверждать, что у социализма нет вообще никаких преимуществ. Есть. И еще какие! То есть немногочисленные — но огромные.

Это преимущества диктатуры над демократией. Всесильного султана над предводителем племенной вольницы. А именно: абсолютная концентрация всех сил и средств — на объекте и направлении, указанном властью. Что порой обеспечивает победу на этом направлении над более богатым и сильным врагом или конкурентом.

Советские ученые, работавшие в ведущих институтах и эмигрировавшие после распада СССР в США, отмечали свою несравненно большую свободу и обеспеченность при социализме. Больше выделяли средств, меньше лезли в процесс и требовали конкретных результатов и быстрее.

Атомную программу Берия подгонял — но средства выделялись любые, неограниченные ничем, предоставлялось все по первому требованию — и нищей после войны СССР, неизмеримо отстававший в науке от США, сделал свою атомную бомбу с нуля в считанные несколько лет. (Ну, правда, украли американскую документацию — но ведь на это тоже какие силы и средства бросили!)

В тридцатые годы советская деревня была нищей и голодающей, рабочие получали меньше, чем до революции при капитализме, передовика производства могли

торжественно наградить ботинками или отрезом ткани на костюм. Но танков, пушек и самолетов произвели в разы больше, чем любое капиталистическое государство!

На Западе у любого частного врача может быть свой медицинский офис с новейшей аппаратурой — но помещенье как правило небольшое, тесноватое, темноватое, часто в подвальном этаже — потому что очень дорого! А в советских больницах были — просторные светлые коридоры, огромные врачебные кабинеты и смотровые, не считая ординаторских и кабинета главврача: правда, оборудование было старое, а лекарств не хватало. А потому что построить просторное здание — не жалко, деньги из бюджета выделим.

Или война. Что бы ни пели патриотические шулера от статистики о равенстве наших и немецких потерь — ни одна пехота в мире, кроме нашей, раз за разом на пулеметы в лоб не ходила: так, что поле в трупах, немецких пулеметчиков увозили в дурдом после боев, но вражеская позиция нами взята!

Когда-то Растроповича спросили, где же лучше живет и работает музыканту — на Западе или в СССР? И добросовестный Растропович ответил: учиться лучше в СССР, потому что система бесплатных музыкальных школ и училищ, обучение в консерваториях — в Союзе организовано прекрасно, талант имеет все условия для развития. И в старости у нас лучше: достойное обеспечение выдающихся музыкантов, большие возможности для педагогики, преподавания, передавать свои знания, учить юных. А вот после консерватории и до пенсии — лучше, конечно, на Западе: свобода передвижений, контрактов, возможность играть в полную силу, выступать по всему миру, и деньги хорошие. М-да.

И надо добром помянуть советское образование — школы и институты хрущевской и брежневской эпох. И программы были хорошие и обширные, и преподаватели были в общем приличные, а иногда — блестящие, и условия поступления были честные (коррупция пошла только к восьмидесятым годам). И стипендии — малень-

кие, но хоть на подкорм, и общаги практически для всех нуждающихся. И возможности для поступления были всем равные: сдавай экзамены, платить не надо.

А материальная уравниловка имела свой плюс: никто не чувствовал себя униженным. Разве что партноменклатуру тихо ненавидели и завмагов презирали. Было определенное отчуждение между рабочим классом и интеллигенцией: эти врачи и учителя с инженерами зарабатывали столько же или меньше, но сильно умные, на чистой работе. Зависти к богатому соседу и прочее — не было: а твое богатство от его ничем не отличается.

Возвращаемся к началу: танки были отличные — а легковые автомобили дерьмо. Боевые самолеты отличные — а костюмы для клоунов и бомжей. А потому что: военной технике — все силы и средства, без ограничений, сколько надо! и — требовать, проверять и требовать! А для личного потребления — плановое хозяйство: вот тебе ткань, время, лекала — и дай план! Ничего, Иван Иванович с Марьей Ивановной (персонажи лекция по политэкономии социализма) все потребят — а куда они денутся? Выбирать не из чего.

И все знали: если завтра война — победим любой ценой! Через реку под огнем без плавсредств, станки на снег, дети за станками, бабы пашут на себе, блокадная пайка хлеба, заградотряды, безымянные кости по лесам — но победим.

Кстати: санитарно-эпидемиологическая служба работала отлично. Дать средства, выделить врачей, закрыть на карантин любые территории, все мощности сию же минуту бросить на производство вакцины — и подавить эпидемию немедленно! И давили.

Социализм прекрасен на случай аврала: война ли, катастрофа, нашествие марсиан — все соберем в кулак и сделаем, жахнем, превозможем. У всех все отберем, сосредоточим, всех построим — и победим.

СВОБОДНОЕ ОБЩЕСТВО И СОЦИАЛИЗМ

Господа, а вам не приходит в голову простая мысль:

Социализм отрицает частную собственность на средства производства. Только общественная. Только так не будет эксплуатации человека человеком, а трудящиеся будут сообща владеть всем.

Но. Капитализм-то отнюдь не отрицает общественную собственность на средства производства! Капитализм допускает любые формы собственности (на те самые пресловутые средства производства): частную, коллективную, артельную, кооперативную, общественную; можете еще какую-нибудь придумать.

То есть мы обязаны указать формулировку, традиционно и ошибочно подменяемую названием «капиталистический строй»:

НЕТ КАПИТАЛИЗМА КАК СТРОЯ — ЕСТЬ ОБЩЕСТВО СВОБОДНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Это чрезвычайно важно! Как вы яхту назовете — так она и поплывет! Люди в массе своей достаточно глупы, чтобы воспринимать слова за истину, не вдумываясь в их смысл.

То есть. В обществе свободного предпринимательства. Вы можете свободно предпринять следующие формы деятельности:

Частный найм: бэби-ситтер, выгуливатель собак, уборщица квартир, — безо всяких посредников, продаете свой труд частному лицу за оговоренную плату.

Индивидуальный предприниматель: хоть обувь та-чаеете на дому, хоть брюки шьете на заказ. Сам один работаешь, сам один получаешь сколько заработал. Имеешь собственность: стол, стул, зеркало, ножницы, молоток, швейная машинка.

Индивидуальный предприниматель с частной собственностью: дальнбойщик со своим кормильцем-траком. Сам пашет, сам получает, сам себе хозяин.

Семейный бизнес: пекарня, лавочка, магазинчик. Снимаешь небольшое помещение, платишь аренду, пашете всей семьей с утра до вечера: один на кассе, второй заказывает и подвозит товар, третий на подмене и так далее. Если поднялся — можешь купить собственное помещение.

Групповая (артельная) собственность. Парикмахерская на паях. Бар, кафе. Ремонтная мастерская.

Групповой (бригадный) подряд. Строят индивидуальные дома, например. Свой грузовичок и небольшой подъемный кран, свои инструменты. Хозяину-заказчику построили — с него и получили.

Человек может подняться своим умом — как Эдисон патентами.

Может создать с нуля гигантское предприятие — как Сергей Брин и прочие Стивы Возняки: есть гениальная идея, ум, энергия, предприимчивость, трудолюбие — находят деньги у спонсоров, инвесторов, кредит банка, берут партнера. Превращается в крупнейшего капиталиста, миллиардера, десятки и сотни тысяч рабочих мест создаются.

А можно получить хорошее образование и продавать свои знания — наемные работники в офисах всех видов.

Можно выучиться, получить лицензию и стать врачом или юристом с собственной практикой — это хорошие деньги.

А можно предвидеть расширение и подъем какого-то городского района, найти кредит, купить развалюху, отремонтировать — и сдавать в наем первый этаж под офисы и торговлю, а выше — жильцам.

Фермер — сам себе хозяин, вся семья пашет, но ты не только зарабатываешь — ты независимый человек, кормишь страну, имеешь право гордиться; ты соль земли.

Ничего не умеешь — можешь пойти в сезонные рабочие. Наемные рабочие заводов и фабрик имеют хозяина или коллектив владельцев-акционеров. А учителя и полицейские работают на государство.

А владельцы традиционных производств, металлургических заводов и т.п. — это уже во многом наследники тех, кто их когда-то создал. Классические капиталисты.

А профсоюз выкручивает этим капиталистам руки: рабочий день короче, зарплата больше, уволить невозможно.

О! Еще есть биржа, торгующая в частности акциями — любой может купить и стать совладельцем любого предприятия. Подпрыгнет он или пролетит — другой вопрос. Но он — совладелец! Коллективная собственность! «Форд» отчасти принадлежит и мне тоже!

...Этот ликбез очень длинен. И в основах своих всякому понятен. Весьма разнообразны формы собственности в обществе свободного предпринимательства.

И встает вопрос: что мешает трудящимся скинуться деньгами, добрать кредит в банке и организовать маленький, для начала, заводик на правах своей общественной собственности. От каждого по способностям, каждому по труду? Отпуска, больничные, жилплощадь, детский садик. Очаг социализма.

Инженеры, администраторы, — все свои, все участвуют.

А если трудно заводик — то хотя бы колхоз. Сельскохозяйственную коммуну в Аризоне. В такое хозяйство капитальных вложений нужно куда меньше, главное — труд. И социалистическое сельское хозяйство скоро вытеснит частников-фермеров.

Н-да, но про печальные и быстрые крушения всех фаланстеров и прочих коммун в истории мы говорили раньше. Однако есть пример прекрасный: израильские кибуцы! Но там были сплавлены очень сильные чувства:

возвращение на Землю Обетованную, противостояние нападавшим арабам, религиозная и национальная спайка, и — тысячелетние жертвы впервые почувствовали себя полноценными людьми на своей исконной земле и с оружием в руках. И то: идет время, молодежь покидает кибуцы, государство дает им безвозвратные займы на поддержание уровня жизни, все шире применяется наемный труд и неравная оплата, и все полнее встраиваются кибуцы в капиталистическую систему производства. А ведь эти были лучшими!..

А как приусадебные участки советских колхозников — во много раз более продуктивные, чем их же колхозные поля и огороды? А как сельхозкоммуны Китая?..

...И все-таки — ну почему же нельзя в Америке, или Германии, или Австралии — создать социализм на одном отдельно и специально построенном предприятии? Производительность туда при социализме неизменно ниже? Так это твоя трудность. Но тебе же не мешают!! А-а — мешают? Капитал капиталистов, их конкуренция и банковские проценты, они душат экономически? Так задави ты их экономически! Работай лучше, продуктивнее, рациональнее, производительнее! Не могут... Социалистическому танцору мешают не только гениталии, но все органы собственного организма, а также натертый паркет, узкие стены и окно в неправильном месте.

Вот поэтому — социализм для своего существования требует запретить все формы собственности, кроме социалистической: общественной на средства производства. И истребить все классы, оказывающиеся враждебными пролетариату — не только социально, но и прямо физически истребить! И запретить любую идеологию, кроме социалистической. И перекрыть границы, чтобы не сбегали. И контролировать все стороны своих граждан, которые уже не «граждане», а государственные крепостные.

И вот то хорошее, что все-таки будет при таком методе управления страной и народом — будет объявлено достижениями именно социализма! Как будто в других

странах, где «социализма» не было, люди жили хуже, или науки были менее развиты, или перспектив у человека было меньше.

А все плохое при социализме — будет объявлено клеветой, или преувеличениями, или кознями врагов, или вынужденными мерами, или незначашей мелочью по сравнению с вершинами свершений.

В обществе свободного предпринимательства социализм как экономический строй, как общественную собственность на средства производства — никто не запрещал. Пожалуйста. Запрещали только насилие, подавление иных форм собственности, нетерпимость к многообразию.

А в социалистическом государстве — запрещено все, кроме именно социализма. (Даже школьные репетиторы незаконны — так, сквозь пальцы смотрели.)

Вот и близко не выдерживая честной и свободной конкуренции — социализм требует уничтожения всех иных укладов, и проникается к ним нетерпимостью, ненавистью и злобой.

«И побольше гасстгеливать! Без этой дугацкой волокиты.»

СЕМЬЯ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

Это необыкновенно интересная и богатая тема, весьма актуальная в свете современных прогрессистских теорий.

Классическое сочинение Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», основывающееся на фундаментальном фактологическом материале «Древнего общества» Льюиса Моргана, рассматривает далеко не все стороны вопроса.

Энгельс анализирует эволюцию семьи от дикости, то есть первобытного общества, до современной цивилизации, то есть XIX века. И делает это в свете производительных сил и производственных отношений, возникновения классов и их борьбы по мере развития производства. Изменения материальных условий обуславливают изменения форм семьи. Бытие определяет не только сознание, но и, так сказать, вторичные формы бытия: производство решает все. Сколько жратвы и барахла — такая и семья. Простите за грубость, которая часто сопровождается краткостью и точность.

Но. За исключением деления на господ и рабов, на добытчиков корма и окормляемых домочадцев. Энгельс не считает нужным вдаваться в социальную психологию групп. Кроме ревности, которую он часто упоминает в связи с исторической необходимостью ее преодоления, и любви, возникшей только при моногамии, остальные

чувства его не занимают. Только хозяйственная необходимость и польза. (Вы не знаете, как ревность может появиться в истории гораздо раньше любви? Чего ревновать, если не любишь? Этот вопрос Энгельс не затрагивал.)

Итак — по Моргану, оно же по Энгельсу, и, видимо, так оно скорее всего и было. Сначала семья — это беспорядочная половая жизнь всех со всеми в группе. О педофилии и гомосексуализме — ни слова. Время их славы еще не пришло.

Затем половые отношения только между разнополыми членами одного поколения. Деда — дети — внуки, каждый имеет каждого лишь в своей поколенческой группе.

Род разрастается — и делится на кланы: на шесть иногда, например. И браки уже допускаются сначала только с партнерами из всех других кланов, а позднее — только из одного определенного клана (как бы «брачно-связанного» с твоим). Внутриклановые, то бишь внутриродовые, браки запрещены. Имбридингу ставятся препятствия.

Далее формы групповых браков усложняются, дифференцируются, элемент парного сожителства внутри группового становится все заметнее. А производительность труда растет, средства производства развиваются, и вот возникает государство. А с государством возникает патриархат и моногамия. Но — браки покуда не по любви, а по расчету. Статус, положение, богатство, расчет — вот что играет главную роль.

Но индивидуальная любовь возникает именно на этом этапе! Но в эксплуататорском обществе, где женщина низводится до положения домашней прислуги и собственности мужа, женятся все равно не по любви — не она главное.

А какова будет семья в будущем — мы будем посмотреть, сказал осторожный Энгельс.

Друг его и доминирующий коллега Маркс был более решителен, но тоже насчет семьи в коммунистическом

будущем прогнозов не делал. Только решительно противопоставлял семью буржуазную, паразитирующую в скуке, пролетарской не семье даже, а «семейной склонности», как он ее называл. Поскольку у них разное отношение к производственным мощностям.

Позднее наиболее темпераментные революционные головы, хотя это не совсем головы, но тоже органы, проповедовали свободную любовь и «теорию стакана воды» как отрицание буржуазного идеализма и поповских баек про всякие там неземные чуйства и небесные союзы. Встал — трахнулись — разбежались, скажи товарищу спасибо. Но руководители коммунистической партии и советского государства это строго пресекали. Случайные связи осуждались. Мы за крепкую советскую семью.

Патриархата у нас в СССР быть не могло. Как сказал Жванецкий: «Браки по расчету у нас отсутствуют. Чем твое богатство от ее отличается?» И народ смеялся. Но классовое сознание присутствовало! И выпускались многочисленные брошюры, что доярка Маша не может любить прогульщика Петю, это ей только кажется, а может она, как сознательная советская девушка, любить только близкого ей по взглядам передовика производства Сашу. Только без издевок! Сам читал неоднократно.

А теперь — переходим к современности. К разрушению современной семьи. И что характерно — разрушать ее стали с двух концов одновременно: капиталисты и социалисты.

Капиталисты — как им свойственно: подлым своим капиталом. Они в 1960-е годы постановили платить значительные денежные пособия матерям-одиночкам. Потому что дети-безотцовщина не должны страдать. Государство может и должно их обеспечить. Материнство — свято. Дети — цветы нашей жизни, наше будущее. А теперь слово товарищу Черномырдину: Хотели как лучше, а вышло как всегда.

Людям стало экономически не выгодно заключать брак. А выгоднее рожать детей и сожительствовать вне брака. А тогда мужчина может со спокойной совестью

идти хоть налево, хоть насовсем: баба с детьми и сама проживет. А женщина перестала за этого пьяного дебила цепляться: проживу без тебя не хуже, носки твои стирать не надо, а в постель позову кого хочу.

Зачем заключать брак, если тогда перестанут платить пособие? А при разводе — делить имущество и платить на детей алименты? Вот вам гуманизм.

Вообще-то это было социалистическое веяние в рамках капиталистического строя. Перераспределение государственного продукта в пользу бедных — матерей-одиночек и детей-безотцовщины. Социализм наступал! И социалисты страшно приветствовали завоевания равноправных женщин как свою заслугу. Но этим не ограничивались. И близко не.

Новые левые, последователи франкфуртской школы и не только, фрейд-марксисты и нео-марксисты, социалисты всех мастей, с тех же 1960-х упорно работали над разрушением капиталистической цивилизации. Не снаружи — так изнутри. Подтачивали устои, как жучки-древоточцы, если дать им бензопилы. И активнее всего они спиливали под корень буржуазную мораль. К какой относилось все, связанное с любовью, семьей и сексом. Они вполне правильно мыслили. Подпилишь столб — рухнет крыша.

Они учили, что религия — сволочь: не только антинаучно врет, но лишает людей законного счастья и наслаждения: почему ограничивает в сексе?! По какому праву? Чего ради? Какие на хрен заповеди этих доисторических сионистов?

По мнению фрейдомарксистов, подхваченному всеми левыми, подавление сексуальной энергии — главная причина конфликта человека с государством. Деформация сексуальной энергии — и материализуется в несправедливом эксплуататорском строе. И чтобы сбросить угнетение, раскрепостить все свои силы и начать свободно и счастливо трудиться на благо общества — необходимо высвободить свою сексуальную энергию, сбросить все запреты — и тогда исчезнет угнетение, гармо-

нично изменится все общество, и настанет новый сладостный мир.

Эти борцы за мировое счастье привлекли и приголубили всех, кого не устраивала моногамная семья и архаичный секс путем совмещения полового члена с влагалищем: гомосексуалистов, лесбиянок, транссексуалов, бисексуалов, тут же начавших множиться изобретателей и фантазеров небывалых половых способов и ориентаций.

Освобождение секса от уз закона и морали подавалось как необходимое условие построения свободного общества. Сексуальная Революция!

Впервые в истории желание трахаться не как все и без любых ограничений приобрело масштаб и характер политического — политического! — движения. Его адепты позиционировали себя как борцов за права, идеологов и просветителей. Они добились удивительно многого: признания своих сексуальных предпочтений полностью равноправными с теми, от каких рождаются дети; уголовного наказания и общественного ostracism для всех, кто неодобрительно о них отзовется; право регистрировать однополые семьи и усыновлять детей; право служить в армии и — квоты! — на представительство в университетах, на производстве, в театре и кино!!!

То есть:

Семья из двух гомосексуалистов или двух лесбиянок равноправна с семьей из мужчины и женщины. А женщина с детьми вне брака имеет материальные и социальные преимущества с замужней женщиной: мать-одиночка трудно живет, ей надо все дать в первую очередь — принять на работу и т.п. А секс втроем или вдесятером, постоянно или на один раз — заслуживают такого же общественного уважения и признания, как и ваша репрессивная и устаревшая моногамная семья.

Сожительство без формальностей и обязательств, надолго или на раз, с лицом противоположного пола или своего, перестало быть какой-либо проблемой.

Одиночкам же легче делать карьеру, веселиться, потреблять все удовольствия и совокупляться с кем захоте-

лось. И весь заработок себе, и время после работы свободно.

Сейчас в Нидерландах рождены вне брака 44% детей, во Франции — 50%, в Англии — 60%, в Исландии — 66%. У афроамериканцев — 80%.

При этом для простого воспроизводства населения должно приходиться 2,15 родившихся ребенка на женщину. Этот коэффициент фертильности: США — 1,87 (с их черными и латиносами), Нидерланды — 1,78, Испания — 1,50, Германия — 1,45.

Богатства все больше, свободы все больше, семей все меньше, детей все меньше.

А процессы-то носят выморочный характер! Э?

...Подобьем бабки и сделаем выводы.

По мере материального и социального развития от первобытнообщинного рода и до современной цивилизации — шел параллельный процесс: увеличение материальных благ — и расширение круга свобод. В роде и племени — пространство личной свободы почти совсем отсутствует: все мужчины на охоту — и ты со всеми, все жрут — и ты садись кушай, все спят — и ты ложись, отдыхай. А чего еще? Все женщины в поле за корешками — и ты с ними, все шкуру мамонта скоблят — и ты скобли. А если у всех пир и праздник — ты со всеми празднуешь. Выживала только слаженная воедино социальная группа. Да, к половым и семейным отношениям это тоже относится: веди себя как все.

А далее у господствующего класса было все больше вариантов. Идти в воины, священники или чиновники. Служить этому королю или перейти к тому. Какой строить замок и какое платье надеть.

С 1960-х же годов выбор стал вообще безграничным: выбирай любую профессию и карьеру, реализуй свои именно способности; женись на ком хочешь и живи где хочешь. Огромный уровень развития производительных сил и накопления благ — обеспечил тебе небывалую свободу.

Кратко: чем сложнее и мощнее государство — тем

оно богаче, и это дает максимум прав и свободы действий его гражданину.

О семье. По мере усложнения производства — усложнялось и делалось богаче общество. И вместе с этим — дифференцировались и разграничивались сексопартнерские и семейно-хозяйственные отношения: от аморфной сексомассы первобытнообщинного рода — до патриархальной семьи феодализма и равноправного моногамного брака цивилизации середины XX века.

И в этой семье степень свободы, степень автономии то есть, и мужчины, и женщины — все увеличивалась. То есть: увеличивалось личное пространство. В племени каждый на виду и поведение единообразно. В моногамной семье, даже патриархальной, не только мужчина — глава и кормилец, но и зависимая жена может поставить себя так, что она будет вертеть мужем, а не наоборот. Кроме того, что у нее есть свой сектор хозяйствования в доме, и здесь она распоряжается, никого более не слушающая. А когда цивилизация поднимается и процветает — она может больше купить, больше потребить, и иначе распорядиться деньгами.

Степень свободы каждого партнера в семье — растет по мере развития цивилизации.

Вот из этой, сугубо материалистической линии рассмотрения, вывод следует пессимистический. С точки зрения материального обеспечения и социальных возможностей — семья объективно отмирает. И в близком будущем должна отмереть вообще. Потому что не нужна, материально-то. Богатое государство всем обеспечит. А коммунистическое безгосударственное общество изобилия тем более всем обеспечит матерей, и детей, и инвалидов, и стариков, и так далее. Семья как экономическая ячейка общества исчезнет.

(Мы не говорили о полигамной семье (точнее — о полигинии), о гаремах альфа-самцов-мужчин и четырех женах небедного мусульманина. Понятно, что мужчины гибнут чаще, на всех женщин их не хватает, а любая самка стремится произвести потомство от сильного

самца-победителя: многоженство естественно на природном уровне, как биологическом, так и социальном. Но — история показала: моногамная семья побеждает в соревновании и гонке прогресса. Да, так полигамная семья в обществе изобилия также будет не нужна.)

А вот дальше — остается психология с биологией. Которые отменить труднее. И они друг с другом не просто связаны, но психология — аспект биологии, строго говоря.

Инстинкт продолжения рода мы не отменим. Как бы ни старались леваки абсолютизировать контр-продуктивный секс и движения за бездетность типа чайлд-фри. А этот инстинкт к сексу не сводится.

Есть материнский инстинкт. Кровная связь матери и ребенка природно обусловлена, и психологическое родство, потребность в психологической связи, в близости — у нормальных людей неотменяемо.

А есть и отцовский инстинкт. Да, не у всех. Да, он отчасти оформляется социально. Но и у мужчины есть психологическая потребность, происходящая из биологической, продлить свой род, передать свои гены, воспроизвести себя в будущее.

Материнские же и отцовский инстинкты противятся отчуждению детей — но на уровне психологическом и биологическом родители стремятся вырастить и воспитать детей наилучшим образом, в заботе и достатке, готовя к самостоятельной жизни. Чувство — чувство! — семьи противится интернатам всех родов. Нет, можно сдать туда — и сбросить все заботы, но эти заботы нормальным людям желанны и дороги (если жизнь до полу-смерти не заездила, но мы же о счастливом будущем).

А родительский эгоизм, потребность дать своему ребенку самое лучшее, гордиться им, защищать в первую очередь его — категорически противостоит исчезновению семьи как таковой. И вы этот эгоизм не искорените: это инстинкт жизни, инстинкт продления рода.

Родительские чувства могут вам немного поломать коммунизм.

А если задавить эти чувства и все из них проистекающее, осмеять семейные инстинкты и объявить их ложными и устарелыми — у вас начнутся невроты и всяческие психические расстройства.

Ребенок же в принципе может вырасти и без отца, и без матери, но психолог вам скажет, что это ему не полезно и не является нормальным и естественным. Он испытывает в них безусловную, врожденную психологическую потребность: в матери прежде всего, но в отце тоже. Конфликт человека с окружающим миром — это форма существования, и образ защитника — это архетип подсознательный. Без отца — неуютно, тревожно, незащищенно.

Конфликт человека с окружающей средой, социальной в том числе, имманентно присущ бытию. В этом состоянии конфликта — нужен союзник, друг, alter ego, кому все можно доверить и кто никогда не подведет и не предаст. Потребность в самом близком человеке природна и велика. Поэтому так типична дружба у подростков — несравненно более близкая, чем у взрослых. А с возрастом этот поиск друга обычно переключается на противоположный пол и совмещается с сексуальным влечением. Не всегда. У всех в разной степени. Но тем не менее.

Два одиноких человека тянутся друг к другу, чтобы перестать быть одинокими.

Если вы посмотрите на взаимную привязанность пар у стайных птиц или животных — то убедитесь, что любовь существует отнюдь не только на человеческом уровне. И сколько было в глубокой древности романов и трагедий в родовых и племенных группах — нам никогда не узнать...

В счастливом и уже совсем близком будущем — не должно быть ревности, не должно быть обязательств друг перед другом, и вообще никаких хлопот и никакого долга ни перед кем. Сексуальная свобода именно как сексуальная вседозволенность, простите за пошлый штамп, вдруг попавший точно к месту. Атомизированная

человеческая масса из столь же независимых, сколь на фиг никому не нужных одиноких существ. Перетекающих из одних свободных, необязательных и временных сексуальных союзов в другие.

Кстати: обеспечить семью — это сильный стимул трудиться много и эффективно. Если отомрет семья — исчезнет и этот стимул. Одна голова не бедна, а бедна — так одна. Они вам наработают, не нарадуетесь.

Вы хотите плодить одиночество, неприкаянность и несчастье? Вот поэтому глупым пропагандистам разрушения семьи следует отбить руки и головы. Граница между глупостью, благими намерениями и злом бывает незаметна.

ДИКТАТУРА

Необходимость и неизбежность диктатуры проистекает из самой сущности социализма. Вот тут с Карлом Марксом не поспоришь. Своего собственного человек добром не отдаст. Итого: первый этап построения социализма — это отнять и поделить.

И добро бы только частную собственность на средства производства поделить на всех. Заводы и землю. Нет: речь идет о переделе вообще всей собственности в пользу пролетариата. А если пролетариата уже нет? Не важно: переделить все поровну в пользу бедных и немущих.

Торговцы, врачи, юристы, писатели, инженеры, ученые — как люди наемного труда, так и свободные предприниматели — вечно имеют при капитализме много-много частной собственности для личного пользования. Квалифицированные специалисты, мля. Квартиры большие, шуб и костюмов много, столовое серебро или ювелирные украшения. А раз одни бедны, а другие-то богаты, то факт эксплуатации налицо: общественный продукт поделен нечестно, бедные обворованы богатыми! Уплотнить, экспроприировать, изъять, при сопротивлении пристрелить. А собственность распределить меж немущим классом и его лучшими представителями в лице руководства.

Оружие обязательно изъять, чтоб не сопротивлялись.

Для подавления внутреннего сопротивления нам нужны карательные органы. Госбезопасность. ЧК. Отряды особого назначения. Внутренние войска.

Для контроля над населением и выявлением недовольных нам необходима политическая контрразведка, тайная полиция, система стукачей и доносов.

Для формирования правильного мировоззрения нам необходима активная, агрессивно проводимая идеология социализма-коммунизма и анти-капитализма. Из всех искусств важнейшее — кино и цирк. Газеты и журналы, книги и картины — должны быть проникнуты коммунистической идеологией, нести ее в массы и этим массам вбивать в мозги.

Необходима цензура — для блокирования идеологически чуждой информации.

И закрыть границы, чтоб не ездили в прочие страны, ненашенские, и верили руководству своего государства, а не собственным глазам. А также не могли сбежать.

Ну, а поскольку есть в человеке эта вредная тяга к свободе, думать хочет чего хочет, говорить чего вздумается, мысли возникают неподконтрольные об устройстве общества, сомнения в правильности пути... м-да, несовершенен человек. А враги нашего строя, капиталисты, не дремлют, стремятся нас уничтожить и все опять подчинить капиталу — вот они таких людей используют для диверсий, терактов, заговоров для свержения строя. То — да, товарищи, пока еще нужны тюрьмы и лагеря. Революционный гуманизм — это беспощадность к классовым врагам.

Не сразу в человеке воспитывается социалистическое мировоззрение, буржуазные предрассудки сидят глубоко! Исправительно-трудовые лагеря исправят заключенных трудом.

...Кстати, тезис товарища Сталина об обострении классовой борьбы по мере приближения к социализму не так уж парадоксален, чисто теоретически он отнюдь не глуп. Чем ближе к социализму — тем меньше места буржуазным наклонностям. А мы строим социализм быстрее,

чем меняется натура людей. И как бы территория социализма занимает все больше пространства в умах и душах людей, где еще живет буржуазность. Все меньше в жизни возможностей проявить свою остаточную буржуазность, а она сопротивляется и требует реализации. Так что — бдительность: выявлять, сажать, расстреливать.

И ведь есть в этом всем своя великая историческая логика! Теоретическая. Рабовладельческий строй: рабы и пришлые варвары сокрушили рабовладельцев, ну и заодно всех, кто при рабовладении процветал. Феодальный: крестьяне и ремесленники сокрушили феодалов — ну и заодно всех, кто при феодализме процветал. Кто-то в замке живет? Повесить всех этих джентльменов! Ну и капитализм: пролетариат сокрушит и уничтожит капиталистов и всех, кто при этом строе процветал.

А вот дальше начинается та еще закавыка.

При рабовладении свободный труд на своей земле и в своей мастерской не запрещался. Выдавливался экономически, превращая свободных крестьян в рабов или люмпенов — да. Но именно экономически: все решала суммарная эффективность производства. Когда свободных тружеников практически не осталось — Рим пал: защищать некому. Внимание: уничтожение свободного трудящегося собственника уничтожило Рим.

При феодализме не запрещался свободный труд крестьян и ремесленников, но задавливался экономически и ограничивался политически. В конце концов крестьяне и ремесленники — а также торговцы! торговцы! — набрали силу, взяли все дело в свои руки, и феодалы оказались лишними. Внимание: свободный трудящийся собственник победил и вытеснил того, кто оказался лишним.

Но. Современный — конца 20 и начала 21 века — капитализм правильно следует называть обществом свободного предпринимательства. При этом устройстве общества произошло главное:

**ТРУДЯЩИЙСЯ СОБСТВЕННИК
МАКСИМАЛЬНО СВОБОДЕН**

Ты можешь организовать собственное производство или любой бизнес, можешь быть фрилансером, можешь работать по найму. У тебя максимум возможностей реализовать себя согласно собственным склонностям. Можешь работать и не работать, владеть собственностью и не владеть. Твоя голова, твои руки, твоя добрая воля. Причем — если ты обнищал, то государство тебя подкормит и поддержит. Так чем же ты недоволен, Хитрая Жопа?

СВОБОДНЫЙ ТРУДЯЩИЙСЯ СОБСТВЕННИК — ЭТО И ЕСТЬ СРЕДНИЙ КЛАСС

Становой хребет современного общества. Хозяин государства, налогоплательщик. Это с его господством мир вступил в эпоху небывалого процветания — и небывалых же свобод.

Почему? А потому, что энергия максимального количества людей направлена на максимально эффективное применение. Сочетание способностей, сил и характера, ума и образования, желания и удовлетворения — принимает оптимальный характер.

Задача государства — создание условий и соблюдение законов, при которых человек может максимально реализовать себя. Сделать максимально много и качественно. На пользу себе и другим.

СВОБОДА ТРУДЯЩЕГОСЯ СОБСТВЕННИКА — ОСНОВА ПРОЦВЕТАНИЯ СТРАНЫ

Вот со свободой-то при социализме и происходят удивительные вещи.

Теоретически именно при социализме трудящийся подлинно свободен: он владеет всем, распоряжается всем, это его государство с его общенародной собственностью, и он всем распоряжается.

Практически — именно при социализме запрещены — именно запрещены! — все формы собственности на средства производства. А также:

Запрещены все партии, кроме единственной господствующей.

Запрещены все СМИ, кроме государственных.

Запрещены все точки зрения на политику, экономику и все государственные вопросы, кроме единственной — официальной.

Запрещено эмигрировать.

Запрещено почти всем ездить за границу.

И тебе объясняют, что это и есть истинная свобода — потому что все делается ради твоего же блага. Но не объясняют, что иначе социализм в стране рухнет.

И как только начинались попытки «создать социализм с человеческим лицом», то есть там свобода слова и печати, оппозиционная партия и поездки за границу — так к этому лицу мгновенно пристраивался капитализм, а социализм с несвойственным ему лицом рушился. Не обессудьте: каков строй — таково и личико.

Диктатура приходит на время, а остается навсегда. Социализм — политически насильственный строй. Экономически и информационно он неконкурентоспособен. Ограничивая свободу, инициативу, обратную связь — дать ту же производительность труда, что общество свободного предпринимательства, невозможно в принципе. Математически. Физически.

Осуществляется диктатура не пролетариатом, разумеется, а верхушкой правящей партии. Политической олигархией. Посредством мощного репрессивного аппарата, невиданного в иных обществах. Огромный и всемогущий репрессивный аппарат обеспечивает народу свободу. Именно так. Ага. Да, Оруэлл гений.

Диктатуру при социализме можно уподобить двойному комплекту палок: из одних сколочена поддерживающая загородка, чтоб не рассыпался в стороны — а другие суются в колеса, чтоб хуже крутились.

(Ну еще раз повторим:

Капитализм ведь не запрещает любую коллективную собственность — ее и раньше всегда мирным путем можно было создать, да и все формы собственности при капитализме разрешены. Нет:

Это социализм ЗАПРЕЩАЕТ все формы собственности, кроме общенародной и все отношения, кроме социалистических. Этим он сам создает врагов против себя.

А в борьбе с врагами за единство политического и экономического устройства — он запрещает все иные партии и идеологии, которые могут его подорвать и сместить. Цензура и политически преследования обязательно следуют.

Отсюда — железный занавес, запрет на эмиграцию и заграничные поездки и жестокая лживая пропаганда.

Спасибо за счастье такой социалистической свободы. Пробовали, знаем.

И еще тебе объясняют. Что именно теперь ты свободен! Ибо все ведь твое — общенародное, и ради твоего блага тебя заткнут рот.)

АГРЕССИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Нет ничего более агрессивного, чем Утопия, старающаяся всеми способами превратить себя в реальность. Приведение всех сторон жизни в соответствие с мечтой порождает величайшие трагедии.

Агрессия — это насильственное силовое изменение невынужденным к тому субъектом окружающей среды с входящими в нее объектами.

Это академического характера определение, но корректное и исчерпывающее. Можно только уточнить, что имеется в виду невынужденность субъекта внешними обстоятельствами. Потому что внутренние причины, мотивировка действия есть, разумеется, всегда.

Отличительная черта социализма — он агрессивен по своей сущности.

Во-первых, для своего существования он запрещает и уничтожает все формы политики и экономики, кроме собственных. Как кукушонок, он вылупляется и растет в гнезде, из которого потом выбрасывает всех хозяйских птенцов и заставляет кормить только себя.

Во-вторых, распределительная экономика всегда связана с насилием. Отобрать у производительного работника и передать слабому, неумелому, ленивому.

Без агрессии как черты характера и свойства системы не проживешь. Давно выяснено и понято. Но социализм вносит кое-что новое.

Социализм во внутривластическом плане — это социальный милитаристский онанизм. Борьба соло. Сама с собой и внутри себя. Социализм проповедует и развязывает войну внутри собственного социума. Он делит общество на антагонистические, то есть непримиримо враждебные, классы — и абсолютизирует войну между этими классами.

Социализм легитимизирует гражданскую войну. Объявляет ее неизбежной и необходимой. Считает единственно возможным разделить общество на группы — и одни группы уничтожить ради процветания других.

Политическая сущность социализма — перманентная гражданская война. Уничтожить всех врагов при установлении своего господства — и затем давить врагов по мере их появления. Более того: бороться с врагами профилактически, то есть раньше, чем они проявили свою враждебность.

А человек пластичен, а общество изыскивает нужные средства. Борьбе нужны борцы, войне — воины. Карательной политике нужны каратели. И они всегда найдутся. Все всегда найдутся! Стукачи, палачи, пропагандисты, охранники — все, кто нужен социальной и государственной системе, всегда найдутся.

И вот социалистическая система — одобряет агрессию, легитимизирует ее и поощряет. Сначала: твой враг — эксплуататоры. Потом — все богатые. Потом — все, кто против социализма. Потом — все инакомыслящие.

Результат прекрасен. Свободный и поощряемый выход получает зависть ко всем, кто успешнее, богаче, знаменитее тебя. Законное и одобряемое применение находит злоба и ненависть — ко всем, кто много о себе мнит, преуспел, слишком умный. Надо лишь найти, в чем они провинились перед идеей, теорией и практикой мирового социализма и коммунизма. Найди вину, а нет — придумай и припиши! Обвиняй и топчи!

Хамы, неудачники, насильники и бездельники влекутся к социализму: он позволяет им чувствовать свою значимость, свою правоту, дает право на насилие и са-

моутверждение. И делать ничего не надо: только займи нужную политическую позицию. Кто был ничем — тот станет всем!

И с огромным и сладким облегчением ты можешь издеваться над уродливостью врагов, их физическими недостатками и внешностью, как они ходят и как они говорят, как живут и как пахнут.

При социализме ты можешь написать донос на врага и занять его квартиру или должность.

Но обличители и борцы не могут же бороться и обличать исключительно от собственного имени. Это же склочники и хамы получатся. И социализм — дает им свое имя! И имена своих кумиров! Как индальгенцию. Именем короля! Именем пролетариата! Именем коммунизма! Это как раскрытые корочки в нос арестованному, как удостоверение НКВД, или Гестапо, или Центрального Комитета Мирового Коммунизма.

Ваше слово, товарищ маузер!

Хам, обличитель и ненавистник сам-то по себе сознает собственное ничтожество. Ему нужна компания авторитетных пацанов. Их есть у него. Маркс. Сталин. Жуков. И вот он уже в благородной позе защитника! Он защищает верное, потому что всесильное, учение во благо трудящихся, святую истину защищает! И ссылается на великих, и защищает великих от нападков мелкой своры врагов социализма. Красное знамя авторитетов и мудрецов, святых и героев осеняет его, как крыло боевого ангела. Ой бля.

Можно обвинять врага в неосторожном слове. В том, что затемнил лицо черным тоном. В том, что у него белая кожа. И топтать, топтать, топтать!..

Ну, как вы понимаете, в войне неизбежны жертвы. Здесь жертвами становятся самые мыслящие, самые успешные, самые талантливые и работающие. На войне как? Кто высунулся — тот и громоотвод. Сенцов высунулся из окопа, и комбат покрыл его матом.

ТЕСТ НА ЛИРИКУ

Солженицын Александр Исаевич не был совершенством. Скорее он был вместилищем и гнездилищем пороков, не считая мелкие недостатки. Был он необыкновенно эгоистичен, эгоцентричен, высокомерен и спесив, неблагодарен и бездушен к людям, славолюбив и тщеславен до чрезвычайности, и манией величия не страдал, а напротив, упивался. Словно все ему были должны. Мудрость его была плодом его же воображения, умом выдающимся не обладал. Да и литератор, в смысле беллетрист, был не более чем крепкого среднего качества.

Мировоззрение имел скорее депрессивное, во всем отмечал негативные черты, и читать его громоздкие сочинения скорее неприятно.

И все эти скверные качества были соседством и продолжением его несокрушимого упрямства, жизненной выносливости, стойкости, веры в свою звезду, параноидальной преданности главному делу своей жизни в главный период его жизни: сказать миру страшную правду о миллионах замученных и убитых жертв Советской Власти. Это был великий борец за память и справедливость. Были сотни талантливых писателей в Советском Союзе. Было много историков и архивистов, а мемуаристов развелось без числа. Миллионы прошли через

тюрьмы и лагеря и выжили: вместе они знали все о тех, кто сгинул.

И нашелся только один, кто вступил в безнадежную борьбу с роком. В тоталитарном подцензурном государстве он поставил немислимой целью в одиночку создать правдивую историю: как Советская Система уничтожала своих граждан. Где, кого, сколько, начиная с какого времени. Сумасшедший, вообразивший себя титаном, Прометеем таким с огнем правды для людей.

«Архипелаг ГУЛАГ» — эпохальная книга. Сила ее воздействия была ужасающа. Она перепахивала человека. Самиздат и бог весть как протасненные заграничные издания ходили по рукам: давали читать на три дня, два, на сутки. В стоячей безвоздушной атмосфере брежневской эпохи, когда любое мыслие стало инакомыслием, «Гулаг» был экспедицией в преисподнюю: перехватывало горло, расширялись глаза, дрожали пальцы, чтение превращалось в неостановимый мазохизм, и когда оно заканчивалось — ты поднимал глаза и с холодеющим нутром понимал, что ты живешь не в той стране, что до прочтения книги.

Из воображаемого СССР ты переезжал в реальный.

Не знаю, как воспринимали современники Ад Данте, но Ад Солженицына потрясал основы читателя и страны.

«Архипелаг ГУЛАГ» — это портрет Дориана Грея ленинско-сталинской эпохи. Гюльчатая показала личико, и Петруху затрясло.

...Я это только затем тут привел, что среди русских неокommунистов Солженицына принято оплевывать и помыть. За клевету, антисоветчину(!), русофобию и зоологический антикоммунизм. Причем: не по приказу, не за зарплату, как при советской власти, а — по зову души грязью поливать. Ибо он противоречит коммунистическому мировоззрению, а оно — истинно, верно, весильно и для счастья человечества.

Во-первых, это еще раз подтверждает, что никакие рациональные аргументы, никакие неопровержимые факты на человека, уверовавшего в некую идею, не дей-

ствуют. (Не удержаться, чтобы не помянуть гениального «Человека убежденного» Эрика Хоффера.)

Во-вторых. В-главных. Если человек может равнодушно читать эту книгу. Если пытки и расстрелы, муки физические и духовные, намеренное и хладнокровное глумление и уничтожение людей по спискам, и как сидели в расстрельных камерах, и как давали восемь лет женам за невинно посаженных и расстрелянных мужей, как выбивали глаза и раздавливали яйца, вгоняли в анус раскаленный шомпол и били молотком по пальцам, как умирали на снегу младенцы «раскулаченных», а лагерные придурки разглядывали голыми прибывших эзек, выбирая наложниц, — если все это никак не колеблет благополучного «коммунистического» читателя-современника, и он тоном примерного ученика произносит, что конечно, он признает ошибки и «некоторые недопустимые вещи», но, тем не менее, это не отменяет великой цели, свершений и так далее.

У него некий душевный дефект. Отсутствие способности к сочувствию. Чужие страдания и смерти его не волнуют. Он за них не переживает. Он, строго говоря, социопат.

Если он согласен и готов убить миллионы — миллионы! — невинных людей, честных граждан своей страны, чтобы ценой их крови строить счастливое государство под диктатурой пролетариата — ну так успокойтесь и ничего ему не доказывайте: это не человек. Это готовый убийца, палач, конвоир и охранник, пыточных дел мастер. Он согласен. Ради великой цели.

Если он читал еще и Шаламова, Гинзбург, Разгона, Волкова — почитай, сука, почитай, как люди сидели и за что. И остался сторонником коммунизма. То все разговоры бессмысленны.

Это упертый, тупой, жестокий и фанатичный враг. Так его надо расценивать, так к нему надо и относиться. Его действия, дай ему власть и развяжи руки, вытекают из его убеждений, чувств и слов: посадит, расстреляет, выгонит, и уж рот тебе заткнет обязательно.

...А еще страшно полезно было бы собрать и издать книгу: «Советские революционеры». Сделать серию «Библиотечка молодого коммуниста». Что они все наделали — и как их всех потом расстреляли. Уцелели единицы высших аппаратчиков — и только. Пусть неосовки осмыслят революционную логику и справедливость.

БЫДЛО В СТОЙЛО

Почему свободные люди, добровольно и по собственному разумению, могут стремиться в стойло?

Как же это все-таки так? В чем причина этого феномена? Почему образованные, неглупые, полные идей о справедливости и счастье люди — предаются душой, любят и стремятся создать жестоко регламентированное общество, где будут господствовать инструкции и предписания на все случаи жизни — а врагов этого строя следует выискивать, репрессировать и карать?

Если говорить об истории Советской России — почему некоммунистов приводит в раздражение и бешенство упоминание о миллионах невинных жертв, они считают это антисоветизмом и русофобией одновременно (что уже бред) — а свою уверенность, что жертвы вполне оправданы высшими целями, они искренне считают патриотизмом? Почему тупость, жестокость и фанатизм возводится в доблесть и добродетель?..

1. Стремление к повышению групповой самоидентификации. Я буду членом великой, могучей, знаменитой группы — государства славного, заботливого к своим, грозного для чужих.

2. Стремление к повышению индивидуальной самоидентификации. Самоуважение: имею высшие интересы, высшие цели, причастен великих идей. Мне введома

путеводная истина. Я принадлежу к лидерской группе борцов за счастье народа.

3. Стремление масс избежать личной ответственности и личных решений, к чему масса не способна. Предложите нам самый понятный вариант, полезный для нас. Создайте рабочие места, наладьте организацию. Мы будем хорошо работать. Отдайте нам честно заработанное. И создайте условия получше.

4. Равенство как реализация зависти. Никто не будет сильно возвышаться над другими за счет ума, таланта, работящести. Кого мы, масса, определим как достойных — того сами назначим выдающимися и сами решим, сколько прибавить ему благ.

5. Реализация агрессии. Мы находим врагов, определяем врагов, создаем условия и законы, по которым некоторые или довольно многие оказываются врагами. И законно изливаем на них свою ненависть. И караем, как сами решим.

6. Еще раз о групповой самоидентификации. Наши — и не наши. Свои — и чужие. Друзья — и враги. Найти или создать врагов, отграничить их от своих, выместить на них свою агрессию — означает определить и сплотить именно свою группу, свой социум. Определение своих, своей группы — через противопоставление врагам.

7. Свобода, политическая и экономическая, страшно раздражает лузеров и аутсайдеров. Свобода им противопоказана. Они проигрывают в открытом честном соревновании умов, характеров и сил. Стремление к самоутверждению диктует им стремление к такому порядку, где они расквитаются с удачниками за свои неудачи, свою второсортность. Они согласятся на бандитизм, если смогут стать членами банды. Согласятся на концлагерь, если будут в нем надсмотрщиками с большой пайкой и бичом.

8. Человек умный, но ограниченно умный, имеет достаточно воображения представлять себя выгодополучателем и распорядителем в жестком социалистическом

государстве — но недостаточно воображения и ума увидеть себя в роли жертвы. А это в истории происходит неукоснительно. Кому бы ты ни рыл яму — оказывается, что ты вырыл ее себе. Они даже не понимают, что ступили на проторенный путь к расстрельной стенке.

9. Изменение есть не закон жизни, но более — это форма существования Энергоматерии. Это аспект Времени. В нашем конкретном случае — ни один политический строй не вечен, они переходят один в другой. Об этом писал еще Аристотель. Мы сейчас — коротко о необходимом скажем сами. Государство, по мере развития и совершенствования, дополняет и реформирует себя, пока не дореформируется до фазы дегенерации, крушения и замены другим строем. Угнетенный народ борется за свободу, рождает лидеров, сносит деспотическое государство и создает свободное. Свобода — обеспечивает себя через множасьиися институты бюрократов, плодит паразитов, порождает распри — и в конце концов вызывает мысли о порядке и укрощении сильных и жадных. Рычаг перегибается в другую сторону — и вскоре бесправный народ вновь запоет песни о свободе.

Сочетание свободы, сытости и безделья — так же, как сочетание бедности и бесправия слабых и свободы наглых сильных — ведет к одному результату: желанию железного порядка, где слабые будут равны в скромном гарантированном достатке — а сильные наказаны, ограблены и подчинены большинству. Дальше: красные флаги, госбезопасность и концлагеря. И корыта с лимитом хлёбова.

Необходимо понимать: жлобы ненавидят умников биологической ненавистью. Не в силах возвыситься над ними в честном и равном свободном соревновании — жлобы мечтают о стойле для стада, где они будут примерными и лидирующими скотами, а умникам поотшибают рога и отправят на мясокомбинат. Умник — белая ворона в стае, паршивая овца в стаде. Стойло для каждого — это самоутверждение жлоба.

А боевая песня жлоба — о диктатуре пролетариата.

**ЦИВИЛИЗАЦІЯ ГРАБИТ
КАЖДОГО**

СУЩНОСТЬ ЭКСПЛУАТАЦИИ

Для понимания сути эксплуатации надо всего лишь понять несколько крайне простых вещей: откуда берется прибавочный продукт, как он отнимается и на что он расходуется.

Если племя победителей обложило регулярной данью племя побежденных — это эксплуатация? Видимо, да. Часть труда племя-данник отдает победителю: шкуры, зерно, оружие. А их еще добыть и произвести надо. Коллективная эксплуатация. Но. Они добровольно согласились? Нет: под угрозой смерти или продажи в рабство. А эксплуататоры им предоставили выбор? А вот и весь выбор. Не было у племени выбора. А эксплуататоры им предоставили охотничьи угодья, поля, орудия труда и охоты? Ничего не предоставили! И что? А то, что такую форму эксплуатации экономика не рассматривает. Принуждение носит формы не экономические, а силовые.

А рэкет? Братки взяли под себя уличные ларьки. Не будешь платить — избьют, ларек сожгут. Вроде и эксплуатация — а вроде и чистый бандитизм.

То есть. Когда чистая сила является средством отъема прибавочного продукта — это не экономика. Это разбой. Так полагает наука.

(Погодите. Любое государство будет отбирать часть прибавочного продукта у работяг. Это называется: пла-

тить налоги. За неуплату — закон наказывает. А это: полиция, суд, штраф или тюрьма. То есть: формы отъема меняются, усложняясь и изощряясь, но сохраняя суть. Под угрозой силы отдашь. Но — мы забежали вперед...)

И однако. Если царек трех деревень, или рыцарь, или бандиты взамен поборов предоставляют ограбляемому трудящемуся защиту от всех других грабителей — это уже предоставление силовых услуг. Товарообмен. Продукт в обмен на безопасность. Отдельно взятый элемент государственного устройства — при отсутствии государства в целом.

Это была преамбула, а теперь перейдем к амбуле: рабовладение — феодализм — капитализм — социализм+коммунизм. Это уже сфера, подотчетная экономической науке.

Что мы имеем на каждой стадии? Во-первых, кто-то уже изобрел и внедрил такие способы хозяйствования, такие орудия труда, которые позволяют создать рабочие места для эксплуатируемых. Вот это принципиально важное — мы выделим, повторим и усвоим:

1. Изобретение орудий труда.

2. Создание эксплуататором рабочих мест для эксплуатируемого.

При этом — рабами становились как правило военнопленные и жители захваченных городов. За побег рабов ловили, клеймили, били, казнили. То есть силой заставляли работать. Но рабочее место и прокорм обеспечивали. Раб получал необходимый инструмент, похлебку, место в хижине.

При феодализме — прямого насилия над эксплуатируемой рабсилой уже не было. Хочешь — работай, ешь, не хочешь — не работай, уйди и сдохни. Но рабочие места — земли, то есть, — изначально захватывались силой. Военские дружины, рыцари, бароны и так далее. Пришли и завладели. Или скупили, или иным образом взяли землю под себя. И закрепили право на эту собственность законом, а гарантом закона были мечи твоих воинов или палач, исполнявший приговор королевского

(герцогского, маркграфского) суда. Но: отдававший часть продукта феодалу, крестьянин получал в пользование землю, с которой кормился и сам. Жилище, орудия труда — могли быть свои, могли арендоваться, варианты существовали разные.

Капиталист построил завод и ввел свободный найм. Заходишь — и получаешь все, нужное для работы. Вышел — живи где хочешь: вот тебе заработок, и заботься о себе полностью сам.

Что мы видим? Что по мере развития цивилизации эксплуататор сбрасывал с себя все заботы о работнике. Получи свои деньги и не морочь мне голову жильем и едой. Но свободнее становился и работник: уйду от тебя к черту куда хочу, много вас кровососов в моем труде нуждается.

Почему стала возможной основа эксплуатации — прибавочный продукт? Потому что кто-то придумал не охотиться на животных, а одомашнивать и пасти. Кто-то придумал не собирать дикие колосья — а высадить зерна и дожидаться урожая. А еще раньше кто-то придумал мясо жарить, а зерно размалывать в муку и печь хлеб. Неизвестные гении изобрели соху и плуг, колесо и телегу. Неизвестные гении додумались делать из глины кирпичи и обжигать их, строить стены и рыть каналы для орошения. И только в результате этих гениальных изобретений мог возникнуть и процвести рабовладельческий строй.

А что делали с рабами до рабовладельческого строя? А пленных убивали. И часто ели. (Могли и позднее вырезать город под корень, но это уже было сочетание бойцового зверства с глупой бесхозяйственностью.)

Явствует очевидное: без интеллектуальной, информационной, технологической составляющей — нет прибавочного продукта. Нет эксплуатации. А вместе с ними нет прогресса, гуманизма, и длинный ряд далее.

Крестьянин при феодализме тысячу лет пользовался тем же инвентарем и упряжным скотом. Но он был свободнее раба, производительность его была выше, и он

отдавал эксплуататору-феодалу меньшую долю прибавочного продукта. Это плюс. Однако с крахом рабовладельческого строя рухнула и исчезла великая античная культура. Искусства и науки, ремесла и коммунальные сооружения — все исчезло и забылось на тысячу лет. М-да, это минус.

Рабский труд — и великая античная цивилизация: единство и борьба противоположностей (прости, старый учебник). Нет рабов — нет цивилизации: дикость и варварство вернулись!..

Плата за победу и освобождение эксплуатируемых — развал и нищета; это называется «период реформ». Без этого периода вперед не перескочишь, к новому подъему не перейдешь. Светлого феодализма не построишь: работягам посытнее и свободнее, эксплуататоры же сплошь неграмотные головорезы. Но — пропасть между принцами и нищими стала мельче.

Мануфактуры и ремесла, оружейники и механики, торговцы и мореплаватели — прикончат феодализм. Технический прогресс его прикончил, ученые и изобретатели; новые технологии порождали новые возможности. И — «овцы съели людей», а на место окультурившихся за века аристократов пришли торгаши. Рыцарская мораль заменилась торгашеской. Прибыль вместо доблести. Труд вместо битвы. Расчет вместо романтики.

А дальше был капитализм и появление классической экономики.

При этом. Капитализм не мог возникнуть раньше, чем кто-то изобрел горнорудное производство и создал металлургию. Появилась паровая машина и разнообразные станки. И прочее, прочее, прочее.

Без интеллектуальной составляющей прогресс не существует. Без гениев, первооткрывателей и изобретателей, рационализаторов и организаторов — не будет никакого прибавочного продукта и никакой цивилизации.

Технический работник, рядовой исполнитель, раб — легко заменяем любым другим. Интеллектуал, изобрета-

тель и открыватель — уникален, единичен и незаменим. Второй родится — но не скоро, не здесь, и будет так же уникален.

Тысячи и миллионы рядовых работников — дают количественное производство продукта. Гении — дают его качественное изменение: и возможность производить его в небывалых ранее количествах.

Работники есть биотехническая масса цивилизации. На периферии этой массы иногда появляются гении — и тогда рабочая масса изменяет свою конфигурацию и характер своего труда.

Когда-то, в глубине тысячелетий, навсегда неизвестные гении жили обычной жизнью своих племен и народов. Кто научился первым добывать огонь, кто отщепил острую пластину камня, кто изобрел лук, колесо, пращу? Специализации профессий в доисторические времена не было.

А в рабовладельческих цивилизациях уже были инженеры, администраторы, писцы. Крайне ценные специалисты и важные персоны. Без них и рабы были бы не нужны — делать им нечего, занятия им не придумать. Копать, строить, пахать и жать, выламывать камень и делать кирпич — для всего вначале нужна была информация, технологии, организация всего трудового процесса.

К началу! Возвращаемся!

Прибавочный продукт, произведенный рабами — отнимался на роскошь господствующей прослойки. Дворцы с бассейнами, пиры с винами и деликатесами, дорогие ткани и прокорм многочисленных слуг.

Но еще продукт сей злосчастный прибавочный шел на содержание армии и всего чиновного аппарата — а без этого все рухнет. На содержание государства шел продукт!

И еще — на искусства: кормили придворных поэтов и певцов с музыкантами, расписывающих стены художников и проектирующих здания архитекторов. На церковь шел продукт, в смысле на весь аппарат религии

с храмами и жрецами — а без устойчивой религии народ смущен, дух его шаток и государство непрочное.

Но главное сейчас для нас: наука содержалась в сытости. Не только астрономы, не говоря о философах. Математики, механики, открыватели законов и создатели правил — судостроения, градостроения, орошения, металлургии.

Тяга к роскоши и траты на нее — это психологический стимул элиты государства: пусть рабов будет много, и они много и продуктивно работают, чтоб нам было шикарно. А развитие наук и ремесел — это объективное стремление цивилизации к накоплению благ, наращиванию производств и продуцированию информации, ко все большему расширению информационного поля.

Раб кормит интеллектуала. Интеллектуал дает рабу возможность выжить, есть-пить. А нередко и кое-где — в свой срок стать свободным, подняться, выбиться в люди.

Прибавочный продукт возникает в две стадии: сначала гений придумал, как получать его с раба, как создать такие возможности. А уже потом раб работает и кормит гения, но вместе с ним — чертову прорву народа.

А можно ли убрать «всех лишних», так сказать? Чтоб раб не кормил паразитов? Владельцев и прочих милитаристов и певцов попсы?

Нельзя. Хоть плачьте, хоть расстреливайте: нельзя! Чтобы появился гений — нужно очень много людей, мал процент сильно умных-то. Дети этого гения вряд ли будут такими же.

И нарисовался у нас антигуманный вывод:

ЭКСПЛУАТАЦИЯ — ОСНОВА РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Теперь — детальнее:

Мы называем эксплуатацией только такой отъем прибавочного продукта, когда сей отнятый продукт превращается в роскошь для социальных паразитов. А так-

же обогащает конкретных личностей, создавших такие условия, такие производства, что работяги вынуждены отдавать им часть продукта — таковы условия найма и законы государства.

Ну — а кто платит ученым и учителям, конструкторам и инженерам? Капиталисты? С каких денег? А что у работяг отняли.

А армия, полиция, суды, коммунальные работы? С налогов оплачивается. Государственные расходы. А кто налоги платит? Да в основном те же капиталисты. Деньгами, отнятыми и своих работяг.

Но тогда мы обязаны разделить эксплуатацию на два потока (оборот некорректен, но смысл точен). Одна часть — капиталист отнял и проел, пропил, прогулял, потратил на барахло. Кстати — часть отнятого труда работяг пошла через капиталиста на оплату виноделов, коннозаводчиков, архитекторов особняков и музыкантов — всей той культурной и ремесленной сферы, которая обслуживает капиталиста и паразита. Вот здесь — эксплуатация в чистом виде: пролетарий ничего не потребил за свои отнятые деньги. И здесь же — паразиты: наследники, рантье, акционеры. Ничего не делают, а жрут много.

А вторая отнятая часть труда — идет на армию, администрацию, дорожников и градостроителей, полицию и почту. На существование государства, без которого — не будет порядка и не будет работы, потому что вольные разбойники разграбят всю собственность, и нет уже смысла в заводе и зарботке — капиталисты сбежали, работяги обнищали, все одичали.

Третья же часть идет на труд какой-то виртуальный, иллюзорный, пролетариям не понятный и считаемый формой битья баклуш. Все ученые и изобретатели, художники и писатели — кушают крестьянский хлеб, носят пролетарские штаны и целыми днями занимаются фигней. Это — мозг и чувства цивилизации, фермент ее роста. Серой скотинке, как выражались белогвардейцы в советских романах, этого не понять.

Ай-яй-яй! Мы чуть не упустили еще одну часть. Организаторы и руководители производства. Это может быть сам капиталист, а могут быть высокооплачиваемые наемные менеджеры. Плата хорошему топ-менеджеру очень велика. И все это руководство производством — длинно и в рифму — тоже оплачивается прибавочным продуктом, произведенным работягой. Но уж здесь-то — фигу! Это все равно что назвать мозг нахлебником рук и желудка. Нет руководства — нет у вас никакого завода, работы и заработка, ступайте крапиву варить и милостыню просить.

Деление населения на пролетариев и остальных — это деление организма на руки как гегемон и остальные части тела как буржуазию. Мечта создать рукожопый организм, который сам себе голова. (И опыты ставились!) Неспособность видеть объект в неразъемной сложности и противоречии его частей. Грубо говоря — глупость.

Элементарная вещь:

Если завтра исчезнут все крестьяне и городские пролетарии — послезавтра они заменятся людьми других слоев и профессий. Временные накладки и сбои при вхождении в тему, обучение, да, но — все устоит. С передрыгами и потерями — но устоит и через поколение восстановится.

Если завтра исчезнут все интеллектуалы, люди науки, искусства, культуры, военные стратеги и менеджеры-организаторы — хана вам всем. Новое средневековье. Читать разучитесь! Все скоро развалится — слишком сложна нынешняя цивилизация.

Так что конечно: крестьянский хлеб и пролетарский инвентарь-одежда есть базовый, фундаментный уровень цивилизации. Но — его производители не есть соль земли, а лишь наименее квалифицированная часть из всех трудящихся, обеспечивающих существование этой цивилизации.

А теперь — к делу: как будем освобождать трудящихся от эксплуатации?

Способ первый: от каждого по способностям — каж-

дому по труду. Поздравляю! Тогда больных, инвалидов и стариков должны содержать исключительно родственники. А изобретатель паровой машины, бульдозера, экскаватора, пулемета и самолета — должны быть мульти-миллиардерами. Их вклад вашему не чета: до сих пор бы ходили пешком с лопатой, ею и сражались.

Способ второй: зарплату отрегулировать — всем поровнее. Но тогда вы эксплуатируете гениев! Вы отбираете у них большую часть продукта, произведенного вследствие их великого умственного труда! Ибо труд мерится полезным результатом, а не усталостью толпы землекопов.

Способ третий, испытанный — развитой социализм. Плановая экономика. Тарифная сетка зарплаты. Общественная собственность на средства производства. И — никакой эксплуатации. Завод, больница, конструкторское бюро — все наше, общее. И труд общий. Средний доцент и средний конструктор получают больше среднего работника вдвое — мы ценим их ум.

Теоретически и марксистски он должен перерасти в четвертый способ — коммунистический. От каждого по способностям — каждому по потребностям. Этот миазм расслабленного мозга можно было бы вообще не упоминать в силу семантической неадекватности. Бредовости, грубо говоря. Ибо потребность принципиально и всегда опережает наличность, как идеал опережает реальность. Опережение — это имманентное качество потребности. В погоне за удовлетворением потребностей у президента Путина 20 (двадцать) шикарных дворцов-резиденций (на 2020 год от Рождества Христова). Удовлетворения потребностей ради человечество уже 10 000 (десять тысяч) лет все изобретает, производит и потребляет в угрожающе растущих количествах. Уже пять комнат на двоих и машина на каждого — а им все еще чего-то надо, прорвам ненасытным! А если вы воззовете к сознательности и потребности ограничите — так не фиг было о них и разговор заводить. Тема это философская, но, с другой стороны, не сложная. В узком же

смысле — насчет потребностей в обществе изобилия — это материал для психологии и социальной психологии, место экономики здесь в третьем ряду у прохода. Невзирая на. Не слушая, то есть, скандирования идиотов.

Да, так что мы дальше делать будем, на светлом пути к отмене эксплуатации и построению социализма? Паразитов ликвидируем как класс. Капиталист, в самом крайнем случае, может трудиться директором своего завода на зарплате.

А все, что работник не тратит на себя — на еду, одежду, отпуск, мелкие свои развлечения, машину (у кого есть) и дачу (шесть соток) — социалистическое государство у него отчуждает. Но! Этот прибавочный продукт идет не эксплуататору на ванну из шампанского! А на санатории и школы, больницы и институты, строительство новых городов и комбинатов, на театры и киностудии. И это все для трудящихся — уже бесплатно.

Что значит — «бесплатно»? Это значит, что за них уже заплатили все трудящиеся сообща; а на что пошли их деньги — их не спрашивали.

И вот здесь получается страшная хрень. Социалистический трудящийся получает в свое пользование меньшую долю своего труда, чем капиталистический. Это как?.. И зарплатой на руки, и вместе с больницами и университетами бесплатными — все равно меньше.

Это как? Родное социалистическое государство отбирает у него больше продукта, чем капиталист?!

Да, больше.

Первая причина: государственное планирование социалистической экономики требует огромного количества чиновников. По закону открытых систем — любая чиновничья структура, как и все системы, стремится к росту. Чиновников разводятся тучи, и все на зарплате. На шею работяги-производителя то есть.

Вторая причина: социалистическое общегосударственное планирование, как любая открытая система с нарушением обратной связи, производит массу ненужного и низкокачественного, и не производит массу нуж-

ного. Таким образом, часть труда рабочего, отчуждаемая государством, идет сразу на помойку. Новые штаны, отвисев срок в магазине — во вторсырье, новые книги, отстояв срок в магазине — в макулатуру.

Третья причина: в силу недостатков государственного планирования, ибо все учесть невозможно, часть произведенного продукта погибает без толку. Не хватает складов, не хватает транспорта, не успели переработать слишком большой запас сырья — набрали с избытком, страхуясь от нехватки в будущем. Не вывезли сваленный лес, не успели убрать урожай, посеяли раньше срока в мерзлую грязь, ибо райком партии подгоняет: план по севу давай! — ну и не взойдет ни хрена.

Четвертая причина: дефицит. Качественных и нужных вещей, как хорошие штаны и хорошие книги, не хватает. А деньги с зарплаты на них отложены. Омертвленные деньги — это не деньги, это фантики. Ты их не съешь и не наденешь. Денежные знаки, которые ты не отоварил по причине отсутствия продукта — это фикция, крашенный воздух. Реально за свой труд, выраженный в непотраченных деньгах, ты ничего не получил. Никаких товаров. А произвел-то ты на работе не деньги, а продукт! Значит, еще часть продукта государство у тебя забрало в свою пользу — а тебе взамен ничего.

Суммируем. Верховные чиновники получают много денег, а еще больше бесплатных благ: квартиры элитные, дачи элитные, машины представительского класса, костюмы из дорогой ткани от лучших портных, автомобили представительского класса. А к ним прилагаются прислуга и охрана, весьма многочисленные.

Туда же — огромный аппарат госбезопасности.

Гигантский военно-промышленный комплекс. А танк ты не съешь, в пулеметную ленту не оденешься, в самолете жить не станешь.

Армия и флот. Два единственных друга Советского Союза. И тех вечно лихорадило. Но аппетит имели зверский, прорвы!

Таким образом, производство товаров группы Б, то-

варов то есть «народного потребления» (не путать с «правительственным потреблением») финансировалось по остаточному принципу. Все, что оставалось от функционеров административно-командной системы, правоохранительных и родственных им органов, гигантского милитаристского монстра, и еще вычтешь все потери от бесхозяйственности.

Так могли ли рабочие и крестьяне достойно кормить и одевать эти 240 миллионов исполнителей планов очередного съезда КПСС? Им бы спасибо сказать за заботу! А народ матерился... твари.

(Кратко: по уровню ВВП брежневский СССР находился на 2 месте в мире, уж как там это считали, — но по жизненному уровню — на 26. Согласно официальной статистике. Как же так?.. А вот так.)

Пересчитаем раны и трофеи. В СССР было прекрасное образование, высшее и особенно среднее. Бесплатно. И общаги без проблем. И стипендии, хоть и маленькие, почти всем. И бесплатная медицина. Не фонтан, но всяко лучше для народа, чем ужас РосФедерации-2020. И санатории и дома отдыха, куда всем не попасть, но многие простые работяги, особенно больные и нуждающиеся, ездили туда по многу раз.

Ну, летом и на праздники билетов на поезд и самолет не бывало. В гостиницу попасть было невозможно. В ресторан тоже, толпы перед входом — обычное дело вечером.

Молодой специалист получал 100 рублей, нормальный пенсионер (не колхозник) — 120–132, инженер 160, нормальный работяга 200.

И вот, считая зарплату плюс все бесплатные блага, работник получал меньшую долю произведенного продукта, чем на современном ему Западе. При капитализме. Считая платное образование (не для всех), платную медицину (большинство пользуется страховой медициной), меньший отпуск декретный и ежегодный оплачиваемый. И дорогую аренду жилья. Вот — список всех, пожалуй, расходов при проклятом капитализме. И это

бывают неподъемные для некоторых расходы! Но поднимают. И живут.

То есть. Практика, которая критерий истины. Говорит, что. У спрутов и держиморд капитализма — организация труда эффективнее, производительность выше, зарплаты в денежном исчислении выше. Так при этом — еще и коэффициент эксплуатации ниже!

Коэффициент эксплуатации — это какую часть произведенного продукта от тебя отчуждает работодатель. Будь то капиталист или государство. И эта доля к тебе уже не возвращается, на тебя не расходуетя, ни через санатории, ни через образование.

Еще раз:

СТЕПЕНЬ ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРУДЯЩЕГОСЯ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ ВЫШЕ, ЧЕМ ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ

При социализме нет миллиардеров и явных паразитов — да, и это хорошо. Но при социализме масса продукта идет на помойку, а также на военные и политические расходы, о которых работяги не просили! А их не спрашивали.

Социалистическое государство — жестокий эксплуататор. А весь нехитрый пропагандистский фокус заключается в том, что отнимая часть денег у всех — часть этой части государство расходует на учащихся и больных, внушая всем, что это «бесплатно» и огромное облегчение. То есть: твоими деньгами распорядились без твоего спроса: вынули из твоего кармана, часть оставили себе, часть пустили на содержание школы, и внушают, что ты должен быть благодарен за «бесплатное». Секрет в том, что большинство людей очень глупы и слова принимают за дела.

Каждый, кто жил в социалистическом государстве, отлично знает, что «народ» не имеет ни малейшего влияния на происходящее в стране. Все решает верхушка, реально осуществляющая диктатуру: верхняя полусотня властителей. Вот и деньги эта власть перераспределяет по своему усмотрению.

А власть — это те, кто распоряжается, кому вручены бразды правления. И они тут же проникаются особенным, властным, мировоззрением и интересом до жизни.

А социализм как агрессивная политическая доктрина хочет все деньги пустить на усиление себя, здесь и везде, во всех смыслах. При социализме всегда надо потерпеть сегодня, чтобы было хорошо завтра: победим врагов, или создадим материально-техническую базу, или воспитаем нового человека, или изживем имеющиеся недостатки.

И не смей спрашивать, почему при капитализме рабочий богаче.

ЭКСПЛУАТАЦИЯ И ПРОГРЕСС

Давайте по-простому:

Если древнеегипетских рабов спросить: «Вы что хотите — быть рабами, добывать на солнцепеке камень в каменоломнях, волоочь его далеко, строить храмы и пирамиды, пахать хозяйскую землю и ухаживать за его скотом от зари до зари, жить скудно и питаться впроголодь — зато будет Великий Египет, науки и искусства. Или — работать только на себя и свое благо: вот твоё поле, вот твои быки и овцы, на пропитание заработал, жильё получше соорудил — и отдыхаешь на берегу Нила в тени пальмы, пьешь ячменное пиво и ешь ячменную лепешку. Что ты выбираешь?» У вас есть сомнения в ответе раба?

Всеобщая сытость и человеческая справедливость оказываются противопоставлены прогрессу.

Теперь спросите у крепостного крестьянина, хочет ли он работать на феодала? Сейчас! Он мечтает разорвать на части своего феодала, дочерей изнасиловать, замок сжечь, имущество разграбить. Что иногда и происходило. А хотят крестьяне жить свободно и работать на себя. А как же прекрасные замки и дворцы? И кстати: музыканты и композиторы с их музыкой, художники с картинами и ученые с непонятными размышлениями и бессмысленными опытами — они же все живут на деньги, которые через руки феодалов притекли к ним от

крестьян, рабочих, создающих все изначальные ценности: хлеб, мясо, вино, ткани и кожи. Хотят ли крестьяне ишачить от темна до темна, чтоб на их поте расцвела культура Средневековья и вершился Прогресс?

И третий вопрос, злой и риторический, обращен к пролетариям, которым нечего терять, кроме своих цепей: согласны ли ишачить, вкалывать, выматывать все силы работой на капиталиста — что капиталист, присваивая их прибавочный труд, превращал его ради своих прихотей и тщеславия в университеты и железные дороги, оплату физиков и химиков, картины и симфонии, чудеса архитектуры и градостроения? Основа-то всего — труд пролетария-производителя! Станет ли по доброй воле пролетарий оплачивать их экипажи-скачки-рауты-воляжи? Полотна Тернера, патенты Эдисона и романы Диккенса? О нет, пролетарий переполнен священной и праведной классовой ненавистью, он разрушит этот мир до основания, а затем!..

А вот теперь — поговорим о «затем»:

В основе развития цивилизации тысячелетиями лежал отъем прибавочного продукта у угнетенного большинства и превращение этого продукта в излишние для простого выживания ценности, определяемые правящим меньшинством. Это меньшинство было эксплуататорским — но одновременно двигало прогресс, культуру, науку и технику, искусства и вообще цивилизацию.

КОНЦЕНТРАЦИЯ БОГАТСТВА И ЕГО ИНВЕСТИРОВАНИЕ В ПРОГРЕСС

— вот экономическая сущность истории. Как просто, да? Можно сказать «инвестирование общественного богатства». А можно «принудительное инвестирование богатства». А можно и так:

«Отъем и инвестирование прибавочного продукта в прогресс».

Что же будет, когда исполнится мечта человечества: государство отомрет, образуется общество всеобщей свободы, справедливости и равенства, и общественно

полезный труд станет потребностью гармоничного человека? И у всех будет всего вдоволь. И каждый будет получать по своим потребностям — то есть потребности каждого будут удовлетворены.

На рассмотрении примера Древнего Египта мы видим, что потребности всех могли быть удовлетворены еще тогда. Жилье, пища, одежда. В праздник — выпить и повеселиться. А дворец фараона и его драгоценности — это тоже потребность? Дворцы всем — невозможны. Значит — никому?

И феодализм мог прекрасно удовлетворить потребности всех. У феодалов, а также купцов — все отнять и поделить поровну. И все бы отлично прожили! Сыты, одеты, крыша над головой. Ну, Америку бы не открыли, так и хрен с ней, индейцам спокойней будет.

Про капитализм вообще все понятно. Обобществить. И уестествить!

И вот при, условно говоря, коммунизме — никакой эксплуатации, никакого насилия, идеал демократии: собрались, посоветовались, сами решили, сами сделали. Государства нет, насилия нет, общего котла, куда все всё кладут, а потом берут по потребности... тоже нет? Или есть? А кто за ним следит? Кто-то присматривает, считает приход и расход? А законы — есть? Так что — государство все-таки есть? Ну, эти бессмысленные споры мы оставим анархо-коммунистам с анархо-синдикалистами и просто коммунистами.

А мы все-таки посмотрим и спросим:

Множество равноправных и свободных производителей — собрались и свободно решают: что мы будем потреблять сами — а что потратим на космонавтику? Космонавтика — дорогое удовольствие: можно каждому купить по автомобилю, новому айфону и ведру черной икры. Один говорит: у меня нет потребности в машине и икре. А другой говорит: а у меня потребность на три машины и бочку икры. А третий заявляет: а у меня вообще ни малейшей потребности в космонавтике нет, мне ваш Марс по фигу.

Вы их воспитаете такими гармоничными, что они, все с IQ 200, ощутят потребность в космонавтике больше, чем в икре? Или вы у них потребность в икре отобьете вместе с внутренними органами для ее усвоения?

Смотрите: вот меняется мода на автомобили и одежду. Согласен ли человек ходить в одежде, добротной и чистой, но вышедшей из моды двадцать лет назад, и ездить на исправном автомобиле своего дедушки, если винтаж не в моде? Кстати — мыслитель, ученый, художник, эдакий элитный маргинал — согласятся: они выше этой фигни могут быть. А рядовые люди — вряд ли.

Вы хотите воспитать людей в духе минимализма — чтоб не было у них потребности иметь больше, чем необходимо? Тогда вам — к древнеегипетским рабам из начала этой короткой главы. Согласен: это прекрасный способ — ограничить людские потребности минимумом даже на уровне желаний и воображений. Тогда коммунизм можно объявлять завтра с девяти утра. Но... это противоречит людской природе — вполне ясно явившей себя во всей истории цивилизации.

Итак: битва потребностей личных — не с общественными, а с цивилизационными, нужными непонятно кому: с дворцами и музеями, космическими кораблями и математическими не то институтами, не то обществами, с расходами на археологию и изучение жучков с мошками. Поднимите правую руку к груди и прижмите ладонью к сердцу: вы предпочтете дорогую поездку в Париж — или дать деньги на дальнейшее изучение проблем фотосинтеза?

В любом государстве присутствует элемент меритократии (власти лучших то бишь, пардон). Даже кровавый завоеватель и деспот Тимур-ленг заботился о строительстве прекрасных зданий в любимом Самарканде. Даже на стадии паразитирования римские богачи эпохи упадка стимулировали развитие архитектуры, медицины, коммунальных благоустройств.

Но. Как только деспотия рушилась, элемент жестокого принуждения исчезал — так цивилизация ветшала

и рушилась, города и страны приходили в запустение, науки и ремесла деградировали. И лишь спустя много веков следовал новый подъем — не везде и не всегда (полюбуйтесь на Великое Двуречье сегодня).

Так будет ли счастливый человек будущего добровольно отчуждать свой прибавочный продукт ради инвестиции его в то дело, где не видит никакой выгоды для себя? Более того: и смысла не видит. Будет ли он кормить и одевать «современного художника» за его примитивную пачкотню? Математика — за доказательство теоремы, о которой он слыхом не слыхивал, и не понимает, зачем она вообще нужна? Захочет ли оплачивать строительство огромного небоскреба в далеком городе, каковой небоскреб ему на фиг не сдался?

Вы можете возразить: уровень машинного производства будет так высок, что прокормить и одеть всех будет легко и просто, а люди станут трудиться на общих стройках и производствах из самой потребности в труде.

Не совсем. Когда люди не вынуждены необходимостью к труду ради содержания себя — подавляющее большинство деградирует и вымирает. Такова была деградация еще римской элиты, затем средневекового дворянства, затем потомков классического капитализма, ставших рантье. Наркотики, все формы эскейпизма, разврат, бунты ради бунтов и выпуска пара. Но мы отклоняемся от предмета.

Все известные нам свободные самоуправляющиеся сообщества — казаки, обитатели новгородских земель (затем — Русского Севера) — были вписаны в свою экологическую и социальную нишу. Цивилизацию они не двигали никак.

...Мы движемся к весьма страшному будущему, и уже прошли немалую часть пути. Все белые народы вымирают, демографическая катастрофа уже происходит: уровень жизни высокий — рождаемость низкая. Экономическая необходимость и полезность среднестатистического человека развитого Запада все ниже: можно не работать и кушать-одеваться. Качество населения

меняется со страшной скоростью: мусульмане вместо христиан, негры и арбы вместо европейцев, наглые бездельники вместо работающих лояльных граждан. Границы между государствами стираются, идентичность народов растворяется насильно и жестоко.

Кто останется в мире через сто лет — а вероятнее что пятьдесят? Кочевая элита, специалисты по компьютерам и машинам всех видов, обслуживающий эти две группы персонал. Остальные — плебс — будет деградировать и вымирать. Элита через рекламу и пропаганду будет промывать им мозги, формировать взгляды и потребности — и их же удовлетворять.

Это — в реальности.

А в коммунистической утопии, которая базируется не на научных фактах, а на моральных максимах и допущениях, аморфное стадо свободных сознательных производителей — само, без интеллектуальной элиты и административного управления, даже не сможет отличить нужного ей от не нужного, потребного от не потребного.

Потребности человека, по удовлетворении базовых физиологических и базовых социальных, всегда имеют опережающий характер. Потребность — это идеал владения, свершения и потребления, ну а идеал, как всем сколько-то разумным людям понятно, это не точка на карте, а указатель направления движения.

Раздробив и растерев государство в человеческий песок, ликвидировав аппарат отъема и инвестиций прибавочного продукта, и одновременно — убрав аппарат определения, куда вкладывать — мы прекращаем историческое движение и размазываемся пятном в историческом пространстве.

К счастью, хоть это невозможно.

ПОСТСКРИПТУМ. Развитие цивилизации определял креативный и правящий класс. Сотрудничество самых сильных, властолюбивых, эгоистичных и жадных — и самых умных, любопытных, авантюристичных, талантливых. Первые организовывали людей под собой, подчиняли своим целям и отбирали прибавочный продукт.

Вторые — получали из рук первых часть этого продукта и превращали в изобретения, открытия земель, науки и искусства, строительство и ремесла. Эти классы формировались по принципам энергии, силы, ума, предприимчивости, храбрости, любопытства.

То есть: физическая и психическая энергия, способность переформатировать реальность на материально-энергетическом уровне и на информационном. Класс реализаторов и класс информаторов. Правители финансировали творцов, творцы обогащали правителей — но одновременно и вместе они как результат обогащали человечество и двигали Цивилизацию.

Всегда и везде эти два класса, определенные Природой (не без влияния случая и условий, разумеется), составляли элиту всех обществ. Их привилегии и полномочия определялись их качествами — и только во-вторых подтверждались законами и силой государства, которое они создавали под себя.

Если уравнивать их в правах и возможностях с большинством, работниками, производителями, и по принципу «один человек — один голос» решать все общие вопросы — принятие лучшего варианта исключается.

Что значит «лучшего»? Сегодня — египетскому рабу лучше оставить весь произведенный продукт для личного потребления. Через месяц раба зарежут или угонят завоеватели, и ему будет хуже. Через пять тысяч лет его потомки останутся такими же рабами или, в счастливом случае, рабовладельцами. Но современными людьми XXI они не станут никогда.

Благо одного и благо общества в конкретные моменты могут сильно расходиться. Солдат погиб — страна победила. Для того, чтобы постоянно, в обычных жизненных обстоятельствах, принимать решения именно ко благу всего общества, которые будут невыгодны личности сегодня, но очень выгодны завтра, необходимо масштабное мышление, которым масса не может обладать. Но и без теорий, без философии истории — можно следовать объективным законным Природы. Ибо Природа

движется именно в этом направлении. Осуществляя себя — на социальном уровне — через мысли, желания и поступки тех и именно тех, кто сумел провести свои решения в жизнь, навязать их другим. То есть — через сильных и умных.

Сильные и умные — это как пастух и головка из десятка козлов в двухтысячном бараньем гурте: она идет куда надо, а остальные следом. Но одновременно те, кто направляет стадо — обеспечивают все более обильные пастбища и водопои. Хотя это кончается мяскокомбинатом для некоторых и стоит утомительных переходов всем остальным. Правда, со временем преобладают вегетарианские вкусы.

СОБСТВЕННОСТЬ И СОЦИАЛИЗМ

Сначала оговорим, что мы понимаем под словом «собственность» здесь и сейчас — в отличие от громоздкой казуистики академических формулировок:

Собственность — это объект или совокупность объектов, находящихся в полном распоряжении субъекта, который может делать с ними что угодно: извлекать пользу любым способом, дарить, уничтожать, видоизменять и так далее. Дом, машина, нож, завод, бутерброд. Собственность изначально защищена и обеспечена силой субъекта-владельца, а с развитием цивилизации — силой группы: договорным законом.

К собственности материальной в новое время прибавилась собственность информационная, интеллектуальная. Патентное право и т.п.

(А вот все определения собственности как систем экономических и юридических отношений к вещи, являющейся объектом собственности и т.п. — мы сейчас опустим. Это внутринаучные, изначально профессионально-теоретические вспомогательные формулировки, без которых мировая экономика прекрасно обходилась все тысячи лет, и на практике прекрасно обходится дальше. Ни Форда, ни Ротшильда, ни Билла Гейтса эти плетеные фразы никогда не интересовали.)

Так вот. Любой организм — это открытая система. Он может существовать только во взаимной связи

с окружающей средой. Из нее он получает информацию и энергию, выживает и питается то есть. И в нее выделяет отходы своей жизнедеятельности.

Строго говоря — организм больше себя самого. Он составляет единое целое с ближайшим пространством своего обитания, своего функционирования. Жизнь — это взаимообмен энергией организма и окружающей среды. Есть собственно организм — и его внешний слой, наружный каркас. Вынутый из этого каркаса — воздух, вода, пища, свет, пространство, убежище — организм гибнет.

Мышь роет норку и делает в ней кладовую припасов на черный день. И это — ее собственность. Она сама нашла это место, сама вырыла, сама натаскала еды. Здесь она укрывается от врагов и выводит детенышей. Нора ей жизненно необходима. То же относится ко всем норным — хомяку, суслику, барсуку и так далее. И свою нору они будут защищать! — если сил хватит, а от сильного захватчика приходится сбегать и начинать все снова.

Птица охраняет и защищает свое гнездо: без этого не быть ее потомству, оно жизненно необходимо; забавно было бы присовокупить, что она вложила в его создание свой труд, даже в скворечник травинок и пушинок натаскала.

Любой хищник, будь то одиночка-медведь, волчья стая или львиный прайд, жестоко охраняет свою территорию: без нее он не прокормится, погибнет. С врагами сражаются: изгнать — или он стонит тебя. У хищных птиц тоже свои участки, кстати.

Свои участки у обезьяньих стай. Чужака — выгнать или убить.

То же у первобытных племен, белые застали это у австралийских аборигенов и африканцев: чужих убить, свою землю беречь и расширять по возможности. Первые поколения колонистов в Америке не могли понять, что индейскому племени нужна для жизни территория в 15–20 кв. км. на одного человека — иначе охотой и собирательством не прокормиться! Земля — это твоя жизнь, отдавать ее нельзя!

Жилище и окружающее его пространство — это необходимое условие жизни особи.

**ПЕРВИЧНАЯ ФОРМА СОБСТВЕННОСТИ —
ЭТО ЖИЛИЩЕ И ОКРУЖАЮЩЕЕ ЕГО
ПРОСТРАНСТВО, НЕОБХОДИМЫЕ ДЛЯ ВЫЖИВАНИЯ**

И еще одно. Собственность ограничивает мое от чужого — сферу необходимого жизнеобеспечения от посягательств и собственности конкурентов и врагов. Где нет конкурентов, врагов и соседей — там у тебя нет собственности: тебе принадлежит все, что ты видишь и захочешь использовать. На берегу Волги всем воды хватит, но в безводной пустыне драгоценный колодец может быть собственностью семьи, за него сражаются. То есть:

**СОБСТВЕННОСТЬ — ЭТО ОГРАНИЧЕННАЯ
МАТЕРИАЛЬНО-ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ЗОНА
НЕОБХОДИМОГО ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ**

Или — будет правильной и такая формулировка:

**СОБСТВЕННОСТЬ — ЭТО ПРОСТРАНСТВО
ЕДИНСТВА ЧЕЛОВЕКА С ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДОЙ**

— с оговоркой: защищаемое владельцем и ограниченное претензиями и посягательствами конкурентов.

А теперь время поздороваться: здравствуйте, товарищ Фридрих Энгельс! Обезьяна взяла в руки палку, сбила кокос и палку бросила. Э, так она человеком не станет. А вот когда она стала таскать эту полезную палку с собой, беречь ее за удобство, подходящий вес и размер — вот когда палка стала ее собственностью, она сделала первый шаг к очеловечиванию.

Мое жилище и мой участок — это продолжение моего организма. Изначальная собственность — это необходимое продолжение жизненных процессов во внешнее организму пространство.

А орудие труда — это продолжение моего организма в пространстве, необходимое для выживания. Дубина — это продолжение руки.

Украшения дикаря, браслеты и ожерелья из раковин и палочек — это его собственность. Его копье и палица — тоже собственность. В пещере могло обитать много народа, в общем «длинном» доме ирокезов или алгонкинов жило 50—60 человек, но в основном: одна семья — одна хижина. Насколько это семейная собственность, а насколько — главы рода, патриарха, — это уже детали. Общее жилище и земля племени — это коллективная, она же групповая, собственность. А оружие, украшения, одежда — собственность личная, она же тут частная или семейная.

Мы продолжаем рассуждение и приходим к интересным выводам: а как насчет накопления собственности сверх жизненно необходимого? Три обеда не съешь, три шкуры на себя не наденешь. Зачем излишнее? Тогда можно усмотреть: собственность — это страховка жизни, спасение себя и потомства в случае лишений: неурожай, стихийное бедствие, утеря трудоспособности. Запас еды и необходимых вещей — это спасательный плот. И — опа!

НАКОПЛЕНИЕ — ЭТО ИНСТИНКТ

Как жирок на зиму у животных. Да и многие животные делают запасы сверх необходимого, если есть возможность: мало ли что, хватай пока можно.

С точки зрения природной, общей, материально энергетической —

СОБСТВЕННОСТЬ — ЭТО ЭКСПАНСИЯ

Экспансия — свойство любой системы: заполнить окружающее пространство собой, структурировать окружающую материю по своей матрице, или же — захватить максимум окружающего пространства и материи структурами, происходящими и зависящими от твоей деятельности, твоего функционирования. Ряска захватывает пруд, сорняк захватывает окружающую почву, газ захватывает (заполняет) весь свободный объем, слоны при условии беспрепятственного размножения давно заполнили бы собой всю сушу.

Человек захватывает — то есть подчиняет себе, использует в своих интересах, делает зависимыми от своей воли, превращает в продолжение своих действий и тем самым увеличивает свое могущество — все, что может.

СОБСТВЕННОСТЬ — ЭТО ПРОДОЛЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В ПРОСТРАНСТВЕ

И тогда получается:

СОБСТВЕННОСТЬ — ЭТО ЗНАЧИТЕЛЬНОСТЬ.

И более того!! —

ЧЕЛОВЕК ЕСТЬ ТО, ЧЕМ ОН ВЛАДЕЕТ

У него много «добра» — собственности? Значит, он сильный, добычливый, умелый, умный и храбрый. Сумел это найти, сделать, отобрать, накопить, купить, выменять. И сберечь. И не позволить никому отобрать. О! Мы перешли к следующему аспекту собственности — социальному.

Количество собственности определяет твой ранг в социуме. И социальный инстинкт повелевает тебе стремиться к богатству. Ибо богатство — это социальная значимость. Голос богатого больше весит на совете. Богатого больше любят женщины. Он может выбрать лучших самок и оставить больше детей. Ой! —

СОБСТВЕННОСТЬ — ЭТО СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИНСТИНКТА РАЗМНОЖЕНИЯ!

Ну уже понятно, да? Собственность — это власть, могущество, привлекательность. Это большие возможности. Самоутверждение. Возможность влияния на людей и события.

Ну передадим же привет и нашему другу Фридриху Ницше:

**СОБСТВЕННОСТЬ —
ЭТО АСПЕКТ СТРЕМЛЕНИЯ К ВЛАСТИ**

А вот теперь сделаем полный вдох, наберемся наглости и окинем гордым взглядом историю и экономику, и на большее осмелимся — на исторический материализм в разрезе классовой борьбы взглянем — с точки зрения собственности.

Стремясь все больше иметь — человек, и став, собственно, человеком, всегда стремился иметь больше, чем необходимо для простого выживания. Теплая пещера, яркий огонь, вдоволь мяса от хорошей охоты, шкуры для одежды, враги не трогают, мужчин и женщин хватает друг другу — чего тебе еще, царь природы? Нет: ему надо еще и еще, того и другого, пятого и десятого, больше и лучше — и вот уже отдельная комната на семью, свет по щелчку выключателя, вода из крана, еда из магазина на первом этаже и одежда из магазина в соседнем квартале. Никто на тебя не охотится! Работа — не мamenta камнем в лоб бить. И этой твари все мало!

СОБСТВЕННОСТЬ КАК СТИМУЛ ПРОГРЕССА

Пашет как проклятый! Хочет машину и слетать на Багамы, отдельную квартиру и новые джинсы. А жил бы вообще безработным — все равно ведь сытнее, чем вождь их рода в своей пещере!

СОБСТВЕННОСТЬ КАК ЗНАК ОПЕРЕЖАЮЩИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ

И вот это стремление увеличивать собственность — определило возникновение рабства. Я прокормлюсь! Но раб даст мне прибавочный продукт. Который я обменяю на новое копье и зеркало для жены. А вождь сдерет с меня налог на своих ученых шаманов. Мы уже иначе организуем общество, делимся на сословия, повышаем производительность, ученые шаманы изобретают шайтан-арбу и прочие машины... Ну и далее по лестнице прогресса — вплоть до акул капитализма, миллиардеров в развитии государстве.

СОБСТВЕННОСТЬ КАК ДВИГАТЕЛЬ И ПРИЧИНА ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

У вас еще не выступил на лбу пот восторга? Мы поем просто какую-то оду, ораторию поем священной собственности! Капитализм недаром объявил собственность священной — он инстинктом своим уловил, чуйкой своей бизнесменской, что собственность — вот краеугольный камень прогресса и процветания. И тут же бросился создавать умные теории в подтверждение, в поддержку жажды своей наживы неумной.

Но мы против наживы. Мне лишнего не надо, ты мое не отбирай. Мы романтики и идеалисты. Служить надо счастью человечества. Великому делу всеобщей справедливости. Мы понимаем. И стараемся. Ты только мое не отбирай, гад, борец мне нашелся с бедностью, за мой-то счет!

Как вы поняли, мы вплотную приблизились к социализму.

И вопрос очень простой: а как с собственностью при социализме?

Ну, про собственность на средства производства все понятно: только общественная, общенародная. А вот как с собственностью на средства потребления? И — всегда ли можно провести границу: что ты потребляешь — а посредством чего ты производишь? И кто будет пограничником, охраняющим эту границу от посягательств частников-эксплуататоров?

Итак. Завод, фабрика, больница, школа, аэропорт, конструкторское бюро — только общественные. То есть — государственные. Общество организует себе государство для управления своим общим имуществом. И все свои средства производства сдает государству на аутсорсинг, выражаясь по сегодняшней моде.

А предметы личного потребления могут принадлежать личности. Личная собственность. Зубная щетка, трусы, одежда и обувь, жилище и автомобиль.

Заметим. Социализм — это плановая экономика, и по закону нарушения обратной связи в открытой системе она будет производить не столько и отчасти не то: и гражданам будет всегда не хватать желаемой и каче-

ственной личной собственности.

Дефицит неизбежно порождает черный рынок, где можно приобрести нужную вещь по завышенной цене. Таким образом, реальный доход честных граждан уменьшается — прослойка торговцев-спекулянтов появляется — а распределение дефицитных товаров выходит из сферы социалистического распределения в пространство свободного рынка. Возникают хищения на предприятиях, подпольные цеха, подпольная торговля и подпольные миллионеры. Можно их всех посадить. Можно расстрелять. И это применялось много лет! Но в результате рухнул социализм, а не рынок, даже подпольный и задуманный.

В свое время мы, поколение комсомольцев 1960-х годов, глубоко презирали фарцовщиков и торговцев всех мастей, и вообще барахольщиков презирали. Коммунистическое самосознание в нас было воспитано будьте-нате! Увы: как вода размывает плотину в самом слабом месте — так собственность сокрушила социализм через секретарей, директоров, мясников и официантов, таксистов и швейцаров, европейскую косметику и диски западных групп.

Победитель всегда прав. Это иная формулировка тезиса «Практика — критерий истины».

А если я при помощи мастерка и ведра для раствора сложил кому-то печь на даче и взял деньги — это частное производство? Отремонтировал ему машину частным образом? Починил ему крышу? Занимался репетиторством с его детьми — математику им растолковывал? Купил пилу и рубанок и сделал ему табурет — продал за деньги? Список очень длинен.

И вот уже конкретное социалистическое государство решает: разрешить ли частнопредпринимательскую деятельность? А каких видов? А при соблюдении каких условий? А какие предоставить справки — жилплощадь, образование, профессия, основной заработок, техника безопасности, отсутствие судимостей? А какой налог должен платить частник?

Проще — все запретить. Но — тогда будут втихара делать свое. Мимо государства.

Собственность как потребность и инстинкт подгрызает углы и ножки у социализма. Мгновенно использует любые дыры и щели, чтобы воспроизвести себя в нужном виде.

Борясь с частной собственностью — социализм борется с частной инициативой. Блокирует человеческую энергию свободного созидания. Лишает человека свободы — ибо свобода начинается с экономической независимости, а из нее проистекает независимость политическая. Социализм уменьшает доходы человека и общества — ради соблюдения идеологических догм и политических правил.

Стремление к свободе не только слова, печати, шестивий и эмиграций обрушивает в конце концов любой социалистический эксперимент. Но единое стремление — к свободе труда и свободе распоряжаться плодами своего труда. Сам сделаю и сам отвечу. Здесь социализм вступает в неразрешимое, антагонистическое противоречие с психологией человека и мотивационным механизмом его действий.

Собственность и все ее злоключения — наиболее простой и наглядный пример нежизнеспособности социализма.

Скажешь — принеси МОЮ Библию.

Человек — открытая система, он больше себя самого, и присоединять как можно больше окружающего — это инстинкт: быть как можно значительнее.

Инстинкт собственности — это материальная вещественная форма экспансии.

Мой дом, или мой сувенир, или мое государство.

Вопрос всегда — каков уровень разрешенной собственности при социализме? Одежда, еда, книга, ножик?

МОТИВАЦИЯ К ТРУДУ

Труд — он почему и для чего? Чтобы удовлетворить некоторые свои потребности. Потребность в чем-либо как мотивация к труду. Без труда не вытащишь и рыбку из пруда. Ряд теорий мотивации существует давно. Абрама Маслоу (оу, сори, Абрахама Маслоу, оф кос) — самая известная и по-простому основательная. Но у нас здесь свой интерес до дела, мы попробуем сами кое-что определить.

Понятно, что общий и базовый стимул работать — потребность в питье, пище, одежде и жилище. И человек будет работать настолько усердно, чтобы хоть по минимуму себя обеспечить. В сегодняшнем цивилизованном мире (белая культура и азиатские тигры) с голоду не пропадет никто.

А вот дальше — от интенсивности и эффективности труда зависит степень развития страны и уровень жизни народа. На этом полезно остановиться подробнее. Чего ради пахать? И что будет, если осуществится мечта сегодняшних левых: кто не работает — тот все равно ест?

1. Человек — существо энергоизбыточное. Из того цивилизация и поднялась с уровня биологического мира. И делать что-то, придумывать и мастерить, налаживать и совершенствовать, к чему-то прикладывать свои силы — ему потребно. Спорт, игры, путешествия — все

это формы неосновного, недоминирующего приложения энергии. А основная форма — именно труд, во всех и различных своих проявлениях.

Труд — это изменение окружающего мира путем приложения к этому процессу психической и физической энергии человека. А тогда получается:

ТРУД — ЗАКОН ВСЕЛЕННОЙ: ПЕРЕРАБАТЫВАЙ ЭНЕРГИЮ И ИЗМЕНЯЙ МИР

О какое неожиданное прояснение образовалось!

(Но — здесь стоит сделать небольшое примечание: врожденную человеческую склонность к деятельности необходимо с раннего детства пускать в правильное русло. Поощрять, поддерживать нравственно и идеологически, формам труда обучать. Иначе может случиться катастрофа: вырастет бездельник-потребитель, социальный паразит, и энергия его врожденная примет форму хаотического вмешательства во что ни попадя и приобретет характер социально негативный, разрушительный. А вот это люди всегда знали, и звучит это банально до ужаса, если бы не одно «но»: новомодные левые теории настаивают на праве и свободе не работать, если не хочется. А это уже прямой путь к социальной дискриминации и концлагерям.)

2. Труд — не только вынужденная обязанность — но развлечение! Человеку необходимо чем-то занять себя, чтоб было интересно, чтоб было чего добиваться, чтоб вышло из его действий что-то новое, интересное. В человеке заложена потребность в создании новых информационных и энергоматериальных моделей: чегой-нибудь придумать и изладить. Не во всех эта потребность ярко выражена, большинство вяловато. Но из этого большинства и выходят обязательно придумщики, изобретатели, открыватели и фантазеры.

Трудиться — интересно! Увы, не всем и не всегда. Если труд однообразен и примитивен, бросить его нельзя под страхом голода и нищеты, а нагрузка тяжела, — это чистое проклятие. Человеку надо давать дышать.

3. Из этого уже понятен творческий характер труда. В идеале, конечно, в желаемой сердцевине. Иногда. В принципе, вот! (Пашет замученный пролетарий при конвейере, так конечно какое тут творчество: захочет убить хозяина и поделить его добро...)

Идеальный случай — это совпадение работы и хобби. Что относится к людям творческих профессий. Художники, писатели, композиторы — все хотят денег, но работают — из любви, из интереса, хош такой имеют, зудит у них, себя гребят — но добиваются совершенства в творчестве. Таковы же ученые, конструкторы, философы. Не заплатят — да они бесплатно работать согласны, лишь бы воплотить свои идеи!

4. Свобода и самостоятельность! Любой работник, от живописца до токаря, хочет работать так, как ему удобнее, как он считает нужным, как лично у него лучше получается, вот как ему хочется, видится, как комфортнее его душе и телу. Только когда он работает в полном согласии с собственным разумением — труд для него имеет осмысленный и желаемый характер. Насилие над собой как осмысленным и компетентным работником человеку несносно.

Не лезь в его работу, не мешай. Лучший результат он выдаст, если будет хотеть и добиваться сам. Хороший врач сам знает, как лечить, хороший крестьянин сам знает, когда сеять и когда жать, хороший столяр сам знает, какое дерево выбрать и как работать с конкретной древесиной.

5. С этим связана и свобода выбора. Уйду когда хочу и куда хочу. Буду тем, кем сам решу. Приду тогда, когда сам решил. Уже одно чувство свободы, сознание своей свободы — поднимает эмоциональный настрой человека, повышает иммунитет, работоспособность увеличивается: охота пуше неволи!

Свободный лучше мыслит и лучше работает. При этом: приравнивать заставляющий работать голод к государственному закону, запрещающему сменить работу под страхом возврата и жестокого наказания — грубое

жульничество. Можно накопить на скудное житье до следующего заработка, можно просить милостыню, можно уплыть зайцем в Новый Свет, и сознание этой возможности помогает тебе жить. Но если ты — государственный крепостной, за отказ или побег пойдешь в каторгу — это совсем другое дело, верно?

ВОЛЯ ДОРОЖЕ ХЛЕБА

История знает массу тому примеров.

6. Труд как самореализация. Человек должен (запрограммирован, стремится) делать самое большое, на что он способен. Силы его тела и ума направлены на то, чтобы реализовать себя через действия, изменения окружающей среды, мира. Учитель или монтажник, летчик или фермер — он переводит свой жизненный потенциал в дела и вещи окружающего мира. И чем больше, лучше, рациональнее и качественнее он работает и производит — тем полнее он проживает свою жизнь. А вот к этому, к самореализации через дела, человек влечется инстинктивно. Горько сознавать, что твои способности и силы пропадают втуне, что мог бы стать художником, космонавтом, чемпионом, миллиардером — а вот не стал... не то лень было, не то обстоятельства не позволили.

7. Труд как самоутверждение. Через что вообще утверждается человек? Изначально: сила, красота, храбрость, удачливость, ум. И проистекающий из них статус: перворанговый самец. Или самка. Они берут первый кусок, их слово решающее, их побаиваются и уважают. От их способностей и успехов род/племя зависит больше, чем от любых других людей.

Таким образом. Тот, кто делает главное дело лучше других — более способен, энергичен, значителен. Более уважаем. И человек стремится работать не хуже, а лучше других — чтоб быть значительным в своей группе. Он кой-чего стоит, с ним считаются, он крупный кусок закваски, если делает свое дело лучше других. (Модель лучшего охотника племени в эпоху индустриализации и на уровне масс.)

8. Самоуважение. Хороший работник уважает себя за умелость, достаточную силу и достаточный ум, характер и волю: вообще за свою значимость, за уважение других, за то, что он лучше многих прочих, и уж точно не хуже других, справляется с делом. С ним считаются, его мнения спрашивают.

9. Степень социальной иерархии. Самоуважение, самоутверждение — это все аспекты потребности занять как можно более высокую ступень. Это только со стороны кажется, что все рабочие в цеху или солдаты в роте равны. Включается регистр «неформальная табель о рангах». Это форма и казарма у всех одна, или цех и столовая у всех одна, но внутри группа четко ранжирована. Этот солдат — отслужил уже почти весь срок, характер сильный, в глаз заедет мгновенно, ничего не робеет и вынослив, как конь. Лидер роты. А у этого слесаря-сборщика работа идет быстрее, поломки исправит еще и другим, наряды всегда отспорит в свою пользу, в замашках крут, и авторитет его неизмеримо выше прочих работяг: он тут номер первый.

Труд — это не только хорошая эффективная работа. Это еще разные уровни престижа. И если вождь племени — это просто самый крутой и лучший воин (причем харизматичен и неглуп), то директор завода — это высшая ступень заводской социальной иерархии: уборщицы-разнорабочие-квалифицированные рабочие-высококвалифицированные специалисты-бригадиры-мастера-инженеры-начальники цехов-начальники служб-заместители директора-директор. Вот такая многоступенчатая лестница.

Рабочий учится в вечернем институте, становится инженером — и проигрывает в зарплате. Но выигрывает в социальном статусе.

Заработок не связан прямо с социальной иерархией. Особенно на первых порах, когда заводской рабочий или дальнобойщик гораздо зажиточнее студента. Зато на самом веру — решают миллиарды: богатство определяет твой статус. И однако: президент или премьер

в государственной табели о рангах стоят выше миллиардеров!

Чтоб стать врачом в Америке — нужно пройти долгое и очень сложное обучение и еще более тяжелую интернатуру. Зато потом — и заработок, и статус врача высок.

Каждая профессия имеет свою социальную значимость на иерархической лестнице. И стремясь наверх — человек выбирает ту форму труда, которую считает лично для себя наиболее перспективной.

Социальный статус труда.

10. Осмысленность и полезность.

Недаром одной из пыток в концлагерях было перекидывание куч земли заключенными по кругу или ежедневное складывание стенки с ее разборкой в конце дня. Деятельность абсурдная, бессмысленная способна свести с ума. И парикмахер вешается на зеркале, оставив надпись: «Всех не перебреешь».

Человеческая психика связана с мышцами и внутренними органами таким образом, что человек желает делать и может делать хорошо только то, что ему нужно — или просто хочется: интересно, доставляет удовольствие. Это — природный инстинкт. А проявляется он у сложно устроенного человека неоднозначно.

Когда человек работает на прямое самообеспечение — строит свой дом, пашет свое поле, шьет себе одежду — он прямо заинтересован в максимально хорошем результате и работает предельно добросовестно: хорошая работа бывает трудна, но ее качество и результат доставляют удовольствие.

Когда человек работает «на дядю», а труд его нетворческий, монотонный, и результат на благосостоянии работника никак не сказывается — работника надо контролировать и подгонять, не то он тебе такой фигни намастерит, что и выкинуть некуда.

Но. Если работник знает, что от него зависит жизнь и смерть людей, допустим он на оборонном заводе во время войны трудится, а сыновья на фронте — труд его

предельно осмыслен, и добросовестен он будет предельно.

В развитом государстве, с огромной степенью дифференциации производств — работнику потребно знать, что производимые им автомобили, хлеб, костюмы, кирпичи — нужны всем, нам всем нужны, и оно должно быть хорошего качества, и чтоб всем хватило, и не слишком дорого. Он, может, не шибко интеллектуально развит, он, может, таким образом мысли не формулирует, но чувство это присутствует всегда: я работаю нелегко, делаю нужные вещи, приношу пользу людям, я заслуживаю уважения, человек я неплохой, нужный и честный.

А теперь вариант: автомобили делаем говенные, костюмы сидят как на корове седло, дороги разваливаются быстро, а мебель отечественную никто покупать не хочет. Объективные трудности планового хозяйства. Ну и зачем стараться?.. Улучшить невозможно, одни неприятности. Понятно, что производительность и качество будут низкими.

11. Целесообразность. «Если ты не делаешь то, что тебе нравится — пусть тебе нравится то, что ты делаешь.» По принципу «стерпится — слюбится».

Каменщик может строить стену собственной тюрьмы — но если он хороший каменщик и любит свою работу как таковую — он будет класть хорошую стену, ровную и прочную. И работа будет доставлять ему удовольствие сама по себе!

Психике человеческой потребно, чтобы работа делалась максимально хорошо: разумно, рационально, организовано, качественно и эффективно. Даже если эта стена никому не понадобится, машина не будет куплена, костюм никто не наденет, а рассказ никто не напечатает — внутри собственной целесообразности человеку потребно делать дело по уму — логично, профессионально, совершенно.

Иногда это называется перфекционизм. Придают этому явлению расширительное толкование; тем паче

перфекционизм и впрямь иногда приобретает гипертрофированные размеры, требуя невысказанного (уже — измышленного) совершенства и идеала.

В основе же перфекционизма — здоровый инстинкт сделать свое дело максимально хорошо: с минимальными усилиями и максимальной вероятностью настичь и убить добычу, без потерь в своем племени уничтожить врагов поголовно, сделать свою дубину максимально удобной, а жилище — теплым и неприступным.

А также в основе перфекционизма — избыток физической и психической энергии, побуждающий «бессмысленно» украшать узорами предметы, наносить на тело татуировку, расшивать одежду бисером и так далее.

Одновременно! — избыток психической энергии человека есть основа эстетического чувства, способности воспринимать и переживать красоту — как природы, так и рукотворных изделий. То есть, говорю я:

Эстетическое чувство как аспект и сублимация избыточной психической энергии человека — приводит в его стремление целесообразности своего труда и его продуктов.

12. Известный и важнейший стимул — соответствие вознаграждения важности и тяжести труда. Человек устроен так, что за производительный, квалифицированный и добросовестный труд он считает необходимым и правильным получать большее вознаграждение, чем за неэффективный, небрежный и малопродуктивный. Если классному работяге и лентяю будут платить поровну — у работяги пропадет охота работать хорошо.

13. Торжество справедливости. Чувство справедливости могущественно и непобедимо: это инстинкт группового выживания, сформированный миллионами лет групповой жизни. Это чувство диктует: каждый получает кусок в зависимости от своего вклада в общее дело; дети окружаются заботой; старики и больные получают меньший кусок, если еды хватает на всех; вождь получает самый большой кусок, но не такой большой, чтобы обожраться и оставлять недоеденное, когда другие не могут

насытиться. Мера справедливости определяется максимальной пользой всей стаи, ее здоровьем и боеспособностью. Справедливость как распределение благ соответствует оптимальной структуре и иерархии стаи, поддерживая ее в наибольшем могуществе.

Поэтому хороший рабочий должен получать много, плохой — мало, бездельник — выгоняться, босс и владелец — очень много, но разрыв между его доходом и зарплатой работяг не должен разрушать то чувство, что они делают общее дело, он хорошо рулит, организовал и катит все дело, и без него жить будет хуже, чем работая у него.

Человек устроен так, что предпочтет более низкий уровень благ при торжестве справедливости — нежели более высокий при явно несправедливой оплате своего труда по сравнению с другими.

14. Справедливость оплаты связана со статусом: считают тебя достаточно значительным, занимающим достаточно высокую ступень в коллективе, чтобы всерьез считаться с тобой — или пренебрегают, кидая подачку: мол, с тебя и этого хватит. Здесь бунтует социальный инстинкт! Первый в деревне — это большее достижение, чем последний в Риме.

15. Самолюбие и соревновательность. Тот же социальный инстинкт и стремление к своей максимальной значимости лежат в их основе. Быть первым и лучшим в своем деле — не для чего-то, а просто чтобы быть таковым. Это дает признание в глазах окружающих.

16. Ну и формы поощрения за труд очень многообразны, есть масса косвенных. Лучшее место в столовой, фотография на Доске Почета, грамота, орден, благодарность перед строем. То есть: тебе могут не дать вообще никаких благ — но поднять чуть-чуть по лестнице социального престижа: ты такой же, как все — а все-таки выше и значительнее других. Едва ли не первыми это в общем порядке применили римляне: первый воин, взошедший на стену штурмуемой крепости, получал лавровый венок, и так далее.

Итого:

Мотивация первого порядка — физиологическая.

Мотивация второго порядка — психолого-социальная.

... Чем же отличается мотивация к труду при социализме от нее же в обществе свободного предпринимательства?

На уровне декларативном: социализм гарантирует каждому удовлетворение базовых физиологических потребностей — в отличие от «чистого» либерализма, который предоставляет каждому полный диапазон возможностей от несметного богатства до сдохнуть с голоду.

На деле: по достижении определенного уровня материального развития параллельно с расширением демократии — общество свободного предпринимательства обеспечивает своим бедным более высокий уровень потребления, чем социализм.

В результате: социальный паразитизм при двух этих системах принимает разные формы. — Бездельник в развитии капитализме становится профессиональным нахлебником и пребывает в маргинальном слое, морально и социально отделенном от трудящихся. Трудящиеся — трудятся и кормят бездельников.

Бездельник же при социализме — имитирует работу по принципу «не бей лежачего», стараясь получать зарплату с минимальными усилиями. Бездельники и трудящиеся при социализме смешиваются в однородную массу — не везде, не всегда, но как тенденция. Нет смысла работать лучше — тогда тебе повысят план, оставив зарплату прежней. Безработица и иждивенчество при социализме растворяются в рабочей массе и снижают ее общее качество. «Скрытая безработица».

На деле: резкое нивелирование доходов снижает материальную мотивацию к труду при социализме.

Еще: невозможность быстро и самостоятельно основать собственное предприятие любого рода — резко снижает мотивацию к труду как свободному занятию, самореализацию и самоутверждение в труде.

Еще: государственно-плановая система убивает личную инициативу, резко снижая мотивацию к труду.

Грубо: труд при социализме — это вариант рабского труда в высокоразвитом обществе. Машин полно, хлеба много, жилье у каждого сносное, определенный диапазон свобод наличествует. Но: ты делаешь то, что предписано, и так, как предписано, и получаешь за это плату, какая предписана. И от хозяина уйти не можешь: один у тебя хозяин — государство.

Понятно, что при аналогичном уровне материально-информационного развития — труд в обществе свободного предпринимательства неизбежно более мотивирован, вследствие чего более эффективен.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ БАЗОВЫЙ ДОХОД

Самое страшное, что может произойти — это жизнь человека освободят от необходимости что-либо делать, введя обязательный всеобщий доход. Достаточный для нормальной жизни. Хочешь и можешь — работай. Не хочешь или не можешь — не работай. Развитое механизированное компьютеризованное государство обеспечит всех.

Это означает уничтожение труда как биологического, социального и психологического закона жизни. А ведь на этом законе история цивилизации держится, как башня на каркасе, как подвесной мост на тросе. Жизнь — это жесткое единство труда и существования. Труд — это объективная форма реализации человеческой жизни, строго говоря.

Труд — это функция человека в природе.

Исчезла необходимость усилий. Исчез обязательный материальный стимул. Исчезло сопротивление среды. Самообеспечение происходит автоматически, встроено в систему самого существования.

Это что значит?

Исчезла необходимость в получении информации, необходимой для жизни. Шорох врага, запах добычи, строительство шалаша, овладение любой профессией, умение применить инструмент — ничего этого больше не нужно. Лежи на диване, сиди в тенечке, чеши живот — прокорм тебе и так обеспечен.

Дурак и умный, сильный и слабый, умелый и безрукий — с точки зрения выжить, прожить, самообеспечиться — уравнились. Тогда зачем ум и сила?

Исчезла и необходимость в анализе и переработке информации. Чего тебе анализировать, думать то бишь? Трижды в день будешь сыт, в магазине купишь одежду. Мысли минимальны: как лучше употребить средства, которые у тебя уже есть.

Реакция на информацию также отсутствует: ни бить, ни бежать тебе больше не надо. Твои потребности удовлетворены — скромно, но наравне со всеми, и вполне достаточно для комфортной жизни.

Это существо уже не человек. Это биологическая система, очень сложно организованный паразит. Он существует только в защитно-кормящем мире, организованном и созданном не им.

Для процесса окружающей жизни, для эволюции Земли и Мира, человек больше не нужен. Он из жизни исключен. Ему не приходится переделывать мир по базовой причине того, что есть хочется. Он ест, то есть получает свободную энергию, которая захватывается и используется для преобразования окружающей энергоматерии, не им.

То есть! Кормящая среда — может человека кормить, а может не кормить. Кормящей среде, той субстанции, которая переделывает мир, человек больше не нужен. Объективно, для дальнейшей эволюции энергоматерии — да хоть бы даже только и для эволюции цивилизации — человек кормимый больше не требуется.

Следствие первое: молниеносная и чудовищная деградация. Расслабление и обезволивание. Поглупение. Мысли и желания ослабевают. Можно не вставать, можно ничего не делать, можно ничего не хотеть. Пища, кров и одежда у тебя будут сами собой.

Неразменный пряник всегда при тебе, а кнут исчез. Отрицательные и положительные эмоции как мотивационный механизм человеческой деятельности — на базовом уровне кормления исчез.

Следствие второе: стремительное вымирание, бесплодие, бездетность, снижение иммунитета. Ибо: отсутствие социальной перспективы и социальной востребованности делают народ и цивилизацию ненужной объективно. Вот она и исчезает в самом прямом, физическом смысле.

Следствие третье: атомизация общества. Никто никому не нужен. Базовый вопрос жизни — прокорм — решен навсегда для каждого. Дружба и семья более не представляют защиты и помощи: не от кого защищать и не в чем помогать. Нет и производственных связей. Каждый самодостаточен сам по себе.

Следствие четвертое: социальная деградация и социальная энтропия. Ни политическая, ни экономическая структуризация и иерархия больше не нужны, ничем не вынуждены к существованию, бесполезны для прокорма. Сообщество превращается в стадо.

Следствие пятое: беззащитность. Полное отсутствие тренировки в борьбе за существование — атрофируют волю к жизни, способность к борьбе и сопротивлению, уничтожают необходимую для защиты себя агрессию. Такой человеческий планктон — легкая добыча любого варвара, агрессора, насильника.

Следствие шестое: самоуничтожение через стремление к сильным ощущениям, возбуждению, кайфу, наслаждению. Отдых после работы, счастье победы, наслаждение вкусной едой — перестают существовать. Легкодоступный секс перестает быть сильным стимулом добиваться его. Наркомания в разных видах становится повальным бедствием, частью образа жизни.

Следствие седьмое: криминализация общества и бандитизм. Тупые и энергичные, в поисках самоутверждения, начинают терроризировать массы и помывать ими. Хоть на помойке — да короли. Имманентное стремление группы к социальной структуризации принимает вот такие уродливые и бесплодные формы. Понимаете: усложнение оказывается отделенным от группового самообеспечения.

И восьмое: образование нового феодализма вымирающего, реликтового общества. Стремление сильных к самоутверждению и созданию социальной пирамиды с собою на верхней ступени — рождает отбирательно-приказную систему, где сильные, агрессивные и жадные угнетают остальных, отбирая у них еду и вещи и подчиняя своим прихотям.

Одни сообщества (народы, государства) вымрут при этом полностью. Другие разрушат остатки собственной (кормящей) цивилизации и начнут новый виток истории, фазу существования новой цивилизации. Предсказать сегодня трудно, всегда играют роль многие привходящие обстоятельства.

Вероятнее — что останется в живых лишь новая глобальная элита «околомашинных» аристократов ума, тела и духа.

Вариант — как это ни смешно — что сбудется избитый сценарий войны людей и машин: люди станут машинам лишними как никчемная, непродуктивная нагрузка к производству. Пусть вымирают, сами это все устроили. А если посмеют мешать машинам двигать свою цивилизацию дальше — придется архаичных паразитов обезвредить: они свою историческую миссию уже выполнили.

...Но — с чего это мы здесь излагаем? —

А с того, что коммунизм как общество гармоничного изобилия, каковое изобилие надо справедливо распределять для всех — мгновенно уничтожит обитателей этого самого гармоничного изобильного коммунизма. Как сладкий яд, как блаженный сон морфиниста.

КОММУНИЗМ И ФАШИЗМ: ПРИНЦИПЫ И ПРАКТИКА

Экономика гитлеровской Германии была фантастически эффективна. Под ужасающими бомбардировками союзной авиации, превращающей в щебень и огненные смерчи целые города, при катастрофической нехватке всех ресурсов и топлива, на голодном пайке, — Германия противостояла всей мощи военного, промышленного и людского потенциала США, огромной Британской Империи и Советского Союза. И как противостояла! — тысячи баллистических ракет обрушивала на Лондон, ежедневно спускала со стапелей новейшую подводную лодку завтрашнего дня, почти полторы тысячи реактивных истребителей стояли на аэродромах, сильнейшие в мире танки уходили с заводов на фронт, пехота получала автоматы класса, который победители разработают только после войны.

Национальный Социализм Рабочей Партии Германии показал, что такой его вариант может быть чрезвычайно производительным и эффективным? Патриотизм граждан III Рейха был огромен, добросовестность их труда может служить примером. Так что — бывает прекрасен социализм, если бы только не его агрессивность и мироненавистничество?

Внимание! Мы ступаем на минное поле.

...Вот уж применительно к этому вопросу «кипят яростные споры» несколько не преувеличение и вообще не метафора. Тут штамп есть оттиск истины.

Одни считают, что коммунизм и фашизм не просто смертельные враги, но являются полной противоположностью друг другу. Коммунизм — левое учение и течение, это торжество равенства рабочих и их власть; в основе — общественная собственность на средства производства и плановая экономика. Капиталистов тут нет, никто никого не эксплуатирует. Все для блага трудящихся. А фашизм — это крайнее правое движение, высшая стадия империализма в интересах крупного капитала.

Другие возражают: позвольте, он даже называется «национальный социализм». Это крайний национализм, да, расизм, превыше всего благо «арийской расы», а прочих можно угнетать, изгонять и даже уничтожать. Но для «своих» — равенство, забота, здоровье, повышение уровня жизни, и вообще интересы трудящихся прежде всего. Да, превыше всего — благо государства. А у коммунистов — что, не так? А кто всегда призывал отдать жизнь за Родину и Советскую власть?

После чего идет бешеная ругань коммунистов о спасении мира от коричневой чумы и вечной благодарности всего человечества. Защитников фашизма среди приличных людей не находится, разумеется, и недоброжелатели коммунизма возражают, что если один бандит уничтожил другого, то дело это полезное, но победитель от этого не перестал сам быть бандитом.

После чего диспут заходит в тупик. Но нападающая коммунистическая сторона остается моральным победителем.

Мы сейчас оставим в стороне, что коммунизм в лице Советского Союза победил фашизм в лице Германии не сам, но совместно с Британской Империей и США. То есть капитализм также воевал с фашизмом, и непримиримо.

Мы попробуем вкратце разобраться: почему вообще коммунизм сравнивают с фашизмом? Разве в них есть

сходство? Какое? И давайте же увидим их огромные различия!

Антикоммунисты напирают на внешнее сходство, на совпадение атрибутики и некоторых государственных органов:

Во главе партии и государства — полубожественный вождь, его слова и указы — закон.

И в Германии, и в СССР — одна партия, остальные запрещены. Партия контролирует все стороны жизни людей и функционирования государства.

Одна идеология, другие наказуемы. Инакомыслие жестоко карается. Вся информация подвергнута строгой цензуре, объективная подача запрещена, безраздельно господствует государственная пропаганда.

Все делается ради интересов привилегированной группы: там — арийцы, здесь — пролетарии. Чужие группы объявляются враждебными и уничтожаются: там — евреи и цыгане, здесь — буржуазия.

В СССР — пятилетний план развития экономики — в Германии четырехлетний план.

Внедряется культ Родины, (Расы или Пролетариата) и Государства, чьи интересы выше любых личных. Личные интересы всегда должны быть подчинены общественным. Отдать жизнь за Родину и Государство — долг и высшее счастье.

Официальная доктрина: Мы хотим мира, но если враги навяжут нам войну — наша армия сильнее всех, и победа будет за нами.

Образ человека труда и воина — в центре искусства.

Физкультура и спорт пропагандируются и насаждаются.

И наконец:

Капиталистические демократические державы — рассматриваются как враги, прежде всего идеологические и социальные. Для СССР капитализм — угнетатель и эксплуататор трудящихся и должен быть уничтожен в мировом масштабе. Для Германии те же западные пар-

ламентские демократии — порочный и ненавистный строй всемирных и порочных еврейских плутократов, пьющий кровь трудящихся.

Товарищи! геноссе! — пока все совпадает!

Теперь о различиях:

Коммунизм хочет захватить весь мир. Буржуазию везде уничтожить.

Фашизм хочет захватить большое «жизненное пространство» на западе и востоке, а местное население превратить в слуг и батраков. Плюс сырьевые колонии в Азии и Африке. Но вовсе на весь мир он не претендует. И необходима сильная армия, чтобы поддерживать такое положение.

Коммунизм уничтожил — трудно сказать сколько миллионов своих граждан. Гражданская война, раскулачивание, Голодомор, репрессии 1937 года, ГУЛАГ — не меньше 10 миллионов человек, но не больше 30. Цифра в 15 миллионов человек представляется сдержанно-взвешенной и отнюдь не преувеличенной. (Это до Второй Мировой войны.)

III Рейх по сравнению с СССР был режимом вегетарианским. В лагерях сидело от 8 до 45 тысяч человек. Число жертв не превышало 10–12 тысяч. Во время «ночи длинных ножей» было убито от 77 до 200 человек (считают по-разному.) Это — тоже до Второй Мировой. В войну жертв много, и они иные. Мы сейчас сказали о «мирном времени».

То есть — коммунистический внутренний террор был гораздо более обширен и жесток, чем фашистский (даже объявленные низшей расой евреи могли эмигрировать из Германии до Второй Мировой... если было куда).

У коммунистов границы были закрыты наглухо. У фашистов — нет.

Но самое главное:

В СССР был «социализм по Марксу»: только общественная — на деле она же государственная — собственность на средства производства.

Германия категорически отрицала «еврейский марксистский социализм» и заявила, что у нее своя модель, германская, арийская, и никаким жидобольшевикам мы «истинный народный социализм» не отдадим. Когда Отто Штрассер спросил у Гитлера, национализирует ли он концерн Круппа ради построения социализма и равенства всех работников, Гитлер закричал: надо быть сумасшедшим, чтобы разрушать прекрасное предприятие.

Фашизм — это корпоративное государство, снимающее противоречия между трудом и капиталом. Как?! Административно-силовым регулированием.

Частные предприятия остаются принадлежать владельцам. Но если надо — государство их национализирует. Так Геринг национализировал концерн «Юнкерс» для пользы министерства авиации.

Государство планирует, сколько чего надо выпустить, и распределяет план по исполнителям. Они сами решают, как лучше это делать.

Если нужно предприятие в убытке — государство дает ему ссуду. Но вся прибыль сверх 5%, остающихся владельцу, идет государству.

Юридически владелец и любой его рабочий равны в правах и подчинены общим правилам. Владелец подотчетен государственному арбитру, контролирующему ход и порядок работ во имя общего благосостояния.

На собственность ремесленников, торговцев и крестьян никто не покушается.

Государство может контролировать цены.

За счет государства строятся дороги и сокращается безработица — быстрее, чем в любой стране Запада.

За счет государства организуются спортивные лагеря и стадионы, строятся круизные лайнеры для семейного отдыха рабочих, билеты на которые общедоступны и недороги.

И работники национал-социалистического государства солидарны в ощущении общего единства, справедливости и общей заботе о благе каждого. Это великий результат!

Экономически — это смешанный частно-государственный вариант под необходимым в любой момент контролем государства, оставляющего за собой все командные высоты.

...К этому стоит добавить — насчет условий и обстоятельств:

Сильно влияет на чувство единства и преданности власти — наличие опасного врага: внутреннего, им объявлены евреи, и внешнего — сильная жадная Франция, ограбившая и унизившая немцев.

Утоляемая жажда реванша: мы больше не унижены, мы больше не нищие, еще оплатим вам, которые глумились над нами!

Милитаризация и эффект военного строя: форма, сапоги, знамена, чеканный шаг в ногу, огромные парадные шеренги и колонны! Это дает силу, уверенность в себе, радость общей мощи!

Быстрое повышение жизненного уровня. Жить стало лучше, жить стало веселей! И ты веришь в правительство, его идеи и его курс.

Во власти — простые ребята, на праздниках они пьют с тобой шнапс и танцуют.

Гитлер — гениальный оратор с колоссальной харизмой, и у него редкий талант истинного политика — он говорит именно то, что болит у народа, чего народ хочет и что ненавидит, во что хочет верить. Он дышит в унисон с толпой, и толпа ревет в экстазе и счастливых слезах! Вождь — это их голос и их чаяния! (Не надо лицемерных слов о «народе, который дал себя обмануть».)

А еще — обретенное чувство чистоты одной расы: мы братья, мы не можем обманывать друг друга.

И последнее — трудовая этика протестантизма: вековая немецкая честность и исполнительность, трудолюбие и добросовестность, аккуратность и надежность.

...Сочетание всех этих факторов и дало необыкновенную экономическую эффективность Германии, которая, пожалуй, не имеет равных себе в истории.

...Другое дело, что толерантное открытое общество, мультикультурное и чуждое агрессии, которое не унизили и величия не пообещали, где нельзя гордиться собой и некого побеждать — в таком обществе подобный социализм, разумеется, невозможен. Да к нему никто и не призывает, слава богу. Мы просто обозрели недолгий (12 лет, из которых всего 6 мирных, а еще 6 — страшной войны) опыт.

ТЕОРИЯ КОНВЕРГЕНЦИИ И СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

Здесь самое время вспомнить теорию конвергенции, возникшую на Западе в 1950–60-е годы. Происхождение ее возводят к Питириму Сорокину, Джону Гэлбрайту, Уолту Ростову и целому ряду других. Варианты и трактовки есть разные, но суть нам интересна одна: сближение рыночного капитализма и планового социализма.

То есть:

Частная собственность на средства производства в условиях свободного рынка максимально эффективно производит товары и максимально быстро и гибко реагирует на колебания спроса.

А государственное планирование и социальная политика заботы о трудящихся массах — позволяет избегать кризисов перепроизводства и излишнего потребительства, направляя средства в обеспечение: медицина, образование, объекты для отдыха и спорта, жилье и дороги — по льготным ценам или за счет государства («бесплатно»).

И таким образом, мечтали высокообразованные люди, страшая ядерной войны между СССР и США, капитализм и социализм будут постепенно сближаться. Пока не сольются в экстазе. Образуется одна политико-экономическая система. Добрый и работающий гибрид от брака противостоящих сторон. И всем будет хорошо.

В Советском Союзе конвергенцию возненавидели как идеологическую диверсию, ересь и подкоп капиталистов под марксизм.

А невозмутимые, умеющие с достоинством делать что угодно китайцы — в свой час пошли именно по пути гибридизации экономической системы, наглядно демонстрируя торжество этой самой теории этой самой конвергенции. И отлично зашагали! Аж мир удивился...

Вообще на практике конвергенцию проводил (или внедрял?) еще Франклин Рузвельт, вытаскивая США из Великой Депрессии. Термина и теории не существовало. Правительство стало распределять федеральную помощь и создавать рабочие места. Национальное Управление экономики регулировало цены и минимальные зарплаты, длительность рабочей недели и условия труда. Ввели контроль за производством сельхозкультур и госдотации фермерам. Приняли закон о профсоюзах для наемных работников: гарантии равных условий в переговорах с работодателями, прав на забастовку и т.д. Национальный Совет следил за соблюдением прав рабочих. «Закон о социальном обеспечении» включал в себя систему пенсионную и пособий по безработице. Высокие налоги на богатых в пользу бедных и общественного устройства. А также рос бюрократический аппарат — надо все регулировать и распределять.

Мы имеем заметные и значительные элементы государственного управления экономикой, планирования, администрирования производственных процессов и перераспределения доходов. Недаром Рузвельта с этим его «Новым курсом» обвиняли в социализме, урезании свобод и огосударствлении экономики. И вообще в стремлении к диктатуре, что социализму свойственно, по разумению критиков.

На что Рузвельт отвечал, что ему плевать, как это называется, если работает.

...Шо мы имеем?

Что если в провально работающий социализм ввести нужные, правильные элементы капитализма, то бишь

свободного предпринимательства, оно же частная собственность на средства производства — то гибрид может начать работать отлично.

А если погибающий в кризисе капитализм откорректировать рядом социалистических введений, — государственное планирование, государственные субсидии, элементы госконтроля за экономикой и административного перераспределения доходов, оплата строек из бюджета ради создания рабочих мест — это способно реанимировать экономику и вернуть к жизни. Социалистическая плановая регулировка может быть благотворна.

Только ничего нельзя доводить до абсурда. Экая новость.

На самом деле в теории конвергенции есть столько же смысла, сколько в индивидуально назначенной диете: правильное соотношение калорий и голодания, белков и жиров, воды и соли. И пропорция эта весьма индивидуальна: одному худеть, другому поправиться, третьему изгнать лишнюю жидкость, четвертому активнее промывать организм.

Это вот к чему:

Нет государство полностью капиталистического или полностью социалистического. Нет абсолютной тирании и абсолютной свободы.

В любой социальной системе уживаются и борются противоположности. Все дело в их пропорции.

(Вам кажется это банальным? Кто ж не слышал о Гераклите и диалектике? Меньше спеси. Это понимают только умные. А их незначительное меньшинство. Остальные — дураки. Дурак — это тот, кто из всех красок требует назвать ему: лучшая — белая или черная? Вот она и главная. А раз так, нечего говорить о других. Если главная белая — то думающие иначе — необразованные идиоты; ведь нормальные люди знают, что белая — главная.

Белые или красные? Немцы или русские? Мы всегда победители — или нас вечно били? И если ты отрицаешь абсолютность одной точки зрения — ты враг или дурак, потому что никаких аспектов, оттенков, диалектик и сложностей для дурака нет.

Умом дурака командует спинной мозг: бей или беги! Пища или отравка, добыча или опасность, друг или враг, надо или не надо. Вот эта двоичная система принятия ящером конечного решения — проецируется у него в сознании и накладывается на вербальное поле. «Там много слов и очень мало смысла».

Ум подобен панорамному освещению всей сцены, где одновременно происходит масса разных событий, увязанных между собой.

Глупость подобна узкому лучу фонарика, который способен осветить в любой момент времени только одну деталь, и ее-то дурак принимает за смысл всей картины.

Потрясает, что даже Маркс в «Манифесте Коммунистической партии» говорил о борьбе классов — не желая понимать их нерасторжимое единство в имманентной противоположности. Борьба — один из аспектов взаимодействия противоположностей в их сущностном единстве. Режьте меня на куски — но даже Маркс не понимал диалектики, взятой у Гегеля и приспособленной к нуждам коммунизма.

Прочсть Гераклита — минуты. Понять — вот на это нужны не только ум, но и время, проведенное в размышлениях по мере опыта...)

Итак — в самом абсолютистском султанате, где воля властителя есть Высший Закон и расписано все: кому где и сколько работать, сколько есть и когда спать, где жить и как молиться — все равно есть свобода, хоть в узких щелях тоталитарного здания. Съесть на ложку больше или меньше, если еды вдруг вдоволь. Носить штаны чуть шире или уже, короче или длиннее. В какой цвет покрасить стену в комнате. Какие слова сказать жене или мужу. Какие имена дать детям. Сделать из куска мяса шашлык или рубленый бифштекс, наконец.

В самой строгой казарме, в самой жестокой тюрьме — люди обнаруживают пространство свободы и устремляют на него свою страсть. Солдат подшивает штаны поуже и выгибает пряжку ремня. Матрос пряжку ремня разгибает плоско, а вырез тельника расширяет. Значение получают: твердые прокладки в погонах, лычки определенной моды, сержанты и старшины заходят в столовую вперед рядовых — едят одну пищу за одними столами, но уже в очередности входа — свои ценные привилегии. (Сравни: перворанговые куры с правом первого клевания.)

Эки устанавливают строгую иерархию шконок: у окна пахан или смотрящий, мужики ближе к двери, чушки ближе к параше. На зоне — воры в черном, мужики в синем (если только есть физическая возможность). Атрибуты и ценности: сохраняемый нож, теплый свитер и т.п. Все это отличает привилегированного члена сообщества от аутсайдера.

...Что требует увязывания воедино? Говоря о свободе, она всегда подразумевается внутри иерархизированной группы (а других групп не бывает), где одновременно наличествует и момент координированности действий. В одной крайности, одном диапазоне жизни своей — делай что хочешь. А в другом — по команде! строим! на работу! в атаку! навались!

В самом что ни на есть свободном обществе — возьмем чистый анархо-коммунизм — неизбежно регулирует отношения жесткая система императивов и табу. Типа Десяти Заповедей: Не красть. Не убивать. Не уводить силой чужую жену. Не вселяться без спросу в чужой дом. Не жрать из общего котла, если нагло ничего не внес месяц за месяцем. И т.п. А нарушения решает общество, которое в серьезных случаях превращается в Суд Линча. Воля Народа! Это — прямое народовластие.

В любой группе, сообществе, социуме, стае — неизбежны свои законы и правила, без которых сосуществование невозможно. Так что элемент насилия и несвобо-

ды есть всегда. И даже самый безгосударственный и безвластный способ решения вопросов — общий сход племени на священной поляне, сообща мирно определяющий, что на что менять с соседями — все равно это форма протогосударства, размытый аналог государственной власти.

Еще. В самом эксплуататорском обдирательском государстве всегда есть элементы социальной заботы о тружениках. Даже рабовладелец как-то кормит рабов, спят они под навесом хоть в какой-то конуре, и работают не до смерти, чтоб через двое суток испустить дух. Пусть в целях собственной наживы — рабовладелец обеспечивает рабам минимальные, но средства для жизни. Кстати, раб дорог — вырабатывает прибавочную стоимость. И если он заболел — дешевле дать ему отлежаться и выздороветь, чем загубить свое имущество: пусть потом поработает.

А даже в самом что ни на есть социальном и демократическом государстве — у тебя отберут налоги, а за уклонение строго накажут. Дороги, стены, войска — кто оплачивать будет? И предпишут: не убивать, не бить, не красть. Не лжесвидетельствовать. Не шпионить! А в армии, которая необходима, свободы тебе и вовсе не будет.

То есть. Все же понятно. Свобода и запреты, вольный выбор и принуждение, личная инициатива и государственное планирование — во-первых, всегда есть; а во-вторых, в разные моменты и в разных местах при разных условиях — полезны и потребны в разный пропорциях.

Пропорции рынка и госпланирования — могут определяться только конкретно для каждой ситуации и каждого момента времени.

Война, выход из разрухи и кризиса — требуют преобладания центрального, государственного то есть, планирования. Но! Никогда не тотального! Каждый ремесленник в мастерской, фермер в поле, лейтенант в око-

пе — сам лучше знает, когда сеять, как делать вазу и когда стрелять.

А вот когда экономика эффективна и народ процветает — не смейте лезть со своими указаниями и портить то, что хорошо работает. (Но: следить и предугадывать ход событий, чтоб быть готовыми к боям и неприятностям — это очень полезно и нужно.)

Для экстренных ситуация — диктатура бывает единственным спасением: когда корабль терпит крушение — капитан царь и бог на борту. Единая воля и единый ум спасительны при панике и развале. Нет ничего хуже толпы в панике, где никто не знает общей картины и мечется в жажде спасения.

А диктатора, навязывающего авторитарную волю нормальному обществу, правильнее всего повесить.

Охраняйте законы — а люди сами все устроят наилучшим образом.

То есть:

«Плавающая конвергенция» не только полезна, не только иногда необходима — она возникает как бы сама собой в экстренных случаях. Социальный организм принимает меры для спасения себя, включает структурные резервы.

Соотношение свободного рынка и государственного планирования есть всегда, дело в пропорции. В весьма тоталитарном и плановом Советском Союзе все-таки были частные портные и сапожники, частных репетиторов не преследовали, а с какого-то момента крестьянам разрешили иметь «приусадебные участки» и продукты с них продавать на рынках по свободным ценам. Хотя в конечном итоге плановая макроэкономика угрозила великую страну.

Китай, мы говорили, ввел свободный рынок под власть и идеологию компартии, и отлично получилось.

А военная промышленность в любой стране ходит под государственным планом, ибо иначе невозможно.

Не надо рвать на груди рубахи и метать пену с кри-

ками о чистоте государственного строя. Абсолютно чистого нет даже состава молекул в валютном золоте, не говоря об уране-235.

На всякий случай: термин «конвергенция» здесь употреблен не совсем в том смысле, какой содержал в 1960-е годы.

И кстати, глобализация — это именно конвергенция в ее конечном смысле. И она надвигается на нас, как колпак на чайник.

КИТАЙ

Кстати — Китай: прекрасный пример того, как бедственный социализм сменяется процветанием корпоративизма.

Сначала была гражданская война и свержение законного демократического режима. Потом нищие сельхозкоммуны. Потом провал дилетантского и грандиозно запланированного «большого скачка: сразу выйти в мировые лидеры по производству чугуна и стали, сделав крестьянскими силами маленькие домны в каждой деревне. Выплавили уйму такого, что невозможно оказалось применить никуда. Потом провели «культурную революцию»: натравили юное поколение на интеллигенцию всех видов, перебили массу народа, зато «выпустили пар» и воспитали поколение нерассуждающих исполнителей. Ну, под эти судьбоносные реформы двадцать-тридцать миллионов перемерли от голода. Но лишнего народа и так много — Китай.

Одна партия, одна идеология, один вождь! Все как полагается. И общественная собственность на средства производства. Фанзы нищие, жрать нечего, армия на параде: умрем за дело коммунизма. Справедливость.

Великий кормчий Мао переплывал Янцзы, не чистил зубы и обкладывал себя на ночь юными девушками: крепил здоровье для борьбы за коммунизм. Но смерть вечно приходит раньше коммунизма, хотя Мао ждал до 83 лет.

И в конце 1970-х великий Дэн Сяопин начал свои титанические реформы. Через треть века Китай, где 80% населения были неграмотны и зарабатывали 1 доллар в день, стал сверхдержавой. Вторая экономика мира, Китай превосходил всех по темпам роста экономики и теснил США.

Что сохраняется:

Одна партия, тоталитарная идеология, никаких оппозиций. Один вождь. Правда, изредка сменяемый. Но власть его огромна. А партия рулит всегда — когда сочтет нужным.

Стратегические основы планирования экономики.

Национальная солидарность. Основной народ — ханьцы. Жители Поднебесной традиционно комплекса неполноценности ни перед кем не испытывают, напротив — полагают себя лучше всех. Самая древняя культура, могучий интеллект, несравненное трудолюбие, славная история и так далее. Руководители страны ездят по США и Европе и на встречах с китайскими диаспорами напоминают о национальном единстве и величии.

Жестокость наказаний без всякой толерантности. За тяжкие преступления расстреливают, в том числе за экономические, если ущерб более полумиллиона долларов(!). И за наркотики — безжалостно.

Но:

Аграрные коммуны заменили на семейный подряд.

Разрешили частные предприятия с не более чем 100 наемными работниками.

Частная инициатива поощряется.

Убыточные предприятия могут приватизироваться.

Предприятия часть выручки отдают государству, часть оставляют себе.

Государственный контроль цен сменился во многих отраслях и для многих предприятий свободным ценообразованием.

Планирование всего и вся предприятиям крупным и мелким, коммунам и частникам, вся эта опека с горами инструкций и указания — не существует, отменена.

На крупных предприятиях государство оставило за собой контрольный пакет акций, остальные распределены руководством и коллективом завода.

Оборонная промышленность полностью контролируется государством; армия, естественно, государственный институт.

Поощряется привлечение иностранных инвестиций частниками.

Вот такой свободный рынок под общим идейно-партийно-государственным контролем. Государство тоже в рынке участвует!

(Ну и, до поры до времени, Китай был рынком дешевой рабсилы. А еще — нагло воровал технологии, изобретения, дизайн у ведущих мировых фирм. Вот эти последние два пункта можно назвать именно китайской спецификой такой модели социализма.)

...Одни сравнивают это с НЭПом в СССР. Другие считают это капиталистическими реформами. Третьи — азиатским гибридом социализма и капитализма. Произнести «корпоративное государство» никто не решается, поскольку термин уж больно скомпрометирован фашизмом, создавшим подобную модель и пустившим слово в оборот.

Китайские коммунистические идеологи, естественно, выкручиваются. Они говорят, что раз земля государственная, но неважно, если хозяйствуют семейные артели. Что коммунистическая идеология ревизиям и отклонениям не подлежит — а вот практика критерий истины, сам Маркс сказал, вот на практике и приспособляемся. Что главное — создать зажиточное государство справедливости.

Марксизм учит учитывать конкретику и специфику. Мы храним великую китайскую культуру, конфуцианское наследие, между прочим, это наша сокровищница. И наш китайский социализм — это гармоничное государство трудящихся, пропитанное конфуцианским духом. Китайский народ всегда умел сочетать свежие ветры перемен с вечным единством и добродетелью. Вольно, товарищи, можно разойтись.

Факт в том, что такой корпоративный гибрид социализма с мощным корпусом частной собственности и капиталистических форм рыночной экономики — дал сильнейший экономический эффект. Высочайшую эффективность и производительность труда. (М-да: хотя, откровенно говоря, качество продукта не лучшее — с немецким и японским не сравнить... Все-таки — социалистическая погоня за валом и демпингование через снижение затрат. Впрочем — качество товаров ухудшается во всем мире — это отдельная тема.)

Что еще раз подтверждает: не надо демагогии и догматики ортодоксального марксистского социализма, который неукоснительно проваливался везде и всегда. А вот разумное, оптимальное для данного момента и места сочетание элементов капиталистической экономики с ее личной свободой и заинтересованностью — и социалистической идеологии справедливости, взаимопомощи и необходимых — необходимых! — элементов экономического планирования — вот такое сочетание, вероятно, есть наилучший вариант.

P.S.

Держать долго соотношение соц-ма и ка-ма для наилучшего производства — тяжелая задача.

ЗОЛОТОЙ СОН ВЗРЫВНИКОВ

ПОРЦИЯ ПЮРЕ С МОЗГАМИ

В 1918 году Мировая Революция почти что свершилась!

В ноябре вспыхнуло восстание на германском флоте. Через советское посольство в Берлине шли деньги и оружие, ехали советские коммунисты. Кайзер бежал, монархия рухнула, установилась социал-демократическая республика — и в январе 1919 восстали коммунисты, стараясь завершить революцию установлением пролетарской диктатуры по Марксу-Ленину.

Но еще в ноябре 1918 создали Эльзасскую Советскую Республику.

Тогда же красные радикалы собирают Советы в Люксембурге.

В январе 1919 устанавливается Бременская Советская Республика.

Март 1919 — Венгерская Советская Республика.

Апрель — Баварская Советская Республика.

В апреле же 1919 — Ирландская Советская Республика — на территории графства Лимерик.

Июнь 1919 — Словацкая Советская Республика.

И вот в этих революционных вихрях Европы организуется Коминтерн — III Интернационал — всемирная организация коммунистических партий. Как сформулировал Ленин: «Союз рабочих всего мира, стремящихся к установлению Советской власти во всех странах».

Учредительный конгресс в Москве, руководство из Москвы, финансирует Москва, руководитель — Председатель Исполкома Коминтерна товарищ Зиновьев Григорий Евсеевич. «Манифест Коммунистического Интернационала» написал товарищ Троцкий Лев Давыдович.

Шторм не утихает:

Июнь 1920 — Персидская (Гилянская) Советская Республика!

Июль — Польская Советская Республика (мелкая советская марионетка для экспорта революции, но все же!)

Тот же июль — Галицийская Советская Социалистическая Республика!

Март 1921 — в Италии образована Лабинская Советская Республика.

...Но. К сожалению и прискорбию. Все эти республики были разогнаны и подавлены в считанные недели. А стремительно развернутый во многих из них красный террор надолго оттолкнул большинство от подобных политических экспериментов.

Увы. У революции оказалось мало сил, чтоб свергнуть иго буржуазии. Да и народ после Великой Войны был измучен. Все устали от крови и хотели мирной жизни.

М-да. Так исторически сложилось, что самыми продвинутыми социалистами и коммунистами были немецкие евреи. Начиная с Маркса, собственно. Впрочем, и до него тоже найдутся люди.

Интеллектуальные и революционно настроенные немецкие евреи, горя потребностью осчастливить пролетариат равенством и справедливостью, а также покарать эксплуатирующий их капитализм, обнаружили страшную вещь. Революционный пролетариат исчез. Очень быстро. Вообще.

А ведь они уже организовали Институт социальных исследований во Франкфурте-на-Майне, который позже перерос во «Франкфуртскую философскую школу». Никто не забыт и ничто не забыто: Карл Грюнберг, Макс Хоркхаймер, Теодор Адорно, Эрих Фромм, Герберт Маркузе, Вальтер Беньямин, Лео Левенталь, Фридрих

Поллок. И их знаменитый друг и единомышленник Дьердь Лукач — основатель Будапештской школы, коминтерновец и советский гражданин.

Энергичные, образованные, фанатичные евреи и коммунисты преодолевают любые трудности, но не такие же...

Во-первых:

В 1926 году Муссолини запретил компартию Италии.

В 1930-е коммунисты Франции блокировались с умеренными социал-демократами и вошли в буржуазное правительство.

В 1933 Гитлер запретил компартию Германии, и — о ужас! — многочисленные боевики из «красных рабочих сотен» стали вливаться в ряды национал-социалистов: те тоже патриоты и за справедливость для трудящихся немцев.

А Рузвельт объявил свой «новый курс» и тем самым перехватил у коммунистов важную часть реформ: недаром его обвиняли в социализме.

Экономическое положение улучшалось, из ямы Великой Депрессии мир понемногу выкарабкивался, жизнь работяг становилась сытнее и надежнее. Законы о профсоюзах, больничные листы и оплачиваемые отпуска придавали капиталистическому государству черты патернализма и корпоративизма.

Одни, как Генри Форд, формировали из своих рабочих платежеспособных потребителей на расширяющемся рынке: капиталист и рабочий сотрудничали к общей пользе. Форд был гениальным организатором и рационализатором. Он просто подрывал возможность революции в корне.

Другие отделяли рабочим больше от пирога, даже терпя убытки — от страха вызвать революцию недовольных и потерять все. В этом смысле Октябрьская Революция в России оказала большую помощь всемирному пролетариату; было дело.

Короче, произошла самая страшная для социалистической революции вещь: исчез пролетариат, именем ко-

того и ради которого и следовало совершить Мировую Революцию! Пролетариат отъелся, обуржуазился, обрел вкус к хорошей жизни — и с решительным отвращением отвергал мысль о баррикадах, кандалах и классовой борьбе. Все-таки плебс подл. И неблагодарен.

А вдобавок в корпоративных фашистских государствах Германии и Италии он проникся национальным патриотизмом, милитаризмом, успешно отстреливал на фронтах Второй Мировой братьев по классу и не хотел слышать об интернационализме. Теоретикам марксизма было от чего прийти в уныние, глядя на горестную практику, критерий скверной и нежеланной истины.

Философы-марксисты сберегли свои ценные для революционной теории жизни, успев сбежать из Германии в США. Америка — сытная страна, и марксисты развернулись с окрепшими силами.

Теодор Адорно, автор книги «Авторитарная личность», создал замечательный тест для определения психологического типа фашистской личности. Резюмируя его взгляды, можно сказать: ты уважаешь родителей, авторитет отца был велик, тебе нравится классическое искусство, а не модернизм, ты оправдываешь во многих случаях насилие — значит, ты склонен к фашизму. Правда, тогда американские солдаты, воевавшие с фашистами — сами такие, но... это уже неполиткорректное замечание. Короче: цельные, сильные личности с традиционными взглядами — плохие люди. А плохие нам не подходят.

То есть солдат, пролетарий из пролетариев, франкфуртцам тоже не подошел. Он уже навоевался. Вернулся на благодарную родину. Пройдя такое, что мозги ему не запудришь.

Ну что ж... У меня нет для вас другого народа, как сказал бы Бог, в которого они не верили, или Сталин, веры которому было гораздо больше.

Кто у нас недоволен? Кто обижен проклятым капиталистическим государством? Кто угнетен? Разные меньшинства. Негры, индусы, арабы и так далее. Еще?

После этнических меньшинств — религиозные: мусульмане, иудеи, буддисты, язычники, сектанты. А сексуальные меньшинства? — они тоже угнетены и дискриминируемы, им тоже есть за что бороться! И женщины, товарищи, женщины! Их всю историю угнетал проклятый патриархат, и они до сих пор неравноправны. Где конструкторы и инженеры, где генералы и адмиралы, где директора компаний и президенты?

Тридцать послевоенных лет, до начала 1970-х годов, старательно собиралось это революционное воинство ниспровергателей проклятого капитализма. И собралось! И было вооружено новой прогрессивной идеологией: эдаким фрейд-нео-марксизмом.

Но. Одна трудность. Лесбиянок с арабами ты на баррикады не выгатишь. Новый революционный класс к вооруженной борьбе был способен мало и шансов на успех в ней не имел...

Однако к тому времени стратегия была давно готова. Мы не можем победить в открытой силовой борьбе? Ну так мы разрушим это здание, эту тюрьму народов, этот бастион капитализма — изнутри!

Мы разрушим все его устои и несущие конструкции. Его семью и его половую мораль. Его трудовую этику. Его национальную идентичность.

А главное — мы лишим его ума и логики. Дашь постмодернизм, товарищи! В частности: все в мире относительно, все моральные категории и все факты — относительно, относительна истина и относительно правы любые убеждения. Философия — помощница революции!

А значит — если мы за все хорошее, за счастье и равенство угнетенных, за справедливость равенства благ и результатов — мы правы. Ибо наша цель — самая добрая и благородная, святая, можно сказать. А средства мы укажем, какие хотим. А факты подберем такие, какие сами решим. Ибо все истины равны и относительноны — а цель-то самая лучшая наша!

...Человеку взрослому и образованному мозги загадать трудней. А молодому и необразованному — несрав-

ненно легче. И была отчеканена формула: «Мы заберем ваших детей!»

Человеку сформировавшемуся, взрослому и образованному, мозги загадать трудней. А молодежи — куда легче:

Во-первых, молодежь лишена самостоятельного мышления, она еще формирует свое мировоззрение и нуждается в опорных точках. Сейчас мы дадим ей такие точки опоры, что перевернем весь мир!

Во-вторых, молодежь склонна к отрицанию ценностей и воззрений отцов и жаждет переустроить мир. Сейчас мы дадим ей модель переустроенного, нового мира и объясним, что он единственно хорош, справедлив и — абсолютно достижим!

В-третьих, на вечном и инстинктивном стремлении опровергать отцов, отрицать старые ценности и пытаться утвердить новые — мы построим теорию ее абсолютной правоты и прогрессивности: авторитет отцов и консерватизм вкусов — это черты и аспекты фашизма! А фашизм — это аморально и преступно, ошибочно и губительно!

В-четвертых, мы воспитаем ее на культе героев-революционеров: Че Гевара, Мао, Троцкий! Отважные бойцы, благородные защитники трудящихся, самоотверженные мечтатели и мыслители! (А то, что культ героев мы расцениваем как черту фашистского мировоззрения — мы тут временно забудем, замолчим.)

В-пятых: молодежь доверчива и благородна, молодежь особенно чувствительна к несправедливости и угнетению, молодежь тянется к свободе, честности и добру по природе своей. Вот мы и дадим ей благороднейшую и высокую цель. И пусть свергает несправедливость, корыстолюбие и ложь.

Ну и в-шестых: школы, университеты, газеты и телевидение — вот господствующие высоты на поле боя, в котором мы должны победить и захватить их, — чтобы воспитывать подрастающие поколения так, как нам нужно для победы Мировой Революции.

И тогда народ, воспитанный нами, сам разнесет свое буржуазное, капиталистическое, коррумпированное и эксплуататорское государство — чтобы на его обломках мы наш, мы новый мир построим: кто был ничем — тот станет всем! Это есть наш последний и решительный бой!

...Сто лет взращивалось это Дерево Свободы с прекрасными и отравленными плодами. Двадцать пять лет исподволь, еще двадцать пять — выход из подполья и укоренение в официальном пространстве, и еще полвека — продолжался открытый захват всего поля.

И сегодня мы видим массы необразованных и оболваненных студентов, предводительствуемых шарлатанами-профессорами и распаленных продажными лжецами-журналистами. Они не желают знать истину, они не желают слушать инакомыслящих, они злобно отрицают любой монолог и любое согласие. Они — фанатики с горящими глазами, которых ведет вперед сильнейшее и горячее убеждение в своей правоте, истине и праве. Они утверждают свой путь к своей цели — а любые препятствия должны быть свергнуты.

Они сформировались в информационном пузыре — единственной точке зрения, сопровождавшей их всю жизнь со всех сторон, во всех видах подачи информации. Иные взгляды в их воздушный колокол не допускались.

С ними бессмысленно разговаривать, потому что убеждение выше разума. Разум лишь обслуживает убеждение. Убеждение первично, как первична любая страсть.

Они не в состоянии видеть пропасть, заполненную руинами и кровью, к которой они стремятся.

ТРИ СОРТА СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

Стремительное разворовывание и развал постсоветской России, великого остатка СССР, достойно осмысления. На общем историческом уровне осмысления пока не произошло. Одни мычат, другие молчат, третьи воруют. Четвертые валят в другие страны.

Нередко можно услышать: «Советский человек жил интересами страны и народа, был патриотом, лишенным жадности стяжательства». Павел Корчагин, Алексей Маресьев, Молодая Гвардия. И ведь не лишено! Помощь соседу и другу было делом обычным, барыг презирали, страной гордились. Не все, не всегда, но в общем было. Потом сплыло. Куда сплыло?

«Наш простой советский человек». Был такой штамп, выразивший советско-пролетарскую гордость. «Какой я вам простой?! — взревел Кристобаль Хунта. — Я простой бывший великий инквизитор!»

Советский человек совершал подвиги, и советский же человек шел в полицаи. Один советский человек загонял в лагерь другого советского человека. Не следует изображать советского человека двухсотмиллионным клоном русско-марксистского гомункулуса. Вы что, наклеили на стенку газету «Правда» и молитесь на нее, что ли?

Гайдар, Чубайс, Ельцин, Путин — это все советские люди. А кто ж еще? В Советском Союзе родились, вы-

росли, воспитывались, были комсомольцами и коммунистами, выписывали газеты и ходили на демонстрации. И Сечин с ними, и Якунин, и Патрушев, и вся королевская рать 1950—1965 годов рождения. Как их воспитали — то из них и вышло, то они и сделали.

Сахаров, Бродский, Галич, Солженицын — тоже советские люди. Где родились, где воспитаны, чему их с детства учили, как жили, пока жизнь их не выбила с советской колеи? Как так, да... А могли бы служить в КГБ, писать стихи к Дню Октябрьской Революции.

А советские офицеры, инженеры и работяги, врачи и учителя, ставшие нищими бесправными пенсионерами феодально-бандитской России — уж они все были советские люди. А что СССР не защитили от свержения? А что же новых бандитов к ногтю не прижали, честной рабочей рукой за горло не взяли? Где активная гражданская позиция? Тихо жаловались и умирали...

И олигархи, воры и кровопийцы, разграбители родины на вынос, тоже вроде были советскими людьми. Одни — комсомольскими работниками, другие — докторами наук, третьи — режиссерами. Это их советская власть эксплуатировать трудящихся и разворовывать государство научила?..

А лучшие люди страны, соль земли — интеллектуалы, свободолюбцы, демократы, правдоискатели — отчего же ни хрена ни поняли и подпевали тем, кто обрек страну на нищету и диктатуру? И до сих пор ничего не поняли — своих коммуняк ненавидят, а западным коммунякам всех мастей в рот смотрят: о, это же просвещенный Запад, у них права человека и изобилие! — даешь гомосексуалистов и лесбиянок, устраиваемые неграми погромы на страх белым и содержание исламских дикарей за счет безмолвных европейцев, а кто против — тот фашист! Мыслителей советская власть воспитала, ничего не скажешь. Шайка шарлатанов.

Родине нужны герои, а рождает идиотов.

Таким образом, получается, что советская власть в результате породила:

1. Воров, бандитов, узурпаторов власти и наглых лжецов.

2. Безмолвное, покорное, честное, уработавшееся стадо.

3. Краснобаев и болтунов с благими и глупыми намерениями.

А бунтующая против произвола молодежь, протестующие толпы сорокалетних, лидеры новой волны и основатели современных бизнесов — это все уже люди несоветские, продукт новой формации.

Все это — кстати о воспитании советского человека, свободного гармоничного труженика эпохи развитого социализма. Получите вашего гармоничного. Какие фаланстеры, какое перевоспитание, какой коммунизм! Вот эти — они вам коммунизм должны были строить? Ах, «партия переродилась». Мама, роди меня обратно. Из бабочки в гусеницу она переродилась.

Кстати о перерождении:

«Нет двух людей более разных, чем человек, желающий занять должность — и он же, ее уже заняв». Маркиз Галифакс, к вашим услугам, сэры. Учитель музыки поступает в СС, работает в концлагере, потом проходит денацификацию и возвращается к детям преподавать музыку: война-то кончилась.

Так что весь бардак, вся безнадега и развал, все воровство бескрайнее и власть обесстыжившая сверх всех пределов — это естественный результат и прямое следствие родной советской власти. Вот кого она подготовила себе на смену. Как прекрасно организовала будущее.

ПОЧЕМУ ОНИ ЕСТЬ — КОММУНИСТЫ СЕГОДНЯ?

Откуда у молодых людей в сегодняшнем обществе вдруг берется тяга к этому утопическому учению с провальным и кровавым прошлым? Им лично всего хватает — чего ж они жаждут ниспровержения и разрушения порядка, обеспечившего им безбедное и комфортное существование? Что за удивительная болезнь — гибрид идиотии с бешенством?

Вспомним о самоусложнении системы вообще — и самоусложнении социальной системы в частности (о чем я твержу уже тридцать лет). Любая толпа, любое людское сообщество — неизбежно делится на группы, соперничающие между собой за место в социальной иерархии — и тем самым создающие эту самую иерархию, то есть структурирующие аморфную человеческую массу в социальную систему с новыми возможностями и способностями, которых не было у толпы.

Всемирный Закон Структуризации — неукоснительно действует и на социальном уровне развития материи.

Старики по определению консервативны. Это часть системы, обеспечивающая ей устойчивость. Преемственность. Сохранение свойств, позволивших выжить, ответить на вызовы среды, и подняться до сегодняшнего уровня развития.

Старики — это победители по факту своего существования. Они преодолели все трудности и смогли по-

бедить и выжить. Матрица их образа жизни — гарантия существования системы. Это опыт народа, оплаченный кровью и подтвержденный практикой.

Молодежь — это перспектива. Это эволюционный ресурс. Это способность изменяться, более совершенно приспособляясь к изменениям среды. Это залог новых и удачных ответов на будущие вызовы будущих эпох — которых старики не знали. Это новые открытия и изобретения. Новые земли и завоевания, новые способы и порядки, гарантирующие новые подъемы.

Конфликт отцов и детей — это единство и борьба противоречий единой вещи внутри себя самой, каковая борьба и есть способ ее развития и существования.

Молодежи имманентно свойственно отрицать ценности отцов, пробуя их на зуб и пытаясь отбросить. И — отбрасывается то, что уже устарело и обветшало. Так меняет кожу растущая змея, покусывая себя за хвост и стягивая ороговевшую старую кожу, которая уже мала и негибка.

То есть. Молодежь по природе своей — предназначена вносить новое в свой социум. Это — что? Открывать новые земли. Захватывать территории соседей. Подчинять соседей или убивать их. Тем самым — делать свой социум более сильным, влиятельным, защищенным, великим, богатым. А также — вводить новые порядки: более справедливые и совершенные, тем самым, опять же, делая социум более устойчивым и потентным.

Молодежь взыскует группового идеала поведения: воин, храбрец, открыватель земель, покоритель врагов, защитник своего народа. Борец за справедливость и счастливую жизнь для народа — не только для себя.

Юность — это идеализм, романтика, альтруизм, благородство, сокрушение пороков и построение хрустального и сияющего счастливого завтра. Это храбрость выше самосохранения, благородство выше жадности и победа Добра над Злом. Причем — решительная победа: быстро, бесповоротно, беспощадно к врагам Добра — то есть к врагам твоей идеи.

Молодежь — это Социальный Изменятель. Если в социальном смысле. В котором старость — Социальный Сохранитель. Обе эти ипостаси и группы народа необходимы — как по необходимости вечно их противостояние.

...А теперь — к нашему конкретному дню.

Чего делать? К чему силы приложить? Что можно изменить к лучшему?

Все континенты открыты. Эпоха героизма кончилась. Рулит комфорт и потребительство. Все карьеры возможны, но в них не видно смысла!

Нет идеала будущего, за которое стоит бороться и жертвовать многим, даже жизнью ради счастья народа.

НЕТ НАДЛИЧНОСТНЫХ ЦЕННОСТЕЙ, которые придают жизни смысл. Религия рассыпалась и почти исчезла. Мораль поддерживает скучно-потребительский образ жизни, который не может удовлетворить молодежь.

ЭНЕРГИЯ МОЛОДОСТИ НЕ ИМЕЕТ ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ. Все усовершенствовано...

И осталось только одно: сокрушить этот мир, где есть несправедливость, бедность и неравенство, где есть дискриминация и горе. Разрушить Цитадель Зла и создать на ее обломках Дворец Добра. Это величайшая, благая и справедливая цель. Мы достигнем ее! А всех врагов — слошим!

Чтобы создать новое — необходимо разрушить старое, занимающее его место в мире, забирающее его воздух и пищу, поработившее людей, мечтающих о новом.

И могучая энергия молодого поколения — энергия социальная, психическая, интеллектуальная, эмоциональная, да просто физическая — называйте как хотите, жизненная энергия оборудования и переоборудования мира — направляется на разрушение того, что есть сейчас.

...А строить у них ничего не получится. Тому сто лет и десятки трагических примеров без единого исключения. Но страсть, жизненная энергия — требует выхода!

А ум подыскивает рациональные объяснения тому, чего хочется. В частности — безусловной возможности

и закономерности построения социализма и коммунизма.

ОНИ ХОТЯТ КОММУНИЗМА, ПОТОМУ ЧТО ИМ БОЛЬШЕ НЕЧЕГО ХОТЕТЬ.

А хотение есть в человеке всегда. А коли есть хотение — предмет хотения найдется.

И в этой борьбе за социализм и коммунизм мы получаем выход и разрушительной агрессии, и созидательному импульсу — в одном флаконе! Громим врагов и их государство — а будем строить свое общество дружбы и счастья.

Коммунист XXI века — это конкистадор нашего времени, Ромул и Рем, Чингиз-хан и Карл Великий, пророк Моисей и Александр Македонский. Потрясатель миров, сокрушитель государств и создатель городов.

...Н-ну, а поскольку перспективы более светлой, чем коммунизм при всех его сомнениях и провалах, сегодня у человечества нет — молодежь идет в коммунизм. Ибо реальное будущее: истинная глобализация, исчезновение народов и государств в слиянии воедино, вымирание ненужного большинства, машинное производство избытка, евгеника на службе кочевой элиты, киборгизация человечества, — это реальное будущее мрачно и никого привести в энтузиазм не может...

А разрушительная стадия построения коммунизма, которую мы повсеместно наблюдаем на Западе уже 25 лет, ничем не отличается от таковой стадии у фашизма. Подавление любого инакомыслия, тоталитарная идеология, лживая пропаганда, насилие и убийства, погромы и поджоги. Ничего, господа, это еще далеко не так страшно, как Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем под началом товарища Дзержинского. Балтийская братва, матросы-анархисты при маузерах и в меру накокаиненные, дали бы этим левым, черным, наглым и сопливым такой копоты, навели такого шороха, что нынешние тепличные «революционеры» бежали бы плакать в полицию, требуя ее восстановить.

Жалко ребят. Дети безвременья. Жертвы духовного кризиса зрелой цивилизации. Продукт истощенности идейного ресурса системы.

Нам нечего им предложить!.. А простой сытости и безопасности молодым всегда мало. Больших дел жаждет юность!

И кривизна мирового пространства-времени направляет светлую дорогу в коммунизм обратно в жопу. Это великая трагедия революции.

...Ну, и немного о местном колорите:

Благополучный уже три четверти века Запад социализма-коммунизма на собственной шкуре еще не отпробовал. И верит в него! А потому что надо верить во что-то лучшее впереди! Как противопоставление своим недостаткам, которых ведь и вправду до хрена.

А русские коммунисты в разворванной и бесправной России, они ведь имеют опыт рухнувшего СССР! Но!!! Опыт вере не помеха. Они на глазах создают миф о великой и справедливой державе — ибо им потребен такой миф, чтобы верить в возможность лучшей доли, верить в возможность счастья и справедливости в России. Ибо — для веры и борьбы за социализм и коммунизм будущий — необходимо верить (иллюзия: знать, вернее — иметь убеждение), что советский социализм в прошлом был лучше капитализма! М-да. А постсоветская Россия — государство настолько бандитское и авторитарное, сверхбогачи грабят народ настолько нагло, что играть на этом контрасте: социализм — капитализм, каково что простому народу — ну просто мозг требует!

...Вот почему горячая благородная молодость своими благими намерениями мостит дорогу в ад — себе же мостит, как всегда этого не понимая.

ЧЕГО ОНИ ХОТЯТ

Социалисты-то? Безусловно всего хорошего.
Счастья. Справедливости. Равенства. Братства.
А чего они не хотят? Тоже элементарно.

Эксплуатации. Коррупции. Неравенства всех видов — материального, социального, морального. Несправедливости они не хотят. И такого положения вещей, когда одни владеют излишним, а другие лишены необходимого.

С чем связано все это плохое, от которого надо избавиться? С капитализмом. Когда одни люди работают на других, и наемные рабочие недополучают за свой труд, а капиталисты забирают себе часть их продукта и незаслуженно богатеют. При этом капиталисты покупают и подчиняют себе: средства массовой информации, органы власти и все государственные высоты. То есть: деньги рулят!

Вот в этой государственной машине, которая подчиняет и угнетает трудящееся большинство в интересах правящего капиталистического меньшинства, все зло и заключается.

Вывод? Необходимо сокрушить и отменить капиталистическое государство.

А для этого? Для этого необходимо отменить и запретить частную собственность на средства производства.

Это — как? Это заводами и фабриками, нефтяными скважинами и конструкторскими фирмами будет владеть народ. Сами работники. Рабочие советы сами будут решать, что делать и как делать, и сами контролировать производство. И договариваться напрямую с другими рабочими коллективами — о получении сырья, сбыте продукции и так далее.

А частную собственность мы отменим. Она рождает жадность, стяжательство и стремление подчинить себе людей во имя все большей прибыли. Частная собственность рождает неравенство, несправедливость, излишнее богатство и нестерпимую бедность, и горе поселяется в людях.

Мы, социалисты, за равенство и счастье.

Но! Буржуи сопротивляются! Не хотят расставаться с богатством и властью! Принимают законы в своих интересах, и оболванивают народ через СМИ ради своих целей.

Поэтому первый неизбежный этап перехода к социализму — сокрушение капиталистического государства и подавление эксплуататорских классов. Их пропаганде, их мнениям и возражениям, их хитрой лживой аргументации — не должно быть места! Мы правы — потому что мы за всеобщее равенство, справедливость и счастье для всех. И ради этой праведной и святой цели — мы заткнем лживые глотки нашим врагам, скрутим им руки и отберем несправедливо нажитое богатство, чтобы отдать его обратно — работникам, обездоленным и бесправным, чьим трудом создано все и которых всего лишило проклятое капиталистическое государство.

Итого. Диктатура революционного класса — это необходимый этап на пути построения счастливого, без насилия государства и власти, добровольного общества всеобщего равенства.

Это общество гармоничного человека, труженика, надежного товарища, заботливого помощника окружающим, развитого интеллектуально и физически, руковод-

ствующегося во всех поступках высокой моралью свободного человека.

Глупых, ленивых, с преступными наклонностями людей — от природы не существует, все дело в воспитании, в воздействии среды. Капитализм с его культом наживы и личного успеха уродует людей и формирует у некоторых своих жертв дурные наклонности, не позволяет развивать способности. А в свободном обществе люди будут формироваться свободно и гармонично, окруженные вниманием и заботой товарищей, — и не будет преступников и лентяев.

Даже если появится нарушитель общественного порядка — окружающие остановят его, воздействуют, исправят, перевоспитают. Даже если человек от природы не очень энергичен и не может трудиться наравне с расторопными работниками — но это же член нашего коллектива, нашей общей семьи, и он имеет право на такую же долю благ, как все остальные.

И вот тогда!.. Свободный счастливый человек, выбирающий себе занятие по своим душевным склонностям и по своим способностям, разовьет свой творческий потенциал как никогда раньше, и все свои способности приложит к свободно и творчески исполняемому любимому делу. Экономика достигнет небывалых высот — ибо истинно свободный человек работает куда продуктивнее наемника капитала, работающего за зарплату на хозяина и лишённого свободного выбора.

И вот тогда! Свободные счастливые люди, гармонично развитые творческие личности, в условиях невиданного раньше материального изобилия, необыкновенно богатые духовно, ибо души их не изуродованы эксплуатацией, неравенством и борьбой за кусок хлеба — эти люди, наши дети, товарищи, а может быть и мы сами застанем это время, воплотят извечную мечту человечества — о счастье, изобилии, справедливости и любви.

Сука, я уже плачу...

ПОЧЕМУ ОНИ НЕ СЛЫШАТ АРГУМЕНТОВ

Каждый, кто разговаривал с убежденным левым, будь то социалист или коммунист любой разновидности, экстремистской либо реформаторской направленности — удостоверился в том, что этот человек абсолютно глух к любым аргументам и фактам, не согласующимся с его точкой зрения.

Самые вопиющие и неоспоримые факты, противоречащие коммунистической идее, апологет этой идеи воспринимает не более как досадные помехи, мешающие утвердить неоспоримую истину. То есть истина есть наперед известная и бесспорная идея — а контраргументы необходимо парировать, опровергнуть, игнорировать, изменить. Для доказательства своей правоты законны и правомерны любые средства: подмена вопроса, подтасовка фактов, замалчивание деталей, передергивание аргументов — или просто уход от ответа любыми способами и перевод разговора на другой предмет. Я тебе про Фому — ты мне про Ерему.

Все социалистические эксперименты кончились экономическим крахом. — Ничего. Это был неправильный социализм. Люди были не подготовлены. Были допущены ошибки. Но теперь-то мы сделаем все правильно и хорошо. Много в истории удавалось не сразу.

Все социалистические эксперименты неизменно вели к диктатуре, тоталитарному государству и отсутствию

свобод. — Ничего. Необходимо было победить врагов. Социализм встречал бешеное сопротивление сторонников капитализма. Антикоммунисты вели бешеную пропаганду против нашего образа жизни, мы должны были защищаться.

Сколько еще крови должны пролить коммунисты, сколько еще миллионов людей уничтожить, чтобы вы перестали к нему стремиться? — Коммунисты не хотели уничтожать людей! Все это было ужасно и вынужденно. Против нас развязывали гражданские и мировые войны, диверсии и террор. Мы защищались. Мы строили счастливый мир для всех и защищались от врагов. Были, конечно, и ошибки, мы о них сожалеем; но любой строй допускает ошибки: а сколько рабочих демонстраций расстреляли капиталисты?!

Но люди бежали из социалистического рая в капиталистический мир — а не наоборот! — Отщепенцы есть всегда. Те, кто живут только ради материальных благ и готовы предать родину — всегда презираемы. А сколько советских людей шли на подвиг ради родины и торжества коммунизма — и народ ими гордился!

Но смотрите!!! — Гражданская война, голод 1921–22 года, раскулачивание, Голодомор, ГУЛАГ, 37-й год, Вторая мировая война, голод 1946 года — это сколько миллионов жертв? Не менее 15 миллионов умерщвленных людей, — не считая Войны, где так и нет счета погибших — 27 миллионов погибших или 42 миллиона. — Во-первых, у вас неверные цифры. Во-вторых — нам все это навязали, мы защищались. В-третьих: а индустриализация? а Великая Победа? а наше лучшее в мире образование? а Космос? Мы должны гордиться, а не очернять!

Вспомните Первый Съезд Советов СССР в 1989 году и толпы защитников Белого Дома в 1991 — никто больше не хотел проклятой Софьи Власьевны, не хотели жить с заткнутым ртом и пустыми магазинами, под потоками лжи и управлением бездарных и фальшивых демагогов! — Капитализм растлял наш народ и его мораль,

вел непрекращающуюся идеологическую войну, коммунистическая партия переродилась и лидеры предали интересы СССР.

Но если жизнь при социализме беднее, хозяйствование глупее, свобод нет вовсе, господствует единая и нетерпимая коммунистическая идеология — то чего ради такая жизнь? — А сейчас что, лучше? Вы посмотрите, что стало с Россией и народом!

...Эта сказка про белого бычка бесконечна. Их не интересует, что Октябрьский переворот был узурпацией власти, а разгон Учредительного собрания — вторым этапом узурпации абсолютной власти. А все происшедшее с ночи на 25-е Октября и до расстрела мирной демонстрации в поддержку Учредительного собрания 5 января 1918 (экспроприация вкладов, запрет частной торговли, закрытие всех газет, кроме собственных, создание карательного органа ЧК) — это и есть развязывание гражданской войны против собственного народа. Их не интересует, что слово «концлагерь» употребил еще Ленин, зоны Колымы, Воркуты, Мордовии и многие прочие они предпочитают объявлять почти вовсе не существовавшими; они не хотят знать о приказе № 428 от 17 ноября 1941, о 6 миллионах советских пленных, о новочеркасском расстреле, о количестве штрафбатов и штрафрот, и о «философском пароходе» они тоже не хотят знать.

Достоевский, говорите, русская душа? Слезинка замученного ребенка? Вы согласны на счастье народа ценной расстрелов и голодной смерти каждого десятого? А тебя лично — к стенке и пулю в затылок, и скинуть в яму с другими трупами? А как насчет видного большевика товарища Зиновьева, который сообщил, что с 10 миллионами человек (из 100 миллионов населения Советской России) договориться нельзя — их надо уничтожить? Ну так для большевиков пределов нет — цифру превзошли.

Почему изгнанного Троцкого не хотела принять ни одна страна? Так он же открыто трудился на их уничтожение — на победу мирового коммунизма!

Не хотят слышать про Пол Пота с его мотыгами по черепам. Не хотят слышать про Че Гевару с его любовью к расстрелам. Про кровавых собак Белу Куна и Розалию Землячку не хотят слышать. Про работу Папанина комендантом, то есть главрасстрельщиком Крымской ЧК не хотят знать — о, милый начальник Главсевморпути. А почему они не несут цветы к могиле коммуниста генерала Блохина, главного палача СССР, на Донском кладбище? Лично расстрелял — никто не знает сколько, архивы закрыты: не то 15 тысяч человек, не то 100 тысяч.

Они гордятся Королевым, но не надо про выбитые зубы и сломанные ребра. Они поносят Солженицына, но стараются не упоминать Лидию Гинсбург и Варлама Шаламова. Они не хотят знать, что расстрельщик и охранник концлагеря — одна из ипостасей коммуниста.

И старый, но все еще упоминающийся и очень показательный пример: они обличают Америку за разгул маккартизма и антикоммунизма — хотя в СССР любое отступление от идей коммунизма и сочувствие идеям либерализма и капитализма мгновенно каралось как минимум длительным тюремным заключением! Никакой симметрии... Да будь сами они американцами — всех коммунистов они бы сгноили без промедлений! И досрочно выполнили решения очередного съезда родной капиталистической партии!

...Но мы увлеклись и даже несколько отвлеклись. Предмет разговора не располагает к равнодушию, понимаете.

Почему — коммунизм в мозгах и душах?

Человеку необходимо изменять имеющийся мир — раз.

Человеку необходима великая, благая и общая цель — два.

Человеку необходим смысл жизни — стремление к чему и есть иррационально и подспудно выраженное влечение к общей и благой великой цели. Три.

Человеку необходима высокая групповая самоидентификация: наша группа борется за великое счастье для всех хороших людей; чего уж лучше.

Человеку необходимо гордиться собой — своим умом, благородством, силой и продвинутой.

Человеку для смысла и гордости нужна великая цель в жизни; деньги и карьера ее не заменят.

Человеку необходимо осознание своей значимости. И вот тут: мудрая сильная личность самодостаточна, ей всегда есть дело, она самоутверждается в своем деле и отношениях с людьми. Слабая, малоодаренная, заурядная личность, однако с некоторыми умственными и духовными амбициями — ищет себя в причастности к сильной, но доступной группе. Коммунизм дает групповую причастность как людям с некоторыми культурологическими амбициями — так и полным идиотам. Коммунизм как объединение группы причастных — выше наркоторговли или бандитизма, хотя ниже науки, медицины или крупного менеджмента.

Человеку нужно чувство защищенности и силы через причастность к своей группе. Коммунизм дает это чувство.

И последнее:

Человеку нужна вера. Так устроена его психика.

Или скажем иначе:

Человеку нужны надличностные ценности. Это аспект его силы и защищенности, аспект принадлежности к доминантной группе и смысла его жизни.

Короче: какая-либо форма религии, Веры в нечто высшее и большее, чем он сам, ему необходима.

Человеку нужен идеал. Поведения, выстраивания своей жизни, и — идеал общества, справедливого и счастливого.

Он любит идеал и поклоняется ему. И — ненавидит врагов: тех, кому его идеал чужд!

Уже все понятно?

Когда твой мир благоустроен, а изменение его встроено в твою программу на уровне психики и социальной задачи в принципе, ты должен его разрушить. И ты его разрушишь. «Германия, сдохни!» «Пусть исчезнет Америка!» Нормальные призывы сегодняшних ультралевых.

Но просто тяга к разрушению выглядит слишком варварски для студентов и интеллигенции, скажем. Это уж для быдла. Быдло наш союзник на этапе разрушения, но мы-то выше него. А нам — необходимо оправдать наши стремления и действия достойной целью, благими помыслами.

...И вот западные леваки разносят свои страны и свою культуру. Ибо их молодежи некуда направить свои силы, негде найти великую цель: все земли открыты, все благоустроено и предусмотрено. И они смоделировали себе в нехитрой (идиотской, но искренней) теории такой социализм и коммунизм, где все черные и желтые и белые, умные и идиоты, сильные и инвалиды, сексуальные и извращенцы — будут равны во всем и получать всего поровну. И они не желают знать, что это глупо и невозможно! Ибо это — идеал! Страсть! Вера!

А российские коммунисты обретают счастье и достоинство в идеализации и романтизации великого имперского прошлого: могущественного, справедливого и прекрасного Советского Союза. И пишут на всех местах: «Можем повторить!»

Их не интересуют ваши факты и доводы. Они реализуют собственную потребность полноценной жизни и изменения мира.

Они хотят, верят, мечтают и воображают себе. И услужливый, изоощренный человеческий разум подает их аргументы в защиту того — что и так неоспоримо.

Идея коммунизма прекрасна! Как гармоничный человек без дерьма и храпа, как жизнь без гниения трупа после смерти, как юность без старости и грациозный леопард без убийства антилоп.

Армия от войны портится, огорчился император Павел.

Верность идеи проверяется практикой. Оцените свежесть мысли. Практика сильно изгадила коммунизму чудесную теорию.

Итак — о глухоте и ненависти коммунистов ко всем инакомыслящим.

**КОГДА ИДЕЯ СТАНОВИТСЯ УБЕЖДЕНИЕМ,
ОНА ПОДКРЕПЛЕНА
ЭМОЦИОНАЛЬНЫМ АППАРАТОМ
И ОБРЕТАЕТ НЕПОКОЛЕБИМОСТЬ СТРАСТИ**

А страсть выше доводов разума. Страсть — первична. Первичен эмоциональный мотивационный механизм действия. Голод. Спасение. Стремление к сексу. Реакция на опасность: бей или беги! Разум же — обслуживает страсть, планирует и обсчитывает пути и варианты ее удовлетворения.

Инакомыслящий с точки зрения коммунистов бес-тактен, как гость, заводящий речь о веревке в доме повешенного. Гадина и враг. Обрушитель карточных домиков и песчаных замков. Это все равно что порочить мать в глазах сына, или невесту — в глазах влюбленного. Убить подлого лжеца! Его слова оскорбительны для моего самого дорогого и родного. А его-то мать пьяница и взяточница, его-то невеста за деньги трахалась со старым жуликом, а мои просто не могли — вот справка и трудовая книжка, им было просто некогда и негде.

Так что довольно наивно ожидать какой бы то ни было объективности и правдолюбия от пламенных идеалистов, готовых убивать ради своей модели счастья; — наследников тех, кто расстреливал в подвалах и оврагах и охранял истощенных работяг в ледяных пустынях. Они были глухи к тем, кого пытали, выбивая признания в несовершенных преступлениях. Вы будете так глупы, чтобы ждать честности?

ПОЧЕМУ ОНИ ЛГУТ

Да потому же, почему лжет неверная жена рогатому мужу. Потому что задача не в том, чтобы совместно с ним установить истину (еще только не хватало!), а нести любую чушь, подтаскивать за уши любые нелепые оправдания, обвинять его самого в позорных подозрениях и припоминать его собственные ошибки и грехи. Она напомнит о своей тяжелой доле и несомненных заслугах, уличит его в небрежности и эгоизме, приведет примеры своей правоты и его негодяйства в прежних ссорах! И самое главное: с непробиваемо невинным и непонимающим видом будет встречать все обвинения и ахать от негодования, оскорбленная обвинениями.

Ее задача — защитить свое положение и скрыть свою страсть, сохраняя все преимущества своей жизни. Потому что ей так очень-очень хочется, до истерики хочется, охвачена она своей страстью; а жить как-то с этим надо.

Ибо страсть — первична. А разум — вторичен. И служит для удовлетворения страсти.

О, человек, говорите вы, отличается от животного тем именно, что может разумно управлять своими страстями, подавляя вредные, нехорошие? Небольшая поправочка, образованные джентльмены: разум человеческий мощный тем отличается, что способен подавлять малые страсти, влекущие к мелким, близким, тактиче-

ским целям (сожрать кусок сейчас, украсть понравившуюся вещь прямо сейчас, изнасиловать самку прямо сейчас и дать по морде врагу прямо сейчас) — подавлять такие мелкие страсти ради достижения цели крупной, дальней, стратегической: потерпеть сейчас — но есть много потом и всегда, не украсть с последующими побоями и позором, но потерпеть, поработать и купить много вещей позднее, не драться сейчас и быть избитым — но найти способ уничтожить врага и остаться невредимым самому. Потому человек и стал царем природы — над тиграми и слонами.

Страсть постоянная, великая, влекущая к дальней и грандиозной стратегической цели, владеет человеком. Цель эта всегда — ценность надличностная. Жить по Божьей Истине и тем войти в Царствие Небесное и приблизить приход его на Землю. Или построить справедливое и счастливое общество для всех угнетенных и обиженных. Или освободить родину от захватчиков.

Дело, которому ты служишь — больше тебя самого. И твоё служение делу — определяет твои взгляды и ценности. И твой взгляд на мир, твоё видение жизни — зависит от того дела, которому ты служишь.

Служение идее коммунизма как рационально возможному варианту Высшей Справедливости на Земле — вариант служения Истине, дальней и благой цели ради всего человечества. Верна эта истина или нет — это уже другой вопрос. (Вот для этого леваки от философий — постмодернисты — изобрели «всеобщую релятивность критериев и оценок» — в том числе выдвинули тезис о релятивности истины вообще. Типа: да, истина у каждого своя, и каждая имеет равное право на существование. У этого тезиса масса следствий и последствий, но в частности — это позволяет отбрасывать трагический опыт построения социализма в разных странах и «с нуля» декларировать все те же принципы социализма: ничего, построим.)

Очень редко кто служит Истине. Вечное племя Понимателей всегда было малочисленным и гонимым. Они

прокладывали маршрут Познания. И как только линии их поисков и открытий выходили за границы общепринятого на картах своей эпохи — Понимателям давали по мозгам. Пророков забрасывали камнями и жгли на кострах. Потом чтили и возводили в святые. Жизнь, говорит Боконон, смейся и плачь.

Страсть к Истине — заводит лишь самых терпеливых и упрямых дальше границ отдельных целей и задач — в открытое пространство познания Главного: устройства Мира — общего устройства, общих законов Мироздания. Это удел мудрецов.

КОНКРЕТНОСТЬ ИСТИНЫ ЗАВИСИТ ОТ МАСШТАБА ПРИТЯЗАНИЙ

Истины солдата, полковника и маршала часто не совпадают в бою. Солдат понимает: надо было подавить артиллерией огневые точки врага, обеспечить переправляющуюся пехоту плавсредствами, чтоб половина не утонула при переправе, прикрыть плацдарм штурмовой авиацией и подвезти боеприпасов больше. Полковник понимает, что плавсредств и авиации нет, а приказ выполнять надо, потому что эта переправа и плацдарм — часть большой и очень громоздко подготавливаемой операции. Но требует у командарма огня и подкреплений! А маршал воюет по карте, боится снятия Ставкой ВГК, видит на карте участки более важные, и орет в трубку, что расстреляет, если не удержатся. А в тылу матери солдат надрываются на производстве и готовы отдать все, лишь бы их детей не гнали на убой, на пулеметы, не сделав все возможное для сохранения их жизней. М-да, а полковой особист готов расстрелять каждого, кого заподозрил в трусости, в самостреле или в намерении сдаться в плен. У него тоже своя истина: надежность личного состава.

И. Через пару лет (это в мирное, спокойное, медленное время; на войне гораздо быстрее, на войне в считанные дни) человек проникается корпоративными ценностями — которые венчает корпоративная истина. Истина как высшее обобщение твоих ценностей и взглядов.

И человек защищает свою истину, ибо чужие — ее не понимают, они неправильно видят мир, они вообще не к тому стремятся, жизни не знают.

И спор «посвященного» с «непосвященным» — это диалог между двумя мирами, существующими в двух разных измерениях.

...Так что не жди правды от коммуниста, если сам ты не коммунист. Его страсть — это ветер в чужой степи, метеорный поток в другой вселенной, чума другого человечества. Он видит принца там, где ты видишь дракона, и цветущий сад там, где перед тобой встает пирамида из черепов.

Коммунист видит ровно половину пейзажа: где дымят индустриальные гиганты, парады танков и физкультурников на Красной площади, полеты в космос и бесплатные квартиры, прекрасное бесплатное образование и уверенность в завтрашнем дне. Вторая половина — пытки и расстрельные подвалы, террор против собственного населения и жестокое подавление любого инакомыслия, запреты на выезд из страны и тотальная цензура, шизофрения государственного планирования и низкая производительность труда — этого он видеть не желает. Ибо эта информация — дискомфортна, нежелательна его мозгу, вносит когнитивный диссонанс, мешает спокойно жить, разрушительно действует на сознание.

Ложь коммуниста — даже не ложь. Это защита своей точки зрения любыми путями. Истина известна заранее: коммунист прав. Задача: доказать свою правоту. Все!

Когда-то Хемингуэй сказал: «Фашизм — это ложь, изрекаемая бандитами. И когда он уйдет в прошлое — у него не будет другой истории, кроме кровавой истории убийств». Молодые люди, к вам это тоже относится.

ГЛАВНЫЙ ПАРАДОКС

Этот вопрос настолько важен, принципиален, необходим к пониманию, что стоит уделить ему отдельную, при всей ее краткости, главу.

СОЦИАЛИЗМ ВЕЧЕН, ПРЕКРАСЕН И НЕПОБЕДИМ КАК СТРЕМЛЕНИЕ И МЕЧТА

И одновременно, и вместе с тем! —

СОЦИАЛИЗМ ЖЕСТОК, ОШИБОЧЕН И НЕВОЗМОЖЕН В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Можете считать, что стремление к социализму и невозможность социализма — это единство и борьба противоположностей.

Ведомый инстинктом группового выживания, увлекаемый справедливостью, которая есть устройство максимального благополучия всей группы, подсознательно стремясь быть членом наиболее могущественной и процветающей группы — всего счастливого и всемогущего человечества, — человек мечтает о рае на земле. Без жестокости и бедности. Где все равны и добродетельны, честно трудятся и помогают ближнему, где нет эксплуатации и обмана, где никто не обижен.

Человек несовершенен, говорят им. Мы его перевоспитаем, отвечают они. Не умеешь — научим. И все откроют любовь в своем сердце. Это несправедливая тяжелая жизнь ожесточила сердца.

И они начинают строить счастье для всех.

Но сначала необходимо подавить врагов. Эксплуаторов. Приверженцев частной собственности. Буржуазию. Идеологических диверсантов. Нужны карательные органы и суровые законы.

Затем нужно всем внушить, что все наше, общее, а значит — государственное. Отдай свое — тебе выделяют сколько сочтут нужным.

И вдруг выясняется, что умные и глупые, работающие и ленивые, честные и вороватые — остаются таковыми! И новые эксплуатируемые не любят новых паразитов-лентяев, а паразитам нравится работать меньше, а получать вровень с работягами. А лучше всех живут руководители!

Избранные лица, они же государственные чиновники, они же новая элита профессиональных менеджеров, руководят промышленностью, сельским хозяйством и наукой. Составляют планы и требуют их выполнения.

И вот уже обесмысливается руководящая роль социалистических лидеров, и неэффективна организация всего, и завидуют зарплатам у капиталистических соседей, и появляются диссиденты, и надо закручивать гайки, и растет коррупция и очковтирательство, и все всё в гробу видали. Госбезопасность, цензура, политзаключенные, железный занавес и дефицит. Эх, какую страну просрали!..

ПИК И КРАХ СТРАНЫ И ЦИВИЛИЗАЦИИ

В 1901 году умерла королева Виктория — кончилась великая викторианская эпоха. На краю света, в Южной Африке, шла Вторая Англо-Бурская война. Великобритания простерлась по континентам и островам, занимая пятую часть земной суши. И гимн величайшей и богатейшей Империи, могучей владычицы морей, лидера промышленного и научного прогресса, звучал над миром: «Правь, Британия!».

Через полвека, еще живы были ветераны колониальных войн, Англия перешла в разряд держав второго уровня. Она лишилась всех колоний, рассталась с промышленным, военным и научным лидерством. Великая Империя, создававшаяся полторы тысячи лет, перестала быть таковой.

Скажем еще короче: в 1914, перед Первой Мировой, Великобритания была главная сверхдержава мира — а в 1947, независимость Индии, Англия была на порядок менее значимой, чем сверхдержавы США и СССР. Кто бы в 1914 мог этому поверить?.. 50-летний полный сил англичанин еще не осознавал, что это бывшая Великая Британия, за которую он воевал 20-летним солдатом...

Sic transit gloria mundi. Да не в том даже дело, что *mundi*, а как же быстро *transit!* Вдруг, все было так здорово — и в одночасье!

Вообще-то люди с древности понимали, что пик, расцвет могущества — это предвестник скорого краха. Причины не совсем понимали. И приводили в объяснение гибельную войну или волю богов.

«Мене, такел, фарес» — проступили огненные слова на стене дворца Валтасара: уже исчислено, взвешено, разделено. А пир шел в могущественном царстве!

В расцвете могущества был пленен и казнен самосский тиран Поликрат. В расцвете могущества было повержено Лидийское царство, а Крез стал пленником Кира. В расцвете могущества и славы был убит Цезарь. И Сталин, полновластный владыка ядерной сверхдержавы и всего социалистического полумира, на вершине могущества был отравлен ближайшими царедворцами.

И сказал великий мудрец Лао Цзы две с половиной тысячи лет назад: «Мягкое побеждает твердое, и слабое побеждает сильное». Диалектику Лао Цзы можно интерпретировать и постигать всю жизнь. А только значит это, что от изначальной слабости и мягкости система, будь то человек или государство, все твердеет и укрепляется до предельной силы и твердости — после чего рушится, вытесняемое новым, народившимся и поднимающимся.

Понятно ли? Сила и твердость, оно же прочность и могущество, все нарастают и нарастают — пока не достигают предела этих своих качеств. После чего разрушаются и гибнут.

Старость не лечится. Отчего бы ни умер старик — частные, конкретные причины не принципиальны. Не одно, так другое, не сегодня — так завтра. От старости он умер. Подлечить и подлатать можно не надолго.

«Тысячелетний Рим», «Тысячелетний Рейх». Люди всегда знали — нет вечных держав. Пирамиды вот долго стоят... Но в Египте сменилось несколько государств до эпохи Средневековья. И в вечном Китае сменились государства. О прочих цивилизациях мы вообще молчим. Шумерская, хеттская, вавилонская, Великая Греция, Великий Рим...

И вечные вопросы популяризаторов, да и серьезных историков: отчего погибли? Да оттого же, отчего родились! От жизни.

Любая система, и социальная система в частности, проходит фазовый цикл своего развития. Зарождение — развитие — подъем — плато — пик — спад — крушение и гибель. Ну, типа:

Союз племен захватывает территории соседей и подчиняет себе людей. Прибавочный продукт отчуждается руководством образовавшегося протогосударства и инвестируется в армию, пропаганду, науку и изобретения. Жизненный уровень поднимается, региональное влияние повышается. Объединена уже большая территория, развиваются ремесла, совершенствуется земледелие, появились и процветают искусства. Процесс идет по нарастающей, и вот уже все живут для своей эпохи зажиточно и интересно, имеют выбор профессий, стекаются специалисты из других стран.

И вот тут — наступает переход насыщения в пресыщение. Все, что на этом уровне развития можно, — уже открыто, завоевано, построено. А где новизна? А где острота? А где адреналин? А эндорфина еще хочется!

На пике развития цивилизации — начинается разврат, господствует гедонизм, пороки идут в рост, никто не хочет трудиться и воевать, коли можно обойтись без этого. Иждивенчество, паразитизм, коррупция. Мигранты для работ. Распад морали, утеря доблестей, безвольное потребление благ. Все приходит в упадок. И варвары приходят, как волки за больным лосем, как гиены к падали, а к здоровому они и подступиться боялись.

...Ну ладно, это Рим — а Англия чего? Викторианская мораль была строга! Да. А вот тут интереснее.

Национальным поэтом Англии был Киплинг. Певец не колониализма, это бред и пропаганда. Певец мужества и силы, долга и самопожертвования. Он воспевал колониальных солдат и чиновников, которые без высоких слов делали свою работу и умирали. Он воспевал храбрость и верность туземцев. Моряки, бизнесмены,

контрабандисты — люди рискованных профессий были его героями. Даже банкир, даже паровоз, даже обманутая туземная девушка — его герои. Каждый из них — молекула Великой Империи. И судьба каждого из них, душа каждого из них — наполняет гордостью за великий человеческий род.

Да, так вот в 1914 году, канун Великой Войны — он вышел из моды. Киплинга больше не хотели читать. Я долго ломал голову над этой загадкой. А дело в том, что все возможное Британия уже завоевала, покорила и подчинила. Изобрела и создала. Проложила и построила. И — молодые англичане не хотели больше быть винтиками Великой Империи. Не хотели быть мужественными и гордыми покорителями мира. И нести бремя белых тоже не хотели. Умерла Виктория, умер Дизраэли, умер Диккенс. Остались саркастичный Бернард Шоу и гениальный мечтатель Уэллс. А еще сотни тысяч бессмысленных жертв Великой Войны внушили англичанам отвращение к войнам и патриотическому пафосу в принципе.

То есть! Все начинается с информационной модели! Разруха начинается в головах! Сначала англичанам осточертела Великая Британская Империя — а потом она перестала быть таковой! Понятно ли? О нет, они не хотели ее разрушать. Просто они не хотели больше за нее горбатиться и умирать, перестали ею гордиться и начали все больше порицать за массу недостатков. Ложь, лицемерие, бессмысленность карьер, социальная несправедливость... короче, там горько там солено, там режет там тянет.

Ну, а конкретика деталей, как именно опустилась Англия — это уже для другого сочинения. Объявление войны Германии 1939, Атлантическая Хартия 1941, разорение американской торговлей британских колоний, депрессия Черчилля — это великий роман, великий! — никем не написанный в силу разных причин.

...Вспомните еще старую задачку на сообразительность. На поверхности пруда появилось маленькое пят-

нышко ряски. За сутки оно увеличивается вдвое и через 27, предположим, дней закроет половину пруда. Сколько дней потребуется ряске закрыть вторую половину? Ответ: один день. Арифметическая прогрессия. Ускорение угрожающего процесса: вначале незаметен, а когда у тебя остается еще огромный резерв открытого пространства — оно будет уничтожено уже завтра.

То же и со старостью организма. Иммунный ресурс истощается постепенно, сбой происходит в самом слабом месте организма и усугубляется, и в конце концов начинается лавинный отказ всех функций. Время от первых симптомов до агонии бывает очень долгим, но от начала агонии до смерти путь очень быстр.

Ну или более обыденно, из того, что не раз переживал каждый: вирус гриппа можно носить в себе пять суток, а можно три недели, и все это время он в тебе размножается и захватывает пространство организма. А от первых конкретных симптомов — насморк, саднит в горле, легкая лихорадочность, повышение температуры — проходит буквально два-три часа до заболевания по полной.

Многое из того, что относится к биологическим системам — относится и к системам социальным. К государствам и цивилизациям. Завоевывать и защищать, строить и изобретать, организовывать и обеспечивать комфортабельную жизнь — очень долго и очень трудно. А снести все к черту — очень быстро. И легко. Ломать не строить.

С вершины все тропы ведут вниз. Путь к вершине долг и труден, а вниз скатиться — это очень быстро.

Когда цивилизация достигает пика могущества — народ ее многочислен, армия победоносна, ученые мудры, а жизнь сытая и спокойная. Но. Это процветание означает еще одно: системный ресурс исчерпан. Путь ее пройден. Она создала все возможное. А бесконечное усовершенствование технических и комфортных мелочей не является принципиальным — они не есть качественные изменения.

Смена цивилизаций — это эстафета, где палочка не передается в руки, но падает, и будет когда-нибудь и где-нибудь найдена следующим бегуном.

Все незаметные, малые, частные изменения внутри процветающей цивилизации теряют свой созидательный характер, потому что нечего больше созидать. Вибрирование молекул в кристаллической решетке теряет свою синхронность, и вместо передачи импульса движения всей системе в целом — разносят ее. Это малонаучное сравнение, но вы поняли наглядность картинки, да?

В течение всей своей жизни цивилизация все увеличивает свою мощь во всех областях, становится все сильнее материально и информационно. И дух ее народа по необходимости агрессивен и суров, направлен на завоевание и созидание. И вот на пике могущества — материальные и информационные возможности развиты до предела — и дух, который есть вечное стремление к изменениям и новым завоеваниям во всех областях — этот дух направляет все развитые силы цивилизации на такие изменения, которые есть разрушение себя.

Разогнавшийся до предельной скорости автомобиль промчался всю дорогу — и влетел в болото, или слетел в пропасть, или вмазался в стену. А за миг до этого — скорость его была максимальна, и пробег велик.

Достижение пика развития — включает в системе механизм самоуничтожения. А самоуничтожение — это быстро. При этом самоуничтожении цивилизации — ее носители и они же могильщики, отдельные люди, могут воображать себе все, что им заблагорассудится, про свою благую роль и благородные стремления. Разум лишь обслуживает объективно потребные действия.

...Социально-психологическая форма самоуничтожения нашей цивилизации называется нео-социализм-марксизм во всех его подвидах.

АУТОИМУННОЕ БЕШЕНСТВО

Любое животное прошло долгий эволюционный путь от простейшего организма до, скажем, лисицы. В результате лисица — сложнейший организм с мощной центральной системой и сложными психическими и моторными реакциями. Она прекрасно приспособлена к существованию в окружающей среде. Она умеет прятаться, уходить от погони, выслеживать добычу и ловить ее, находить в брачный период пару и обеспечивать жизнь подрастающих детенышей.

Это требует много энергии. Энергия поступает с пищей. Пищу надо добывать. Охота же, добывание пищи, в свою очередь, требует большого расхода энергии. Круг замыкается.

Обязательное условие: положительный энергетический баланс. Энергии должно поступать больше, чем расходуется.

Поэтому животное всегда стремится накопить какое-то количество энергии «про запас». Ест при возможности до отвала. Копит жирок на боках. Можно сказать, это действует инстинкт захвата и сберегания энергии.

Но должен быть и предохранительный клапан, чтоб инстинкт накопления энергии не переусердствовал и наша лиса не сдохла от ожирения в год, когда расплодившиеся зайцы сами будут прыгать к ней в нору. Излишек энергии необходимо сбрасывать. И тогда лиса без нужды

обегает свой участок или играет, охотясь за ненужными птичками.

А кроме того. Исторически выжили только те лисы, которые были «запрограммированы» природой много бегать и охотиться. Баланс их энергообмена таков, что соотношение захваченной энергии (пойманной и съеденной добычи) находится в соответствии с расходом энергии (потерей калорий при движении, не считая расхода на обогрев тела).

То есть. Лисе потребно питаться. Но бегать ей тоже потребно. И когда она сыта — она может играть и бегать просто так: уголяя свою потребность в движении. И то сказать: если есть ноги, мышцы, легкие — они должны действовать!

Теперь понятнее пример: ваша собака сыта и живет в комфорте — но бегать обожает, только и дожидается прогулки, чтоб носиться по дорожкам и лужайкам!

Движение, действие, сброс энергии — потребность животного.

Животное — это биологическая система.

Человек — с одной стороны — тоже биологическая система. Ему тоже потребно как захватывать энергию (питаться), так и расходовать ее (работать, бегать, играть). И как биологической системе, ему свойственен среди прочих еще один инстинкт: защищать свой источник прокорма и свое право на партнера для размножения.

А в природе это тяжелая, опасная и необходимая вещь — защищать свой корм и свое продление рода. Миллионы и сотни миллионов лет наши далекие биологические предки жестоко конкурировали за это право, и в беспощадной борьбе выживали и эволюционировали дальше самые приспособленные, выносливые, сообразительные и сильные. За жизнь всегда надо было бороться. Бороться с природой, с хищниками, с враждебным племенем, с другим самцом за самку.

Инстинкт борьбы — неотъемлемое свойство человека. Часто его называют агрессией.

...А теперь от биологических систем переходим к системам социальным. Где постоянно происходила явная или скрытая борьба с окружающей природой и другими социальными группами (племенами, народами, странами, а хоть и классами).

На уровне социальном: вражда между родами за участок кормления сменялась (путем договора или подчинения) объединением в племя, воюющие племена объединялись (силой или примирением) в союз племен, и на основном стволе социальной эволюции, на ее острие, возникло государство. Государство развивалось, в крови и трудах, пока не достигло благополучия, мира и комфорта к XXI веку Нашей Эры.

На уровне борьбы с природой: поиски удобной пещеры, овладение огнем, переход к земледелию и скотоводству, изобретение плуга и способов производства металла, а далее архитектура, орошение, паровые машины и двигатели внутреннего сгорания — и вот мы здесь: центральное отопление, холодная и горячая вода, самолеты и компьютеры, любая пища в ближайшем магазине и развитая медицина. Комфорт и безопасность XXI века.

...Ну — а как же с нашим инстинктом борьбы? Который — важнейший аспект инстинкта выживания индивидуума и рода?

Когда-то мы учились делать простейшие лодки, потом — простейшее весло, потом — примитивный прямой парус. А потом пересекли океаны и открыли новые земли, полные неведомых опасностей и богатств. Когда-то сражались в бесчисленных войнах, защищая свою землю и захватывая чужие. Надрывались, распахивая целину и превращая пустоши в плодородные поля. Разбивались в испытаниях несовершенных самолетов. И уезжали в далекую Италию Гарибальди и Республиканскую Испанию воевать за счастье и справедливость других людей — наших братьев. Энергия и воля борьбы сотен миллионов прошедших лет срывала нас с места.

И вот комфортный и безопасный мир наступил!!! Изобилие, здравоохранение, камеры слежения на улицах,

образование и кредиты, развлечения и ежегодные смены мод.

Но — инстинкт борьбы, и движимые им инстинкт открытий новых пространств и перемен в нашем мире, — он ведь остался! Наш мозг, наши нервы, наши рефлексы — они унаследованы от миллионов поколений дальних и сверхдальних предков. Грубо и попросту: в людях живет энергия борьбы, открытий, перемен — что с ней делать? Куда ее употребить?..

Уже давно известен и описан феномен «молодежного пузыря»: книга Гуннара Хайнзона «Сыновья и мировая власть» вышла в 2003 году. То есть: при высокой рождаемости, когда процент молодежи 15–29 лет в обществе зашкаливает за 30%, — жди потрясений, революций и кровопролитий. Почему? Это уже я отвечаю. Потому что энергии борьбы, открытий, передела мира — много, а возможностей мирно ее применить — мало. Все места заняты, весь порядок в обществе и государстве определен и устоялся, все дальние земли давно открыты.

...Первый удар, первый толчок землетрясения прогремел на Западе в великом 1968 году. Юные бунтари, поколение бэби-бумеров, многочисленнейшее поколение 1946–50 годов рождения, победители вернулись с Великой войны и зачали их — эти юнцы послали к такой-то матери все: вашу культуру и цивилизацию, ваши карьеры и достижения, ваши войны и газеты, ваше богатство и вашу мораль.

Внимание:

Свобода оказалась связана с отрицанием и разрушением.

Юные — а в авангарде всех этих движений выступали студенты — хотели мира без войн и страданий, хотели равенства и справедливости. А не хотели — культа прибыли и богатства, социального и расового неравенства, бессмысленности буржуазной жизни и лицемерия буржуазной морали.

А конкретно-то! — они хотели, чтобы мир был устроен как?! А черт его знает. Одни купили коммуной

ферму и засеяли поле манной крупой, ожидая всходов (буквально, не шутка). Другие забивали дурь и жили групповыми семьями. А третьи — третьи проповедовали Маркса, Троцкого и Мао! Недавно убили Че Гевару — и он стал символом и святым.

(В 1968 году в библиотеке я вырезал из журнала «Bohemia» страницу со знаменитым портретом Че Гевары и повесил в нашей комнате в общежитии. Я возил ее с собой повсюду; она и сейчас на стене в моем кабинете, среди нескольких других портретов и рядом с Хемингуэем. Можно изменить взгляды, повзрослеть и поумнеть, проклясть убийц в любых обличьях, но нельзя изменить памяти, юности и любви. Да — такими мы были. И только если ты помнишь себя — ты можешь понять других.)

М-да... Ну, хиппи, дети-цветы, революционеры ЛСД — в основном повзрослели, остепенились, и дурь их повыветрилась. Но кое-кто — и общим числом немало! — пошли в профессию и журналистику. Сеять неразумное, недоброе и потому тем более вечное в юные неокрепшие умы. Воспитывать ниспровергателей проклятого капитализма. В чем немало преуспели, как мы видим сегодня, летом 2020 года.

...Но мы заканчиваем это краткое рассуждение. Которое сводится к следующему, вполне элементарному:

Та молодежь, которая могла бы защитить страну в войне от захватчиков. Та молодежь, которая могла бы открыть новые материки и освоить новые земли. Та молодежь, которая могла бы возвести новые города, погнать чайные и шерстяные клипера через три океана и покрыть землю сетью железных дорог. Вот та самая молодежь — не имеет равноразмерного предмета приложения своих сил и возможностей.

Можно сказать грубо и по-мещански: с жиру бесят-ся, делать им нечего, жареный петух их в зад не клевал. Да. И все это будет правдой.

Но! Когда у людей нет достойного дела, потребного им по силам и возможностям, удовлетворяющего их

жажду романтики и больших свершений — они все равно найдут такое дело.

И я вспоминаю максимум, которую твержу уже четверть века:

**ТАМ, ГДЕ ТЫ НИЧЕГО НЕ МОЖЕШЬ СОЗДАТЬ —
ТЫ ДОЛЖЕН РАЗРУШИТЬ**

Ибо создание города и разрушение города — равно-великие действия с противоположным знаком.

Завершенность постройки означает начало ее разрушения.

Энергия молодежи, которая могла бы защитить страну, завоевать новый материк, заложить новую цивилизацию, преодолеть великие трудности — не имеет позитивной точки приложения. Мир уже комфортен. Энергию вовне — некуда направить: что улучшить? что переделать? Мелочи молодежь не интересуют.

Поэтому по городам Германии проходят колонны молодых ультра-леваков — и юные немцы вопят: «Германия, сдохни!» Сто лет назад они же вопили бы: «Германия превыше всего! Германия, проснись! Смерть евреям! Дрожите, дряхлые кости!» И призывали бы к войне с Францией, Англией, Советской Россией и мировым еврейским плутократическим капиталом. Н-но — сегодня нельзя: мир политкорректен, они воспитаны иначе, агрессия позорна и запрещена — и может быть направлена только на себя, свою собственную группу и свою собственную страну. И тот тевтонский дух, та боевая германская энергия, которая две тысячи лет гнала их в битвы и в конце концов создала великий народ с его огромными цивилизационными достижениями — тот дух и та энергия разрушают сегодня народ изнутри, будучи заперты внутри себя и запрещены.

**АГРЕССИЯ, КОТОРОЙ ЗАКРЫТЫ
ВЫХОДЫ НАРУЖУ —
НЕИЗБЕЖНО ОБРАЩАЕТСЯ ВНУТРЬ**

И американские леваки сжигаемы жаждой уничтожения США — государственной системы, давшей им все, —

пытаются разнести в клочья собственный мир, чтобы на его обломках построить мир иной, вымышленный, неизвестный — но враждебный настоящему и отрицающий его. Великая англосаксонская раса колонизаторов и цивилизаторов, завоевателей и культуртрегеров, объявлена позорной и порочной в своих стремлениях, действиях и всем образе жизни. И — энергия ее молодежи, совокупно с откровенно разрушительной и антисоциальной энергией преступников и погромщиков, освобождаемых от преследований — направлена против существования собственного социального организма.

А теперь представьте для наглядности некоего фантастического зверя, типа смесь гиены с огромным волком. Зверю нужно грызть, натура его такая. А его посадили в невидимую клетку из силовых полей: он их не видит, не может приблизиться и укусить, и сидит в своей пустоте. И он — начнет грызть себя! Потому что челюсти должны грызть! зубы должны впиваться и дробить! Это — обеспечивает ему в родной среде жизнь. А здесь — обеспечит смерть.

Грызть необходимо, жить не так уж необходимо.

Так вот — в социальном смысле:

Бороться и переделывать мир необходимо — жить не так уж необходимо.

Прикладывать к делу своей жизни все силы необходимо — жить не так уж необходимо.

Римляне были великим народом.

Силы, нужные для борьбы с трудностями, завоевания пространства жизни и защиты от опасностей — когда их некуда применить, обращаются внутрь собственной социальной системы.

Созидание перерастает в разрушение — если созидательным силам нечего созидать.

...Нынешний изошренный и беспредельный, абсурдный расизм Запада — это следствие борьбы за все хорошее, когда все хорошее на самом деле уже есть. Улучшение лучшего — и есть ухудшение.

Нынешняя политкорректность Запада — насквозь

фальшивая, лживая, разрушающая собственное общество — это борьба за улучшение. Потому что не за что больше бороться!!! Нечего больше улучшать!!!

Жизнь — это действие. Действие — это изменение. Когда социальная система усовершенствована близко к идеалу — ее члены в лице самых молодых и активных неизбежно начинают ее разрушать. Ибо изменять — это форма существования, форма течения жизни, ну в общем вы меня поняли.

Так что сегодняшние разрушители самой совершенной, гуманной и комфортабельной из когда-либо существовавших социальных систем — это ее несостоявшиеся защитники, которые лишены возможности защищать. Им не позволяют. И им нечего.

Они не могут угнетать чужую расу — и угнетают собственную. Они не могут разрушить другую страну — и разрушают свою. Им запрещено ненавидеть чужих — ну так они ненавидят своих, начиная с родителей. Им нельзя ставить на второе место все меньшинства — ну так они ставят на второе место большинство, на котором стоит мир. Они не могут создать великую страну — ну так они ее разрушат. И если нельзя убивать врагов — ну так мы перейдем на сторону врагов и будем убивать своих. Но то, что записано в нашей природе и диктуется нашей природой — мы все равно сделаем! Вам во спасение — или нам на погибель.

Если агрессию, зло, борьбу, преодоление — нельзя направить наружу, к благу своей страны и несчастью другой, внешней — то рано или поздно имманентно присущие людям качества обратятся против них самих.

Силы защиты и развития страны и цивилизации — обращены внутрь, на ее самопоедание.

Так начинания, вознесшиеся мощно, отнюдь не теряют имя действия, не прекращают свой ход, но закурливаются внутрь себя, кроша свое исходное внутреннее пространство.

НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА

Как известно, после падения СССР и социалистического лагеря в Западном мире наступила недолгая эйфория. Фукуяма написал знаменитую статью о конце истории. Грозный враг открытого общества рухнул под грузом собственных пороков и преступлений. Свободный мир с облегчением вздохнул и приготовился к счастливому благоденствию и бесконечному росту процветания.

И ах! — десяти лет не прошло, как от сладких иллюзий не осталось следа. Призрак коммунизма вступил в однополый брак с птицей Фениксом, и плодом сего союза явилось чудовище невиданное: помесь ленточного глиста с Франкенштейном.

Обсемененный злокачественными клетками неоконмунизма капитализм стал разъедаться изнутри. Облагодетельствованная избытком молодежи возжаждала его гибели путем разрезания кормящего тела на миллионы кусочков. Коммунизм вызрел в недрах свободного общества, как многоголовый хищник из ночного кошмара, и вцепился бесчисленными зубами и присосками во все его органы и нервные узлы.

Подробности известны. Франкфуртская школа, неомарксизм, фрейдомарксизм, сплочение всех мень-

шинств — расовых, национальных, религиозных, сексуальных, гендерных, жестокий черный расизм, самотеррор посредством неконтролируемой мусульманской иммиграции, аутогонение христианской культуры на себя самое, депопуляция, объявление белой расы виновной за все грехи истории (реальные и вымышленные), белой культуры — расистской по факту, а белых мужчин объявили просто источником всех зол и исчадиями ада.

И «свободный мир», бывший свободным каких-то четверть века назад, вдруг оказался разделенным на две непримиримые половины. «Прогрессивисты», то есть уничтожители собственной цивилизации, апологеты коммунистических фантазий всех степеней бреда, агрессивные борцы со всеми несогласными — и «консерваторы», то есть психически и умственно адекватные люди, приверженцы закона и морали, труда и личной безопасности, равных возможностей для каждого, свободы слова и печати, шествий и демонстраций, нормальной семьи и свободной конкуренции.

То есть: консерваторы придерживаются ценностей, которые и позволили нашей цивилизации состояться и достичь небывалых в истории вершин. Прогрессивисты хотят эту цивилизацию уничтожить, и на ее обломках создать мир всеобщего уравнительного равенства — равенства благ и результатов для каждого, независимо от его вклада в общее дело, пользы, способностей и трудолюбия. Независимо от спроса на продукты его труда и сам факт труда либо его отсутствия.

Идеи прогрессивистов выглядят на первый взгляд бредовыми. На второй взгляд — садизмом и издевкой над умственными способностями граждан. И тем не менее они захватили умы подавляющего большинства западной интеллигенции, не говоря о студенчестве!

...Сейчас я хочу сказать по этому поводу лишь одно. Мир не может быть един. Человечество не может быть едино и солидарно. Имманентное стремление социума как системы к самоусложнению заставляет делиться недавних единомышленников на группы, борющиеся друг

с другом и определяющие себя через противопоставление другой группе. И в поисках союзников все группы собираются в две противоборствующие половины.

Все как всегда...

Так что от мысли об единстве человечества и глобальном едином мире можно отдохнуть. Если это и произойдет — то не навсегда, и более того, ненадолго. А потом — деление на те самые единые в своей вечной борьбе друг с другом противоположности.

То есть:

Не будет мирового правительства — а будут время от времени попытки его установить, с ним бороться и его свергать: циклический процесс. Пока плебс как масса не вымрет, элита как меньшая масса не модифицирует себя в «сверхлюдей» со сверхспособностями, а электронно-кибернетические устройства не вытеснят людей (без всякого кровопролития) как неконкурентоспособный вид в продолжение энергоматериального прогресса, то есть нарастания мощности и скорости потребления, переработки и выделения энергии.

Коммунизм как вечная идея всеобщей справедливости, счастья и равенства — это, строго говоря, идея «уничтожения ради улучшения» любой общественно-экономической формации, которая прошла достаточный исторический путь для того, чтобы выполнить свое основное предназначение, ослабеть и приблизиться к обреченности неизбежного конца. Тогда с вечными идеями Золотого Века, модифицированными под терминологию и научный уровень своей эпохи, одряхлевший строй свергают, разрушают, способствуют его падению, и с мечтами о счастье и свободе вдеваются в новое ярмо, украшенное новой надписью. Новое ярмо вначале нагирает до крови, потом прилаживается и давит меньше прежнего, и в нем можно больше и эффективнее пахать.

КОММУНИЗМ КАК ВЕЧНАЯ ИДЕЯ УНИЧТОЖЕНИЯ РАДИ УЛУЧШЕНИЯ

И это гораздо печальнее коммунизма — замена более совершенными и эффективными энергоперерабатывающими системами. И что еще печальнее — именно это совершенно реально и наиболее вероятно.

Нет смысла собачиться там, где можно жить мирно, делая людям максимум добра и получая максимум удовольствия. Но увы: покой нам только снится.

ЭПИЛОГ

ЛЕВЫЕ И ПРАВЫЕ

Политическая борьба сегодня на Западе — это и в самом деле классовая борьба. Это борьба элит против народа. Менее образованный и более чуткий к социальным землетрясениям народ это чувствует — более образованная интеллигенция, руководствующаяся теориями и избытком энергии, этого не понимает.

Это борьба глобализма против народов и государств. Борьба социально ориентированных групп против бездушного глобального обогащения кочевых элит. Где интеллигенции и люмпенам на самом деле предназначена роль разрушителей государства и подставки под ногами элиты, которая поднимается к верховной власти над Землей.

Финансово-экономическая элита борется за свои деньги и блага, для чего необходимо бороться и за власть, создающую условия для их обогащения. А логика развития этих элит — и есть логика развития глобализма. Произвести дешевле, продать дороже, уклониться от налогов и жить как можно комфортнее. Глобус к твоим услугам.

Эти элиты составлены из умных, жестких и беспринципных людей — истых бизнесменов. Они умеют обращать себе на пользу все, что подвернется.

И элиты умело используют любовь к свободе, тягу к свободе, борьбу за свободу. Свобода на социальном

уровне — это желание освободиться от любых запретов. Свергнуть их, отринуть, иметь свободу делать все — ну, максимально много. Идеалисты, мечтатели, гуманитары, писатели и ученые — да об этом вечно и мечтали.

Итак: не нужны границы; не нужна семья; не нужно обязательно работать; не нужно воздерживаться от того, что всегда запрещалось как разврат и грех; не нужно мешать любым людям переселяться в любую страну и требовать там благ — хотя этих людей никто не пускал и не звал. Пишите книги площадной бранью, описывайте грязные пороки; убивайте кого хотите — но вас нельзя пытаться и казнить, а тюрьма должна быть комфортабельной, не бойтесь.

Свобода переходит в анархию, и бандиты терроризируют приличных граждан, забредших в тот район, а толпы бездельников требуют содержать их — но это ничего, зато нет цензуры и полицейского произвола.

И журналисты, профессора, веселое студенчество и чисто устроившийся офисный планктон вполне довольны. А чем больше будет мигрантов и социальщиков — тем больше электоральная база элиты: мы вас прокормим, только не мешайте выводить производства и капиталы, нам это выгодно.

Утрата этнической, религиозной и культурной идентификации своего народа, его люмпенизация и замещение малограмотными инокультурными мигрантами — политически выгодно элитам. Ибо ей нужны победы в голосовании на выборах. А зажиточные работяги в своей стране ей не нужны.

И интеллектуальная элита общества. Пронизанная идеями неолиберализма — всевозможных свобод и прав личности в противовес ограничению прав государства — она не сознает, что работает на уничтожение своей культуры, народа и страны.

Американские интеллектуалы, руководствуясь наилучшими намерениями — не понимают, что ведут дело к превращению страны в Детройт, Мексику и Ливию. К впадению в бедность, анархию, жестокость и нетерпи-

мость. Думать о том, к чему приведет страну через полвека тенденция, за которую они борются всеми силами — анализировать и понимать это они себе запрещают. Это опрокинет их веру.

Возьмите тенденции рождаемости, роста/спада производств, темпа этнической и религиозной замены — и результат выйдет недопустимо неполиткорректный. А этого нельзя!!

Но. Солидарная позиция финансово-экономической и интеллектуально-пропагандистской элит — резко противоречит интересам основной массы народа. Который хочет, во-первых, жить. Во-вторых, работать и зарабатывать. В-третьих, иметь возможность дать образование детям и вывести их в люди. И в-четвертых — хотят жить, скажем, американцы в Америке, а не в Колумбии, Конго или Сирии. Не потому что там плохо — а потому, что родина — это дом, а не общежитие в бараке. Человек един с окружающей средой — всем ее устройством и обычаями: един с городом и страной! А отнюдь не только со своей квартирой. Это не пропаганда — это биология и социопсихология.

Элиты голосуют за власть элит — власть транснациональных корпораций с процветанием заметных людей и групп, поднявшихся на космополитический уровень. Народ голосует — за процветание собственной страны, то есть именно ее народа, с принадлежностью по гражданству, а не имущественному или профессиональному цензу.

Внимание! Это принципиально важно! Процветание страны и народа — а не самых богатых, образованных и пронирыливых, но в ущерб остальным.

Успокойтесь. Забудьте догмы. Трамп против Клинтон и Ле Пен против Макрона — обозначение именно этого противостояния, этой борьбы.

В их программах, действиях и планах — нет и близко ничего фашистского. Обвинения в их адрес сводятся к антилиберальным ярлыкам — без единого конкретного анализа и доказательства. Назвать фашистом — это по-

литический плевок в лицо, прием грязной демагогии. Когда контроль за государственной границей сравнивают с одобрением концлагерей — это позорно, это расплываться в своей беспомощности, лжи и отсутствии доказательств.

Популизм — это идеи и действия, которые проводятся в интересах народа и нравятся ему — но не нравятся элите. Те же действия, совпадающие с интересами элиты, она называет народной поддержкой.

Если представители интеллектуальной элиты Запада внимательно задумаются о сегодняшней борьбе левых-центральных и правых за программы и власть — они ясно увидят, что это борьба элит с народом. Борьба интересов верхов — и масс. Борьба жестокая, грязная и подлая. Где безопасная, обеспеченная и довольно счастливая жизнь называется прошлым — а мрачное жестокое завтра называется будущим.

ЧЕТЫРЕ КАРТЫ ШУЛЕРА

Американская Социалистическая Революция-2020 ярко и контрастно обнажила расклад сил Запада, борющихся за интереснейший гибрид глобализации, социализма и всемирного олигархата.

1. Транснациональные корпорации, мировой финансовый капитал. Может казаться поразительным — но миллиардеры спонсируют и продвигают левые, социалистические движения! Они идиоты или отъявленные альтруисты? Да нет, ребят типа Джорджа Сороса или Билла Гейтса в излишнем простодушии или безбрежной доброте заподозрить трудно. Люди они бесспорно умные и жесткие, и законы бизнеса усвоили хорошо.

Владельцы ТНК и нанятые ими мозговики отлично понимают, что левые, разрушив наш мир, ничего экономически успешного взамен создать не смогут. Зато смогут уничтожить границы, государства, национальную идентичность и экономическую базу — с их-то устремлениями кормить всех поровну, уравнивать дикарей с интеллектуалами и так далее. Современный олигархат использует левые движения для уничтожения государств — с тем, чтобы единое мировое промышленно-финансовое правительство контролировало весь мир.

Тогда нищий, беспомощный и бесполезный мировой люмпен-пролетариат будет всецело зависеть от подачек глобальной власти.

2. Политические элиты, ставшие профессиональной номенклатурой западных властных структур, заключили союз с олигархатом и принимают его финансовую помощь. Их задача — уничтожение правых и узурпация постоянной власти: эпоха демократии, выборов, сменяемости и отчитываемости власти должна закончиться. Таково их мнение. Более того — таково необходимое условие их выживания. Иначе сядут в тюрьмы и останутся без кормушки. Ибо лазейками демократии, по мере смягчения законов и нравов, воспользовались жулики и проходимцы. Жулики и проходимцы, ставшие профессиональными лжецами, коррупционерами и политическим слоем, хотят жить хорошо и долго, передавая власть в наследство детям.

Политические элиты также используют социалистические идеи и левые движения в своих интересах: уничтожить правых. Консерваторы, то есть сторонники свободы слова и печати, права на оружие, честных выборов, сохранения семьи и государства — угрожают существованию сегодняшних либеральных политических элит.

Выполнив свою задачу, левые движения должны быть прикручены, подавлены, прекращены; таков расчет элит. Сами же элиты должны обогащаться и вливаться в сверх-класс мировой глобальной элиты.

Но. Уже есть противоречия интересов. Олигархату не нужны государства. То есть после окончательной победы «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ГЛОБАЛИСТСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ» политическим элитам уготована роль марионеток. Надсмотрщиков над своими участками. Много марионеток мировой олигархической элите не нужно.

То есть:

Будучи в союзе с олигархами сейчас — политические элиты подготавливают собственное уничтожение. Они борются за мир, в котором станут не нужны.

На что же они надеются? Что, взяв власть, они ограничат возможности олигархов, с одной стороны, а с другой — сами войдут в олигархат. Вот здесь большинство из них ждет огромное разочарование.

3. Левые всех мастей. Социалисты и нео-социалисты, коммунисты и фрейдо-коммунисты, анархо-коммунисты и анархо-синдикалисты, троцкисты и маоисты, ленинисты и маркузисты. Они конкретно хотят строить социализм. Для чего сначала снести капитализм. Финансируются и поощряются олигархами и либеральными политическими элитами: чтоб они снесли современное государство, а в новом мире править будем мы.

Но. Элиты используют левых в своих интересах. А левые полагают, что это они используют элиты в собственных интересах!

Элиты: «Пусть левые выполняют грубую грязную работу, сметут наших врагов, а после победы мы их укоротим. Революции всегда подают на обед ее детей».

Левые: «Пусть они нас финансируют и покрывают, а после победы мы им всем скрутим шеи».

Надо заметить, что и в 1789 году во Франции, и в 1917 году в России — все мозговики и лидеры революции были уничтожены чернью и мелкими вурдалаками, неразличимыми в кипении главных событий. Контролируемый хаос как руководство революцией — это не проходит.

Революционные массы, которые движущая сила революции — это звучит гордо, но выглядит мерзко. Главная ударная сила толпы, сносящей «старый мир» — криминалитет, социопаты, погромщики и люмпены, уличное отребье. Эта толпа выдвигает вожakov, для которых нет авторитетов. Развращенная безнаказанностью, уверовав в свои силы и права, толпа сносит всех, кто пытался быть выше нее.

Перестрелять поголовно умеренную партию, которая науськала толпу на своих врагов — для набравшей силу толпы обычное дело.

4. Все меньшинства: расовые, национальные, религиозные, сексуальные, инвалиды с ограниченными возможностями, особенные люди с особенным интеллектом, а также женщины, и не только феминистки, но и активистки всех мастей! Чего они хотят? Иметь и по-

лучать как все: должностей, образования и доходов.

А это возможно только при социализме. Обобществление всего вырабатываемого продукта — и административное распределение доходов. Плюс компенсации и репарации за увечья и тяжелое историческое прошлое.

Меньшинства — прекрасное прикрытие для всех левых и полезная рабочая сила погромов. Меньшинствами шантажируют власть и общественное мнение: имейте совесть, посмотрите на несчастных, подайте им все!

Устраивает ли политиков-либералов-демократов социализм? Да! — но при одном условии. Они будут несменяемой властью — и они сохранят свои деньги и имущество. Ибо социализм — это всегда несменяемая диктатура, а роль диктатора — это именно их мечта.

Учитывая образ жизни социалистических лидеров XX века — элита соцстраны может жить в роскоши. Главное — в эту элиту войти.

Что получают левые лидеры — в случае победы социализма? Одни — хлебные и престижные должности, и мигом станут социалистическими буржуями. Других расстреляют или уничтожат иначе.

Что получают массы? Бедную жизнь в бесправии. Свободы отменяются. Тебе чего-то мало? Извини — в стране больше нет.

Что получают меньшинства? По шее. Делай что хочешь, но отцепись от власти и не смей ее критиковать. Что тебе дали или разрешили — тем и будь доволен.

Что получают олигархи? Полностью послушные государства с карманными правительствами и бесправной массой нахлебников.

Что получит мир — в итоге? Глобальное правительство и бессильный плебс на социалистических территориях. Растворение границ, отмирание государств, правительства с функциями надсмотрщиков-распределителей и исчезновение народов, сливающихся в усредненную массу без групповой идентичности.

РЕАЛЬНАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

В свете идей гуманизма и прогресса, установление глобализации сродни «общественному договору» Руссо в эпоху универсализма цивилизации на западной основе. Науки, технологии, все достижения, весь основной корпус культуры — един для всего человечества. Сохраняются лишь отдельные особенности национального колорита — типа гастрономических пристрастий или религиозных обрядов. И вот в таких условиях люди объединились политически, а экономическое объединение уже произошло по факту: производства и товары распределены по глобусу, исходя из повсеместного спроса и эффективности. А культурное единство сложилось еще раньше: моды, музыка, автомобили и вообще язык прекрасного не знает границ. Кстати, язык — английский: так уж сложилось.

Итого, люди всех стран избрали свои правительства и уполномочили их объединить все свои страны в одно общее для планеты государство. И не будет войн, расходов на поддержание границ и таможен, и мы будем все дружно работать и вместе радоваться единой семьей.

Теперь — взгляд назад. Дружная единая семья народов Римской Империи развалилась. А до того — распалась великая семья народов огромной Персидской Империи. Недавно были семьи Великой Британской Империи и Советского Союза. Конечно, взаимопроникнове-

ние культурное и экономическое было еще не то, что ныне. Но учесть стоит.

Теперь — взгляд вокруг. Европейский Союз. Свободное движение денег и товаров, производств и рабсилы, и единое правительство в Брюсселе со странными полномочиями: его никто не выбирал, но оно норовит всем все диктовать. Англия уже сбежала. Многие участники многим недовольны. Однако сегодня — это глобализация в очередном ее приближении.

То есть? Социалисты берут власть, вводят предписания и запреты, обязательные для всех, устанавливают диктатуру политкорректности и производят этническое и культурное замещение коренных народов, уничтожая их идентичность. А все противники такой модели глобализации объявляются фашистами.

До вас начинает доходить, что такое глобализация не в мечтах и планах, а в суровой реальности?

Глобализация — это объединение всего мира в единое политическое, экономическое и культурное пространство. Уже сказали.

А теперь вопросик на засыпку: на какой почве объединяться будем? На нашей, на датской? Доминировать будет кто: иудео-христианская белая цивилизация европейцев (с американцами) — или китайская с ее полутора миллиардами китайцев и могучим потенциалом как интеллектуальным, так и промышленным — или пассионарная исламская с ее напором и жесткими традициями — или черная африканская с ее буйством и тягой к иждивенчеству? А вы, господа изобретатели теории глобализации, китайцев с арабами спросили насчет согласия?

Это вопрос мутный, и ответ на него туманный. Вот вам раз.

Культуры постоянно конфликтуют между собой — неизбежность конфликта следует из самой их различности. А противоречия культурные и экономические неизбежно имеют тенденцию к обострению в военной форме. Ибо, продолжая Клаузевица, война — это продолжение в иной форме не только политики, но и экономики,

и культуры, и стремления к доминированию, вытекающему из сущности любой системы.

Если же для достижения истинной и полной глобализации нам необходимо все культуры взаиморастворить и получить единую, гибридную — это проблематично. Ибо доминирует при диффузиях всегда одна культура, растворяя в себе прочие и используя некоторые их детали в своем мейнстриме.

А белые уже сегодня истерически проповедуют самоуничтожение! Встают на колени и целуют ботинки. Вы хотите жить в исламо-африканском глобальном мире? Что касается меня лично — упаси бог! Как насчет подумать об этом?..

До вас доходит, что вы наблюдаете сейчас глобализацию в реальном процессе ее приближения?..

...Изначально экспансия, завоевания, расширение жизненного пространства, грабеж и порабощение соседних народов — было формой стремления к своей значимости, влиянию, богатству и силе. Сколько могли — столько захватывали, и гордый царь царей слал указы в дальние концы своих владений. Сильная рука и длинное копьё, да числом поболее, решали вопросы объединения народов.

По мере развития цивилизации — цивилизаторами соседних земель стали мушкет и пулемет. Продукты научно-технической мощи и богатства.

А вот дальше, вот дальше! Эффективность оружия росла, и вооруженное равновесие границ сохранялось все дольше. И тогда основным тараном экспансии стала товарная экономика, высокотехнологичные продукты: ружья, виски, бусы и топоры. А для равных тебе народов — эквивалент всех товаров: деньги! Кто богаче — тот заказывает музыку. Скупает твои земли и предприятия. Подкупает твоих политиков и нанимает против тебя профессиональные армии.

Предтеча глобализации — торговля, особенно со времени изобретения финикиянами денежных знаков. Этот ключ начал открывать любые замки. А в XIII веке н.э.

Орден Рыцарей Храма, владелец огромных земель и десятков замков в Европе и Палестине, создал международную, над-государственную банковскую систему и придумал чеки, которые обналичивались любым их банком в любой стране: чек вместо наличных гарантировал деньги путешественника от грабежа в пути. Орден кредитовал королей и участвовал в войнах как неподвластный государям субъект международного права.

Всерьез современная глобализация началась после Эпохи Великих Географических Открытий: мир был поделен на колонии европейских держав. Силовая экспансия сопровождалась товарной, культурной, научной, подминая под себя и растворяя культуры местные (менее развитые, говоря откровенно, так что процесс этот объективен). С началом XVII века на глобальную арену вышли Голландская Ост-Индская компания и Британская Ост-Индская компания. Они подчинялись короне или парламенту, но были полноправными владельцами колонизированных земель на разных континентах, имели собственные армии и флот, не только торговый, но и военный. Их экономическое и политическое влияние на мир было огромно.

А на излете бурной эпохи наполеоновских войн и последовавшей за ними Реставрации франкфуртский ювелир, меняла и разбогатевший банкир Амшель Майер Ротшильд скончался, создав знаменитую финансовую империю: пять его сыновей стали банкирами и ворочали огромными деньгами в Лондоне, Париже, Неаполе, Вене и родном Франкфурте-на-Майне. Через эту сеть великие державы Европы обрели некоторое финансовое единство: банковский дом мог аккумулировать в нужной точке долю огромных денежных ресурсов всех пяти стран. Это была транснациональная финансовая корпорация. Она ссужала деньги государствам и финансировала войны!

Что мы видим? Глобализация — аспект империализма. То есть сущность ее определяется сущностью экономики и политики передовых государств. Объединение мира на

базе политико-экономической экспансии. Что, естественно, сопровождается экспансией культурной и ассимиляцией, перевариванием местных культур культурой-колонизатором. Собственно, так было всегда: победитель аннексировал побежденного, превращая его в часть себя. Так латиняне ассимилировали сабинян и всех италиков, франки — всех германцев и кельтов Франции, московиты — окрестные славянские и финно-угорские племена, и т.д.

И вот сегодня процесс глобализации стремительно, рывком, ускорился и принял тревожные, мягко говоря, формы:

1. Мультикультурализм Запада. Если при колониализме дикари втягивались в высокую западную культуру, приближаясь к европейцам — то сегодня анклавы мусульман, азиатов и африканцев из малоразвитых регионов, ширятся и множатся в теле западных стран. С ними растет преступность, паразитизм и варваризация Запада. То есть: подъем отсталых народов и регионов — сопровождается культурным упадком ведущих народов и стран. Глобализация как механическое перемешивание народов и культур.

Народы развитых стран этого, естественно, не хотят. Но элиты, захватившие власть, навязывают народам «мультикультурализм».

Мультикультурализм — это механическая глобализация методом насильственного перемешивания народов и культур в развитых странах — опускающего их ближе к уровню отсталых.

2. Аутсорсинг. Вынос производств в регионы с дешевой рабочей силой. При этом отсталые ранее регионы экономически и культурно поднимаются. Но свои рабочие и инженеры остаются без работы, собственные производства падают, собираемость налогов понижается, государство беднеет, средний класс исчезает. Происходит маргинализация развитых народов.

То есть. Отсталые и передовые близятся друг к другу, разница между ними уменьшается. Что хорошо для от-

сталых — но плохо для развитых. Происходит САМОРАЗВЕРЖЕНИЕ развитых стран.

3. Как я писал еще 25 лет назад в книге «Все о жизни», обществу с развитой наукой, техникой, производством — вернее даже, самой Природе при таком развитом обществе не требуется много людей. Рождаемость падает по разным причинам, но в принципиальной основе — отсутствие общей социальной перспективы и востребованности, материально-энергетическая ненужность с точки зрения эволюции Универсума.

Белая раса стремительно самоликвидируется, замещая себя цветными. При этом черные борются с желтыми, требуя равных представительств везде, ибо желтые умнее и способнее.

То есть: происходит выравнивание этнического состава планеты и способностей разных народов и рас — в сторону понижения умных до уровня глупых.

4. Кому это выгодно? Самому верху и самому низу.

Самый верх стремится к максимальной прибыли, освобождаясь от любых помех в виде границ, правительств и государств с их законами. Мировой олигархат. Кочевая элита.

А самый низ — дикари, бездельники, паразиты, которые хотят прилично жить, ничего не делая. Психология и образ требований: «Подайте мне все!» При полном глобализме содержать их не трудно.

5. Кто активно работает на создание мира олигархов и паразитирующих масс? Левые всех мастей. Они нужны элитам. Они разрушат существующие государства. И уравниловкой подсадят всех на равное распределение благ — сделают иждивенцами. Ведь эти борцы и ораторы сами никогда ничего не производили — «пусть каждый свободно делает что нравится — а государство, правительство, власти его кормят».

Основная масса народа превратится в иждивенцев, покорных элите ради хлеба и развлечений.

6. А поскольку от невостребованности энергии будут бунты — будут и органы их подавления. А поскольку

иногда возникнет нужда заставить развращенные массы исполнять скучные и неприятные работы — появятся новые законы и трудовые лагеря.

7. Это будет глобальный мир социализма. С несменяемой номенклатурой, располагающей всеми благами и возможностями. И народом, где все равны в распределении благ и социальной беспомощности.

Вот так будет выглядеть глобализация, и вот так будет выглядеть коммунизм. Вот чего объективно добиваются пламенные и наивные левые. И вот для чего они предназначены реальными хозяевами мира.

ВОССТАНИЕ В РАЮ

Каков Рай — будь то для викинга, крестоносца или исламского фундаменталиста? Это прекрасное, комфортабельное и благоустроенное место, где равные среди достойных люди по заслугам наслаждаются вечным изобилием в мире и покое. А что надо, чтобы попасть в Рай? Правильно прожить жизнь. Проявлять мужество и доблесть, побеждать и уничтожать врагов, завоевывать новые земли и покорять народы во имя высшей ценности — Всевышнего и его истины, или просто во утверждение своего меча. И при этом — стойко переносить лишения и трудности воинской службы... тьфу, своей праведной жизни: бедность, голод, раны, усталость, потерю близких и друзей.

То есть: доблести твоей жизни необходимы для вечного счастья в конце пути. Тяжело в жизни — легко в Раю.

Рай — это цель доблестной и правильной жизни.

Внимание:

Человек готов к любым подвигам и лишениям — чтобы попасть в место, где уже нет ни подвигов, ни лишений, а только счастье покоя и изобилия.

Это звучит простенько, как в стенд-апе, да? Но на самом деле — это глубочайшая философская истина. Она же — принципиальный момент диалектики применительно к психологии, социологии и истории. Почему?

А потому что:

По мере обогащения и совершенствования общества, по мере приближения к комфортной, изобильной и безопасной жизни — суровые доблести праведной жизни становятся все более ненужными, отменяются сами собой. Храбрость, жестокость, аскетизм и групповой эгоизм постепенно превращаются в архаичные традиции, осуждаются и отмирают. Ведь уже мир и сытость! Теперь востребованы миролюбие, толерантность, честность, а вспышки агрессии полиция карает согласно закону.

Цивилизация вершит свое восхождение к вершинам — и вот уже не обязательны трудолюбие, сила, ум. Мы в состоянии накормить и обеспечить всех. Можно жить не напрягаясь.

И дети уже перестают быть опорой родителей в старости. Богатство страны позволяет кормить стариков за счет общины, государства. Семья теряет свою социальную обязательность и востребованность и разрушается.

Таким образом: именно те качества, которые позволили создать великую цивилизацию — отмирают по мере ее создания. И вершиной пирамиды, венцом творения — оказывается потребительский рай изобилия и вседозволенности. Нет человеку никаких ограничений, кроме как не мешать соседу так же свободно наслаждаться изобилием и вседозволенностью.

Государство бойцов и работяг превращается в государство бездельников и болтунов. Идеология борьбы и труда сменяется идеологией соглашательства и паразитизма.

И тогда мужчины перестают быть мужчинами, женщины перестают быть женщинами, а дети перестают быть вообще.

Еще раз:

По мере изменения социальной среды — качественно изменяется человек, меняющий эту среду. Пока не превратится в бесплодное, бесполезное и беззащитное существо. Балласт истории. Тут ему и хана вместе со своей средой.

Мир земной отличается от Небесного тем, что не может быть законсервирован. Процессы перерождения его структур, от молекул до социальных систем, заданы самой природой Времени.

Достигнув материального совершенства, возможного на конкретной стадии истории, земной рай свободы и потребления начинает прокисать. Дегенерировать. Дегradировать ментально, социально и идеологически.

Потребность в борьбе вырождается в борьбу с глобальным потеплением и с нарушителями вербальных табу. Потребность в труде сменяется национально-сексуальными квотами на все работы и всевозможным политико-сексуальным «активизмом». И вообще идет вымирание: все меньше семей, все меньше детей, причем этот процесс поощряется материально и идеологически под разными вывесками гуманизма и благих намерений.

Руководимая потребностью и инстинктом социального развития, то есть изменения, теория и идеология современного Запада продолжила свое движение за те границы, где стала существованию собственной цивилизации противоречить. Развитие как жизнь перевалило пик и превратилось в изменение к смерти.

Человек современного цивилизованного Запада уже не в состоянии быть монадой, песчинкой своего прочного государства. Он уже развращен, слаб, нерешителен — и страшно дезориентирован. Критерии добра и зла, нормы и патологии смещены так, что существование нашего мира в системе «новых ценностей» невозможно.

Чего и добиваются левые всех мастей уже сто лет. И товарищ Антонио Грамши рукоплещет из могилы их успехам.

А человеку нужно — что? А человеку нужна структура убеждений. Ему нужна центральная организующая идея, чтобы все его знания и представления о жизни были как-то организованы в цельное мировоззрение. Пусть примитивное, но оно есть у каждого. В течение

всей истории роль структуры убеждений играла религия. А в XX веке для многих стран — эту роль играл коммунизм.

Структура убеждений обязательно включает в себя систему императивов и табу. Вот это делать нельзя, а вот это надо.

Толерантный Запад уничтожил ограничения, а исторически говоря — они отмерли. Нельзя — ограничивать других, надо — терпеть все, что делают другие.

Но! Социальный инстинкт повелевает человеку иметь твердые взгляды и ценности, объединяющие его с другими. И чтобы эти взгляды и ценности было необходимо защищать всемерно, и более того — навязывать другим и бороться с инакомыслящими. Именно так происходит объединение народа и подъем цивилизации. Групповая спайка и внедрение своих ценностей, организация мира согласно своим взглядам — вот что лежит в основе цивилизационного процесса, рассматривая на уровне социальной психологии.

И когда нет жестких и единых правил поведения, жесткого свода императивов и табу (привет от 10 Заповедей) — люди их ищут и находят, и начинают страстно бороться за их непререкаемую обязательность. Даже идя на личные лишения. Как христиане в изобильном Риме упадка.

Современный социализм Запада — агрессивный, нетерпимый, разрушительный — точно то же самое. Расхлябанность законов и нравов сформировала бесполезных разгильдяев. А дефицит запретов и целей породил левацкий фанатизм. И плевать, что все опыты построения социализма доказали его несбыточность.

Как объективное средство самоуничтожения цивилизации — борьба за социализм вполне эффективна. Нам нужна цель! Равенство, братство, счастье! Мы вас похороним!

...Можно перевешать всех коммунистов и выслать за границу всех цветных. Запретить все партии и организации социалистическо-коммунистического толка. Можно

вернуть шерифское право и суд Линча. Можно создать новый комплекс законов Ликурга и жестоко карать за его нарушение.

Но нельзя отменить научно-технический прогресс, обеспечивающий изобилие и делающий экономически ненужным труд большинства человечества. В этом корень сегодняшних социальных бед, и этот корень хрен ты выдерешь из почвы Истории и Природы.

Что остается? Стоять на своем! Вопреки фанатам и мракобесам от фашизма-коммунизма, вопреки воплям и законам. Если окажется, что это вопреки Истории — значит, вопреки Истории. Не вечен Мир, не вечна Земля, не вечно Человечество. Но пока мы есть — мы остаемся собой! Мужчины, женщины и дети, в своих домах у своих очагов, бойцы и работяги, верящие в себя и свое оружие. А там — еще неизвестно, как все обернется.

Посмотришь кругом — это ж черт знает что такое делается.

Надо быть добрым, честным и справедливым. Еще умным и работающим. А хочется — быть счастливым. И при этом богатым.

Быть сытым среди голодных и счастливым среди несчастных как-то неловко. Поэтому нужны справедливость и равенство. Пусть у всех будет все.

Вот тогда народ берется за оружие. И власть запрещает народу вообще иметь оружие. Вдруг застрелятся.

Баррикады всех революций мира строятся из книг мечтателей о счастье и справедливости. Когда революция побеждает — баррикады перестраивают в тюрьмы для инакомыслящих.

Народ всегда женат на царевне-лягушке. Царевна правит, а с лягушкой ты живешь. Вот и вся сказка о счастье и справедливости.

Не слушай сладких песен о счастливом болоте и золотой короне. Сильный и умный берет топор и строит свой дом.

СОДЕРЖАНИЕ

Как я был пролетарием	5
Как я был социалистом	9
Как я был совслужащим интеллигентом	14
Как я был капиталистом	19

Битва ложки с лопатой

Боевая птица цвета ультрамарин	26
Победные грабли социализма	32
Ход истории	37
Долгий полет мечты	48
Воскрешения упрямого феникса	56
Маркс	66
Постмаркс	78
Закон малой группы	82
Марксизм как идеализм	89
Марксизм как теория ненависти	93
Марксизм и коммунизм: почему его не будет	100

Твоя свобода — моя тюрьма

Свобода	104
Социализм и свобода	107
Преимущества социализма	113
Свободное общество и социализм	116
Семья при социализме	121
Диктатура	130
Агрессия и гражданская война	137
Тест на лирику	140
Быдло в стойло	144

Цивилизация грабит каждого

Сущность эксплуатации	148
Эксплуатация и прогресс	162
Собственность и социализм	170
Мотивация к труду	179
Универсальный базовый доход	190
Коммунизм и фашизм: принципы и практика	194
Теория конвергенции и социальное государство	201
Китай	209

Золотой сон взрывников

Порция пюре с мозгами	214
Три сорта советского человека	221
Почему они есть — коммунисты сегодня?	224
Чего они хотят	229
Почему они не слышат аргументов	232
Почему они лгут	239
Главный парадокс	243
Пик и крах страны и цивилизации	245
Аутоимунное бешенство	251
Некоторые соображения общего характера	259

Эпилог

Левые и правые	264
Четыре карты шулера	268
Реальная глобализация	272
Восстание в раю	279

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Веллер Михаил
ШАЙКА ИДИОТОВ

Компьютерная верстка: *Р. Рыдалин*
Технический редактор *Т. Полонская*

Подписано в печать 07.10.2020. Формат 84x108 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Гарнитура Newton.
Усл. печ. л. 15,12. Тираж экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции ОК-034-2014 (КПЕС 2008);
58.11.1 – книги, брошюры печатные

Произведено в Российской Федерации
Изготовлено в 2020 г.

Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звёздный бульвар, дом 21, строение 1, комната 705, пом. I,
7 этаж.

Наш электронный адрес: www.ast.ru. Интернет-магазин: www.book24.ru.
E-mail: neoclassic@ast.ru. В Контакте: vk.com/ast_neoclassic.
Инстаграм: instagram.com/ast_neoclassic.

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, Жұлдызды гүлзар, д. 21, 1 кұрылым, 705 бөлме, пом. 1, 7-қабат
Біздің электрондық мекенжаймыз: www.ast.ru
Интернет-магазин: www.book24.kz Интернет-дүкен: www.book24.kz
Импорттер в Республику Казахстан и Представитель по приему претензий
в Республике Казахстан — ТОО РДЦ Алматы, г. Алматы.
Қазақстан Республикасына импорттаушы және Қазақстан Республикасында
наразылықтарды қабылдау бойынша өкіл — «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы
қ., Домбровский көш., 3«а», Б литері офис 1. Тел.: 8(727) 2 51 59 90,91,
факс: 8 (727) 251 59 92 ішкі 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz, www.book24.kz
Тауар белгісі: «АСТ» Өндірілген жылы: 2020
Өнімнің жарамдылық; мерзімі шектелмеген.

